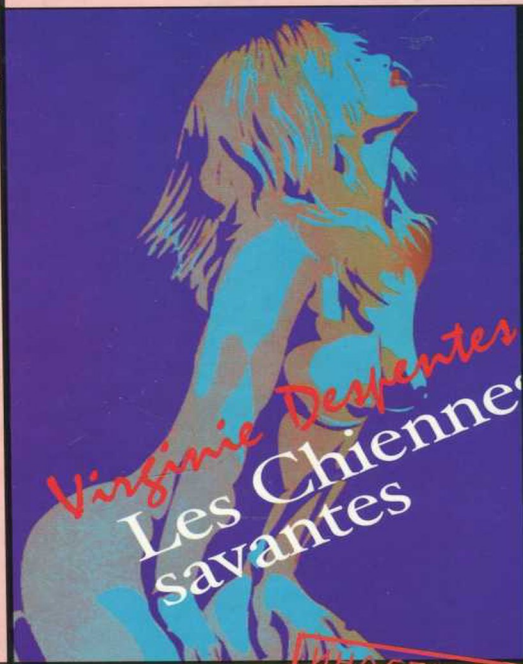
ВИРЖИНИ ДЕПАНТ

Дрессированные сучки

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Составитель серии И.Кормильцев

©



ИНОСТРАНКА

0 1 9

9 785941 451400

[Со мной такое случалось: я замирала в недоумении, спрашивая себя: “Какого хрена я здесь делаю? Что дальше? О боже, дальше-то что?” А ведь знаешь, сволочь, что нельзя слишком много пить-курить, когда работаешь! Впрочем, я не из тех, кто извлекает уроки из собственных ошибок...]

Дрессированные сучки Виржини Депант

Аннотация
Виржини Депант. Дрессированные сучки
Среда, 6 декабря
- 16.00
- 16.40
- 17.15
- 17.50

Четверг, 7 декабря
- 14.25
- 18.00
- 19.30
- 19.55
- 20.15

Пятница, 8 декабря
- 11.00
- 14.30
- 16.40
- 19.00
- 20.30
- 23.00
- 1.30

Суббота, 9 декабря

14.00
14.30
Воскресенье, 10 декабря
1.00
3.30
Понедельник, 11 декабря
14.45
15.15
Вторник, 12 декабря
16.00
17.00
22.00
Среда, 13 декабря
9.00
13.00
Четверг, 14 декабря
11.45
12.30
14.00
15.00
Пятница, 15 декабря
10.00
11.05
11.20
12.00
16.00

Среда, 20 декабря

- 13.00
- 17.00
- 17.45
- 18.45
- 19.30
- 22.00
- 23.55
- 2.00

Четверг, 21 декабря

- 6.00
- 11.45
- 13.00
- 22.55
- 23.05

Аннотация

Виржини Депант (род. 1974) — одна из самых модных современных французских писательниц, автор романов "Трахни меня" (Baise-moi, 1993), "Миленькие вещички" (Les Jolies choses, 1998, премия Флора) и "Дрессированные сучки" (Les Chiennes savantes, 1999).

Главная героиня романа "Дрессированные сучки" Луиза живет в Лионе и танцует в пип-шоу. Да, грязно, да, опасно, да, наркота и выпивка, но ведь все так живут... И жизнь идет, как идет, пока на кафельном полу кухни не находят зверски убитыми двух стриптизерш-парижанок, которые черт его знает зачем приехали в Лион.

Виржини Депант
Дрессированные сучки

Я люблю тебя, Джейн, и возможно, любовь эта — навеки.
Флорану
Это место, куда я пытаюсь попасть… Оно так далеко отсюда. Я закрываю глаза, но не могу, не могу исчезнуть…
Святой Михаил М.

Среда, 6 декабря

16.00

Воздух в нашей каморке пропитался жирной грязной жарой.

Развалившись под моим стулом, Масео, Лорин пес (она подкинула его нам, уходя на свидание), мирно сопел, вывалив из пасти толстый, подрагивающий розово-белый язык. Масео — огромная зверюга ярко-рыжей масти, у него круглые глазищи, глупые и томные.

Кэти рисовала цветы с гигантскими лепестками на последней странице записной книжки.

В соседней кабинке взвизгнула Роберта:

— Чего это ты там мелешь, старая свинья? Что-что ты собираешься сделать с моими трусиками?

У нее голосок-фальцет маленькой девочки — капризный, притворно негодующий.

Тип по ту сторону стекла явно заводится, бормочет что-то нечленораздельное.

Сидя спиной к двери, я готовила себе зелье на газете. Если Джино вдруг войдет, успею перевернуть страницу и принять невинный вид. Изобразить честную девушку, которая ждет своей

очереди выйти на круг.

Джино "держал" вход в "Эндо" — шоу, где я работала в ту зиму. Бывший наркоман, он не упускал случая порассуждать на животрепещущую тему: "Легкие наркотики — вот уж действительно дрянь! Ну какой в них прок? С ног не валят, устаешь как собака, и все — пшик!" Дальше Джино пускался в сладкие воспоминания о своих героиновых подвигах, ностальгируя по "настоящей" дури, — ну прямо романтик, да и только! Джино то еще трепло, хоть и не умеет говорить красиво.

Вообще-то Джино был крепким мужиком, честным, прямым и добросовестным, вот Только с чувством юмора у него было плоховато — он рассказывал одни нравоучительные истории, с обязательным моралитэ в конце. Да, еще Джино был ужасным ханжой — как многие профи в "панельном" бизнесе.

Я как раз заканчивала рубить табак для смеси, когда по громкой связи вызвали девушку на дорожку. Я повернулась к Кэти, дождалась, пока она поднимет глаза от своего наброска, и кивнула в сторону газетки:

— Мне не ко времени, сама видишь.

Она встала — безо всякого энтузиазма, но достаточно быстро, чтобы клиент не успел за-

нервничать.

Я осторожно возила рукой по газете, смешивая "угощение", и тут от входной двери донеслись голоса:

— Чао, Джино, дорогой! Вот это погода! Ну и солнце! Погреешь старые косточки, да, дружок?

Я глянула на стенные часы — вот и смена, когда делаешь дело, время бежит быстро.

В комнату вошла Стеф, за ней по пятам — Лола. Стеф поздоровалась, и в ее голосе прозвучал упрек — так она разговаривала всегда и со всеми, без исключения.

Эта парочка редко разлучалась. С тех пор как Стеф и Лола появились в заведении, я ни разу не видела, чтобы они поцапались: полное взаимопонимание и согласие. Противоположности сходятся, или как там принято говорить…

За несколько недель до их прихода в "Эндо" я навещала одного типа на улице Сен-Дени — мне сказали, что в его пип-шоу торгуют "прихватками". Хозяин отсутствовал, но его помощник — сама любезность — просто лопался от гордости за их заведение.

— Нет, ты должна взглянуть на дорожку, мы все переделали! Расскажешь, как там девочки, ну давай, пошли…

Новый, с позволения сказать, декор их дорожки оказался просто чудовищным — этакий зубной кабинет в стиле "хайтек". Зато танцовщицы — высший класс, ничего не скажешь. От выступления Стеф и Лолы я просто обалдела, так что, встретив их в Лионе, сильно удивилась.

Я ничего им не сказала — во-первых, Стеф мне сразу не понравилась, а во-вторых, не мое это было дело.

Все-таки случай — ужасная скотина! В тот же день на улице Сен-Дени я зашла в кафе взбодриться кофе с коньяком и запомнила официантку — из-за щербатой улыбки.

Через два дня после приезда в Лион Стеф и Лолы я встретила эту девицу на улице. Никаких выводов из столь странного совпадения я тогда не сделала — не люблю "будить лихо"...

В тот день Лола сильно хрипела — успела "разогреться".

Войдя, она победно вскинула вверх руку с зажатой в ней бутылкой виски *“Four roses".*

— У нас пусто? Шикарно! Смотри, что у меня есть!

Стеф сухо оборвала подругу — интонация была назидательно-осуждающей:

— Джино ведь сказал, что Роберта работает в

четвертой! Неужели трудно вести себя потише?

Лола ответила — на тон ниже, но безо всякого раскаяния:

— Прости-прости-прости, лапуля, я снова вляпалась…

Она наклонилась и чмокнула меня — щеки ее пылали от возбуждения.

На Стеф и Лоле были толстые фуфайки поверх бесформенных холщовых штанов. Они всегда так одевались — в стиле отставных вояк. Стеф в этом наряде напоминала грозного полковника, Лола — телку в депрессии. Никто лучше этих двоих не умел сделать из говна конфетку, выбирая прикид.

В помещении было слишком жарко — большую часть дня мы все ходили практически в чем мать родила, — так что Стеф с Лолой немедленно начали раздеваться.

Дверцы шкафчика Стеф были оклеены фотографиями торжествующего Бульмерки, одержавшего очередную победу. Стеф покупала "Экип" и прочитывала каждый номер от корки до корки: она преклонялась перед силой и выносливостью. Эта девка была от природы молчалива, и если уж раскрывала рот, то лишь для того, чтобы прокомментировать результаты матча или забега

на скачках.

Лолу спорт тоже интересовал, но с другой стороны. Она прикнопила к дверце фотографии Сотомайора и всех Боли в полный рост и иногда задумчиво их созерцала:

— Представляешь, вот этот, появляется… и уводит тебя! А потом… ух, что он с тобой вытворяет!

Стеф раздевалась, методично и аккуратно складывая каждую вещь и с той же омерзительной скрупулезностью разворачивала свои "боевые доспехи". А Лола, в лифчике и брюках, уселась перед гримерным столиком на табурет, выставив на всеобщее обозрение голые ступни. Ноги у нее были неухоженные, ногти — длинные, толстые и желтые, на пятках ороговевшая корка. Ноги дикарки. Взглянув на часы, она сладко потянулась.

— Время есть, Луиза, давай выпьем, я угощаю.

Я кивнула, соглашаясь, и в качестве "жеста доброй воли" протянула ей косячок.

Познакомились мы недавно, но сразу почувствовали симпатию друг к другу. Мы не торопим события — все придет само собой, а пока обмениваемся долгими многозначительными взглядами.

Лола разлила виски в два пластиковых стаканчика, затянулась так глубоко, что искра отлетела

на левую грудь, слишком резко дернулась и пролила содержимое бутылки на голову Масео. Пес подскочил как ужаленный и свалил на пол сумку Роберты.

Та как раз вышла из кабинки — лицо перекошено от злости — и заорала на нас:

— Вашу мать! Тут ведь не базар, могли бы не базлать так!

Она приласкала Масео, назвав его "бедный мой песик", и начала собирать с пола свои бебехи. Стеф невозмутимо причесывалась, откинув назад черные волосы, — так она выглядела еще воинственнее. Старый репродуктор прохрипел:

— Кэти, в кабину! Кто-нибудь — на круг.

Я кивнула Стеф, посылая ее работать. Сначала она покачала головой, отказываясь, но тут же раздраженно буркнула:

— Да ладно, ладно, иду!

Стеф вышла, гордо задрав нос. Она была обута в золотистые босоножки на высоченных шпильках — очень возбуждающие. Что и говорить — профессионалка! Белая юбочка в облипку, белые трусики. У Стеф фантастическая задница, круглая и крепкая — так и хочется ее оседлать. А бедра какие… В белом лифчике на косточках ее сиськи смотрелись как на витрине. Внешность у Стеф

убойная, даже у мертвого встанет, так что она может себе позволить обойтись без улыбочек.

Я протянула косячок Роберте, — трубка мира! — но она отвернулась, презрительно прошипев:

— Хватит того, что я глотаю ваш паршивый дым!

Мы с Лолой незаметно переглянулись — тяжелый случай, что и говорить!

Волоча за собой платье, вошла Кэти. С ее разгоряченного под светом прожекторов тела градом стекал пот.

У нее фигура маленькой девочки, не грудь, а так — намек, узкие бедра, полное отсутствие талии и дочиста выбритый лобок — для полноты картины. Она выпила стакан воды, оглядела себя в зеркале, подкрасила губы, и тут репродуктор выплюнул:

— Он ждет тебя в кабине № 2.

Кэти вышла молча, с опрокинутым лицом.

Скорчившись на краю душевой кабины, чтобы занимать меньше места, Лола приводила в порядок ноги. На левой у нее была забавная татуировка: тараканы, карабкающиеся от лодыжки к промежности, — шесть или семь мерзких тварей, черная затейливая цепочка. Мило, хоть и противновато… Во всяком случае, необычно,

выбивает из колеи. Каждый месяц, в те дни, когда Лола не могла работать, она беседовала со своими зверюшками, в задумчивости водя кончиком пальца по татуировке:

— Маленькая дрянь, что ты со мной делаешь… О, мама миа, как больно в животе… Будь умницей, пожалей, дай передохнуть…

Роберта рявкнула на Лолу:

— Отвали, мне нужно принять душ, хочу как можно скорее убраться отсюда!

Во многих наших девушках Лола пробуждает материнский инстинкт — в этаком фашистском смысле слова. Она никогда никому не давала отпора, отсутствующий вид многие принимали за тупость и не упускали случая зацепить ее.

Натянув нижнюю часть костюма, она залпом опустошила свой стакан, цапнула со стола бутылку, жестом предлагая мне допить, чтобы налить по новой.

Я последовала ее примеру, одним глотком прикончив вторую порцию виски, и вышла — пусть спокойно закончит одеваться.

16.40

Я ждала вызова, стоя со скрещенными на груди руками за красной занавеской.

С этого места мне были отлично слышны стоны Кэти:

— О-о-о, как хорошо! Да, да, вот так… работай, малыш… Какой у тебя хобот… ух ты! Как я его хочу… Ты посмотри, как я возбудилась — вся мокренькая!

Тут она замолкает, будто ее осенила гениальная идея:

— Эй, а не перейти ли в другую кабину? Нам будет удобнее. Там-то уж разомнемся!

Чем больше кабина, тем дороже платит клиент, а значит, и девушка получит кусок пожирнее.

В щель между занавесками я видела, как извивается Стеф. Женщина, сотворенная Господом из металлических сплавов, несгибаемая и благополучная. У этой девки великолепные природные данные: черные волосы, миндалевидные глаза, носик с горбинкой, тонкая талия и округлые бедра, ноги бесконечной длины с изящными аристократическими лодыжками. Стеф жила в этом дьявольски прекрасном теле, холодная

и неприступная, танцевала, глядя прямо перед собой, высоко задрав подбородок и развернув плечи, словно древняя воительница. Амазонка, а не стриптизерша. Ничего чувственного — просто исполнение ритуала. Клиентам, правда, по фигу — лишь бы сиськи подпрыгивали да заветная темная дырочка выглядывала…

Я почувствовала, что косяк и виски сделали наконец свое дело и я готова вывалиться на дорожку. Если однажды я сблевну-таки во время номера, Джино меня прихлопнет, — он и так следит, как коршун, бурчит в спину всякие гадости.

Стеф — сейчас она была больше всего похожа на киллершу — отдернула занавеску… По-моему, она перепутала дорожку пип-шоу с боксерским рингом.

На сцену вела маленькая лестница. Поднимаясь по ступенькам, я заводила себя — "надевала" на лицо улыбку волчицы, вышагивала походкой победительницы. Я проделывала это по десять раз на дню, но все равно считала, что выход — ударная часть номера… Руки на бедрах, неподвижная поза, взгляд устремлен на занятые кабины (мы определяли их по темным флажкам на зеркалах) — им главное внимание.

В тот день я дольше обычного простояла, упе-

рев руки в бока, чувствуя, что вот-вот "улечу" в заоблачные дали. Темнота окружала меня со всех сторон, я никак не могла сориентироваться.

Я стояла спиной к занавеске, а передо мной трепетали, дрожали, колебались восемь моих двойников: высоченные черные шпильки — слишком высокие для моего роста, рубаха, застегнутая сверху донизу…

Пришлось выбрать соответствующую позу и приложить чертовские усилия, чтобы никто не заметил, как сильно у меня кружится голова: ноги широко расставлены (для большей устойчивости) и слегка согнуты в коленях, лобок — на продажу. Расстегивая пуговицы, я крутила задницей и потихоньку раздвигала полы рубашки, выставляя вперед сиськи, потом начала ласкать их.

Навечно застыть в такой позе я все равно не могла, так что придется рискнуть и сделать несколько шагов.

Прямо над моей головой, на экране телевизора, подвешенного на цепях, крутили второсортную (а может, и третьесортную!) порнушку — "Ебаря I" — только он и был в репертуаре нашего заведения.

Сладким голосом распевал Принц, но Джино не

дал ему закончить, объявив:

— А теперь, господа, Услада Ваших Глаз — несравненная Люси, она танцует для вас! — и завернул несколько гнусных, сомнительного качества, шуточек тоном рыночного зазывалы.

Этот хрен всегда отказывался называть меня настоящим именем, когда я работала на дорожке, — старый козел считал, что это неприлично!

Я ласкала свой живот, проскальзывала рукой внутрь трусиков, медленно вытягивала ладонь назад, снова залезала в заветное влажное тепло… Но по-прежнему стояла на том же месте, что в самом начале номера, и больше всего на свете опасалась сейчас момента, когда придется наклониться, чтобы спустить трусы, поднять одну ногу, потом другую… Ужас. Паника, но всего на мгновение — профессиональная привычка делала свое дело, я продолжала двигаться в такт музыке, совершая ритуальные жесты. Со мной такое случалось: я замирала в недоумении, спрашивая себя: "Какого хрена я здесь делаю? Что дальше? О, боже, дальше-то что?" А ведь знаешь, сволочь, что нельзя слишком много пить-курить, когда работаешь! Впрочем, я не из тех, кто извлекает уроки из собственных ошибок…

И тут меня осенило: я плюхнулась на стоявший

посреди сцены пуфик. Не слишком резво болтая в воздухе ногами, подхватила себя руками под задницу и начала раскачивать ее влево-вправо. Напротив, на другой двери шевельнулась занавеска: я готова была прозакладывать дозу за то, что зануда Джино проверяет, жива ли я еще. Теперь я стояла на четвереньках, мотая головой из стороны в сторону и покачивая задом, — миленькая поза и вовсе не утомительная. Так прошло несколько минут, и я легла на спину (черт, только бы не сблевнуть и не заснуть!), скомандовав себе: спусти трусы до щиколоток! сбрось их! подтяни колени к груди! покажи им свою розовую Прелесть!

На четвереньках я выбралась в центр дорожки, надеясь, что похожа на сладкую течную сучку, а не на пьянчужку, потом встала. Подумаешь, слегка качнуло, нечего паниковать: в конце концов, легкие наркотики всего лишь заставляют сомневаться в себе, но не сносят с катушек.

Я подошла к зеркалу, которое открылось первым, прислонилась к стене, чтобы продемонстрировать клиенту сиськи "крупным планом". Телефон, висевший на стенке, зазвонил — клиенты могли вызывать девушек из кабины, чтобы поболтать о том, о сем. Не отлипая от стенки, я

сняла трубку, промяукала что-то вроде: "Ну-у-у?.." — и сама захихикала (проклятая выпивка!). Встала на колени перед кабиной, продолжая ласкать ладонью соски и пытаясь отвечать вразумительно.

— С тобой, птичка, я бы охотно потрахался! Продолжай крутить свои грудки, это меня заводит, ох как у меня встал!

Снова подступила тошнота. Что ж, придется отвечать:

— А теперь представь, что я зажала его своими шарами и ты ездишь туда-сюда, туда-сюда... Кайф?

Как правило, это срабатывало. Я старалась говорить голосом "дерзкой девчонки", вот только убежденности не хватало — мысли витали далеко. Мужик отпустил пару жирных гадостей, обе — на тему "ниже пояса":

— А ты та еще штучка, да? Я завожусь, как псих, когда играю с твоими буферами.

Он захлебывался от счастья. Я прижала трубку к уху плечом, продолжая "самообслуживание", и в конце концов прервала его:

— Ну что, может, взглянешь теперь на мою подружку? Она классная девчонка, правда!

Как у Роберты и большинства других девушек,

у меня были свои, особые словечки и выражения для дорожки, язык, не имевший ничего общего с нормальной человеческой речью. Когда я только начинала работать в "разговорном" жанре, мне казалось диким общаться с клиентами в стиле "буйнопомешанной", я боялась, они решат, что я издеваюсь. Довольно скоро я поняла, что все эти мужики хотят, чтобы с ними разговаривали самыми что ни на есть ненатуральными голосами, употребляя самые что ни на есть дикие слова. Так, по их мнению, говорят ЭТИ девушки. Действующие окружающим на нервы идиотки. Факушки, одним словом.

Я подобрала с пола рубаху и вышла. Лола ждала своей очереди за занавеской и явно была в лучшей форме, чем я. Отсутствующий вид, зато крепко стоит на ногах. Я почувствовала мгновенный прилив уважения и задержалась на несколько минут, чтобы посмотреть, как она работает… Красный ковер, позолоченные рамы зеркал — блестящая дешевка, подделка, липа, как и битые молью меха Лолы, бикини, инкрустированный стразами… декорации и костюмы из погорелого цирка.

Лола не была красивой, во всяком случае не в классическом смысле этого слова. Несвежий цвет

лица, тусклые волосы, лишний жир на бедрах, ляжках, животе…

Если кто-нибудь советовал ей привести себя в форму, Лола в ответ начинала искренне и весело ржать:

— Девки, ну вы даете!.. Я даже слишком хороша для всех свиней этой планеты, так что не стоит очень уж напрягаться! — Тут она брала себя обеими руками за задницу и продолжала: — Хватаешься — цепляешься — и я уношу тебя туда, где никто пока не жаловался!

Она танцевала, как покорная королева. Вдохновенная похоть в покачивании бедрами… Именно Лолу клиенты выбирали реже остальных танцовщиц: слишком высокий класс не шибко возбуждает!

Лола не блистала оригинальностью в диалогах с клиентами, но выходила из положения, употребляя всякие грязные словечки, которые знала она одна. Те, кто попадался на ее крючок, возвращались не реже раза в неделю, Лола почти сводила их с ума — она была не только талантливой танцовщицей, но и великой мастерицей говорить непристойности. Лола не жульничала, и крыша у нее была на месте: она вела себя одинаково за сценой и на сцене. Блистательная,

доверчивая, как ребенок, жадная до жизни. А в глубине зрачков — мука, жестокая боль, которые Лола не пыталась скрыть от мира. Ей и в голову не приходило мухлевать: она выставляла напоказ и растерянность, и задницу, и издевку над жизнью.

17.15

С одиннадцати утра мы не вылезали на свет божий. От мертвенно-белого зимнего солнца слегка закружилась голова.

Зимний декабрьский день был удивительно хорош. На набережной Соны в рыбном ресторане даже выставили столики на открытой террасе. Девушки на улицах, словно вспомнив о лете, демонстрировали ножки и наряды.

Масео повизгивал от счастья и рвался с поводка. Было что-то несуразное в столь бурной радости этой огромной мощной зверюги.

На Роберте было короткое яркое платье, она напоминала картинку из модного журнала. Ей нравилось привлекать взгляды посетителей баров — как будто она не выставляла себя напоказ по восемь часов кряду в заведении.

Мы остановились перед фотоателье, где работала Лора — "экспресс-проявка и печать за 1 час". Укрывшись в задней комнате от посторонних взглядов, она колдовала над большими ванночками.

Уставившись в пол, Лора поблагодарила нас за собаку. Ее маленькие красные, слегка влажные

ручки безостановочно судорожно шарили под прилавком, как будто она что-то искала. Пес вертелся вокруг Лоры, пихал ее толстым задом, отчего ноги девушки казались еще более хрупкими. Она скомандовала Масео: "Тихо!" — голос прозвучал спокойно и твердо, совсем на нее не похоже, — и гигант мгновенно подчинился.

Маленькая, хрупкая тихоня, Лора была слегка чокнутой — вид безумия, свойственный спокойным и цельным людям. Ее длинные волосы вились шелковистыми локонами, нежная кожа светилась, как тончайший фарфор. Лора была тупо, болезненно, раздражающе застенчива.

Говорить нам было особенно не о чем — Лора не отличалась болтливостью. Она никогда не смотрела вам прямо в глаза, а если я — из чистой вредности — все-таки ловила ее взгляд, возникало ощущение, что от этой девки исходит удивительная сила. То, что я порой угадывала в ее зрачках, завораживало.

Когда мы выходили, Роберта — Лорин магнетизм на нее не действовал — бросила мне:

— Она все безумней с каждым днем.

Я промолчала, и Роберта продолжила:

— Кэти видела, как Саид выходил от Стеф и Лолы. Ты в курсе, что они знакомы?

— Да нет, хорошо хоть ты просветила.

В нашем квартале все за всеми следили, не было ни одной новости, ни одного события, которое не обсосали бы и не раздули в тот же день, как оно случалось.

Саид, Лорин дружок, был из старожилов. Милый, любезный — и как родной со всеми. Не водился ни с ворами, ни с дилерами, и меньше всего — со шлюхами и стриптизерками. Мы каждый день пересекались в "Аркаде", куда он приходил выпить кофе, — хозяин был его соседом и приятелем. Саид редко вступал в разговоры с окружающими, казалось, собеседники всегда забавляют его. Этот парень мог покорить любого — на раз, за здорово живешь, он воодушевлял людей, мгновенно подчинял их своему обаянию.

А Роберта все разглагольствовала:

— Интересно, откуда они знают друг друга, наши птички никуда не ходят… Да и Саид не так много шляется. Но у них бывает каждый день. Кэти сказала, что…

Уже много лет мы с Робертой странным образом совпадаем — болтаемся в одних и тех же барах, работаем в одних и тех же заведениях. Мы близки, хоть и без сердечной привязанности.

17.50

Из распахнувшейся двери "Аркады Дзен" в лицо пахнуло теплом. Я проводила в этом баре столько времени, что на секунду показалось: вот, вернулась домой, на столе горячий ужин…

Бармен Матье протянул через стойку руку:

— Все хорошо?

— Могло быть и хуже. А ты как?

— Не жалуюсь. Что выпьешь?

Мирно, накурено — спокойная послеобеденная обстановка, тихий гул голосов. Посетителей мало, никто никуда не торопится. Позже атмосфера переменится, но спиртное потечет ручьем, так что смену темпа никто не заметит.

Я заказала кофе и положила на стойку газету. Вошел высокий темнокожий парень с белыми волосами, кивнул Матье. Он приходил сюда каждый вечер, всем улыбался, но никогда ни с кем не заговаривал, заказывал пиво, минут десять стоял у стойки, держа кружку в руках, но не делая ни глотка, и разглядывал публику. Потом залпом выпивал содержимое и уходил. Он всем нравился, потому что был похож на пожилого джазмена, с изжеванным лицом, в поношенном костюме, но

никто ничего о нем не знал.

Матье начал готовить мне кофе: он приплясывал на месте, открывая ящик для гущи, чистил фильтр, постукивая по краю стола. Матье был немногословным парнем, да и вообще мы так часто виделись, что вполне могли позволить себе роскошь просто помолчать вдвоем.

Он поставил на стойку коричневую чашку, пододвинул ко мне вазочку с арахисом. Я кивнула в знак благодарности, оторвавшись от чтения, и отправилась за свой столик в глубине зала, рядом с бильярдом.

Два подвыпивших здоровяка кружили вокруг залитого мягким светом стола, пытаясь сыграть партию, двое других подпирали стену в ожидании своей очереди.

Серьезные лица над зеленым сукном, сосредоточенный взгляд прищуренных глаз — удар нужно точно рассчитать, мягкие движения склонившихся под прямым углом тел.

Матье нес два стакана виски, танцуя между столиками. Он двигался расслабленно и бесшумно, стараясь ничего не свалить. Подсел ко мне за столик, как всегда слегка возбужденный, начал отбивать такт, барабаня пальцами по столу.

Infections Groove is in the House[1].

Мы молча сидели рядом, потом "хором" потянулись каждый за своим стаканом.

К нам за столик подсели Стефани и ее темноволосая подружка-барменша, манерная девица с пухлым ртом. Они весьма язвительно обсуждали Кэти, которую Организация ангажировала в фильм категории "X". Разговор шел на полном серьезе, ни дать ни взять — члены жюри, вырабатывающие общее мнение. Стефани высказывала сомнение:

— ...ты же понимаешь, завтра у нее все переменится, а из этого дела так просто не выпрыгнешь...

Организация владела множеством заведений, в том числе "Эндо", "Аркадой" и баром, где подвизалась брюнетка, наложив не без труда лапу на весь секс-бизнес в городе. Добившись монополии, они душили в зародыше любую конкуренцию. Сейчас они нанимали девиц для нового дела — производства видеофильмов. Роберта и губошлепая брюнетка дорого бы дали за возможность участвовать в съемках. Вокруг актрисулек, играющих в тяжелом порно, всегда царит ажиотаж, так что

---

[1] Примечания: 1

Строка из песни 60-х гг. — Больные в доме *(англ.). (Здесь и далее прим. перев.)*

девки находили более пристойным демонстрировать свои задницы на видео, чем выставлять их напоказ живьем. Брюнетка привередничала:

— Я бы не хотела, чтобы меня выбрали исключительно в угоду моде… Кэти им нужна только из-за моды на Лолит, сделает два-три фильма — и все будет кончено… Предпочитаю дождаться, когда меня возьмут за индивидуальность… Ты согласна? Главное — избежать фальшстарта.

Они дудели в одну дуду, доказывая друг другу, что завидовать нечему, да они и не завидуют.

Роберта посмеивалась:

— Если нужно выглядеть малолеткой, чтобы тебя заметили, — благодарю покорно! Предпочитаю быть настоящей женщиной…

Брюнетка подхватила, махнув рукой с идеальным маникюром:

— Да, в Организации меньше всего интересуются твоими достоинствами и талантами, тут важны блат и привилегии… Лично я не участвую в подобных делишках.

Матье тут же откомментировал:

— Тебе повезло, дорогая! Знаешь, "делишки" не каждому по зубам…

Мило улыбнувшись ей, он встал и отправился к себе за стойку, собрав по дороге со столов пустые

стаканы.

Всем в округе было хорошо известно, кому благоволит Организация, так что мое присутствие было явно неуместно в этой "школе злословия".

Взяв стакан, я ушла из-за столика.

Саид сидел на табурете у стойки, рядом с кассовым аппаратом, и играл в кости с официантом.

Этот парень одевался черт знает во что, но умел носить португальское старье с королевским шиком и выглядеть так, словно на нем лучший костюм самой дорогой марки. Он держался прямо, даже когда горбился, умел выглядеть одновременно жестким и вкрадчиво гибким. Как боксер на ринге или бомба на взводе, готовая в любой момент взорваться.

Я протянула ему руку, поздоровалась.

— После обеда я возилась с твоим Масео… Недавно отвела его к Лоре…

Он улыбнулся в ответ:

— Надеюсь, никаких грязных штук с моей собачкой?..

— Конечно нет, пса я не тронула. Зато жена у тебя горячая!

Общаясь с Саидом, следовало знать меру — "перебрать" с шутками было бы опасно.

Вошедший Гийом подгреб к стойке и остано-

вился у пивного крана и машинки для раздачи арахиса. Я подошла к нему.

Матье налил нам.

С каждым животворным глотком виски по телу разливалось благодатное тепло. Дверь то и дело распахивалась, вваливались новые посетители — наступил час аперитива.

Каждый день, в самом начале вечера, люди собирались в этом баре как на большую перемену. Мне было привычно хорошо и весело в теплой духоте зала.

Четверг, 7 декабря

14.25

Чердак раскалывался — накануне я перебрала. Схватила бутылку воды, выпила залпом. Вроде стало полегче, но глаз я по-прежнему открыть не могла, голова была чужая.

Телефонный звонок.

Я со скрипом приподнялась, чтобы выяснить, который час. Зеленые цифры на видике — 14.30. Сегодня я работала в вечернюю, в "Эндо" меня ждали к 16.30, так что я вполне успевала привести себя в порядок.

Включился автоответчик. *"Вас, ребята, я не забуду никогда"*, пела Шейла.

Следом — "Письмо к Элизе".

Я чувствовала себя грязной и подавленной.

Голос Королевы-Матери — хрипловатый, хорошо поставленный, сообщение четкое и ясное:

— Добрый день. Это сообщение для Луизы: ты не работаешь сегодня, "Эндо" закрыт. Но мне нужно тебя видеть. Приходи к восьми вечера и, пожалуйста, не опаздывай.

Никогда не представляется, уверена, что узнают по голосу.

Я работала в самом первом выкупленном ею

баре. Жалкое заведеньице, в котором бывали одни нищие бедолаги. Она круто взялась за дело и добилась оглушительного успеха. Устраивала регулярные налеты с инспекциями, разносила всех в пух и прах, и бар стал супердоходным. Открыла массажный салон, потом еще один, очень "закрытый" ночной клуб… Ее тогдашний спутник для выходов на люди был хорош, даже очень.

Меня Королева-Мать выделяла — ей нравился мой особый маленький номер для клиентов, кроме того, я не выпендривалась и не совала нос в ее дела. Она всегда хотела заполучить меня в свои видеофильмы, приходила посмотреть, как я работаю, приглашала выпить, ворчала, уговаривая: "Какие деньги можно делать с твоей попкой, жалко, что ты не хочешь заняться серьезной работой…" Пустая трата времени, я всегда уклонялась.

Я не трахалась с мужиками. Никогда не хотела, не была для этого создана.

Я не принимала никакого специального решения — просто всегда *знала.* Это было запрятано глубоко внутри меня, неприступное, как скала.

Ни в рот, ни взад, ни в перед… Никто и никогда. Без меня, я для этого не создана.

Я не говорила об этом ни с одним человеком.

Рассказывала сорок бочек арестантов, пудрила мозги, распускала слухи. Чтобы правда не выплыла наружу.

Я точно знала, что люди не поймут. Сделают из этого проблему, начнут обсуждать, спорить. Я знала людей.

С упорством всех лжецов, живущих в вечном страхе, что их обман раскроют, я усердно врала. Чтобы меня оставили в покое.

Во мне жило *нечто* — грязное и очень мерзкое, — и его следовало надежно прятать.

Я так привыкла врать и таиться, что перестала обращать внимание на свой страх. Ведь это не касалось никого, кроме меня.

Сообщение *"Ты сегодня не работаешь"* заставило меня встать с койки: раз делать нечего, нужно этим воспользоваться.

Я стояла в кухне, смотрела, как лениво растворяется в стакане аспирин. Гийом не убрал за собой грязную посуду.

Дверь его комнаты была распахнута. Никого. Гийом не ночевал. Я не могла вспомнить, когда мы расстались накануне, так что у меня не было ни малейших предположений касательно счастливой избранницы.

Гийом на год моложе меня, и мы всегда жили

вместе.

Я легла на его кровать — она была удобнее моей. К тому же он относил стирать белье к матери, и оно пахло детством. У нас была стиральная машина, но брат отказывался ею пользоваться. "Потом белье нужно развешивать, никто тебе не погладит… тоска!"

У комнаты Гийома было еще одно достоинство: здесь было слышно все, что происходило у соседей. Этих затворников содержали богатенькие родители, и они валялись в койке с утра до ночи. Как-то вечером я потеряла ключи, и они пригласили меня на косячок, пока Гийом не вернется. Квартира — огромная, почти без мебели: два матраса на полу в центре комнаты, перины, подушки. Вокруг — на расстоянии протянутой руки — все необходимое: кофеварка, газеты, пульты — от телевизора и видюшника, коробки с видеокассетами, музыка, вода, пепельница, бумага для косячков, пирожные, телефон… Необъятный бардак… У соседки были темные волосы, и она любила одеваться в синюю куртку-анорак — такие Армия спасения раздает детям бедняков, чтобы ходили зимой в школу. Она-то просто играла в нищенку, изображала угловатость, неловкость. Да и сучка была та еще, а по виду — ангел смире-

ния! Судя по тому, что мы слышали из их берлоги, они трахались, как кролики.

Но в тот день шоу не было.

Заснуть не удавалось, и я просто лежала, глядя в потолок. В комнате Гийома из всей мебели была только кровать. Когда мы переехали, он собирался все перекрасить, расставить стеллажи вдоль стен, повесить лампы дневного света и тяжелые двойные занавески, чтобы было поуютнее. Прошло уже несколько лет, но в комнате так и стоит одна кровать, а к стене прикноплен постер "Закат солнца", оставшийся от прежних жильцов.

Телефон снова зазвонил. Автоответчик, "Письмо к Элизе", голос:

— Луиза, ты дома? Это Роберта, мне только что звонила Королева-Мать, сегодня не работаем, звоню, чтобы сообщить…

Я пробурчала:

— Да оставь ты меня в покое, гадина, все равно трубку не сниму.

18.00

Когда я вышла, мысли по-прежнему разбегались в разные стороны, холод мгновенно обжег кожу. Внутренности сразу смерзлись. Брызги света прореживали темноту вечера, улица напоминала грязный цирковой манеж.

Стоя на перекрестке улиц Аннонсиад и Ботанического сада, я взглянула на свое отражение в витрине парикмахерской. Я красилась наспех, и результат не сильно впечатлял: толстый слой слишком светлой пудры, жирно подведенные глаза и кроваво-красный рот создавали странный образ. Бледная шея, черное пальто — женщина-вампир, вышедшая на ночную охоту.

Зимой удавалось сутками не видеть дневного света. Кожа становилась белой как мел, как будто загорала под Луной. И настроение было особым. Но сейчас я мерзла, ветер царапал кожу, боль стучала в виске.

Лестницы к улице Пьер-Блан показались мне круче, чем всегда. Пришлось сделать глубокий вдох, холод проник в легкие.

Бар на углу светился желтым светом и выглядел утешительно привычным.

Матье, здороваясь, протянул левую руку, в правой был стакан. Он сполоснул его под слабой струей воды, подставил под кран "Адель Скотт", наклонил так, чтобы было меньше пены. Наполнил, поставил на стойку, налил второй. Удивленно спросил:

— Ты не в "Эндо"?

— Сегодня не работаем, только что сообщила Королева-Мать.

— Разве у вас четверг — выходной?

— Да нет, что-то случилось. Не знаю что, но не скажу, чтобы очень расстроилась.

— Да уж... Что тебе налить?

Я прошла к столику в глубине зала, у бильярда.

Матье плюхнулся рядом, поставил на стол наши стаканы. Вид у него был измотанный. Для этого парня секс был лучшим отдыхом.

Первый глоток прошел с трудом, губы и горло обожгло, организм подал сигнал: "Не хочу! Хватит и вчерашнего!" Подступила тошнота. Почти сразу алкоголь проник в кровь, ударил в голову, вливая тепло в каждую клеточку тела. Дышать стало легче.

Вошел Жюльен, держа в каждой руке по туго набитому мусорному мешку. Он был в полном ауте и всячески это демонстрировал, ссутулив

плечи и глядя на окружающих разочарованным взглядом.

Жюльен был курьером у Королевы-Матери. Не знаю, что и кому он перетаскивал, и никогда не хотела знать, но отсутствовал он часто.

Все остальное время он предавался романтическим чувствам: влюблялся по уши в девиц, которые его не понимали, и тогда он понуривши бродил по городу. Или запирался дома и слушал грустные песни.

Он сел к нам за столик, и Матье спросил:

— Забыл выбросить мусор в помойку рядом с домом?

Жюльен вздохнул.

— У меня больше нет дома… Все мое имущество — в этих мешках. Вся моя жизнь…

Мы заржали. У Жюльена никогда не было собственного дома, он то и дело просил кого-нибудь приютить его на несколько дней, задерживался на месяц, ссорился с хозяином, и все по новой. Жюльен любил говорить, что ему не нужна собственность, что дом — могила свободного человека.

В последнее время у него были ключи от берлоги Летиции, спокойной, мягкой девушки-студентки, на которой он хотел жениться.

Жюльен добавил с изумлением в голосе:

— Эта мудачка выкинула меня на улицу, как собаку.

Я поинтересовалась:

— Она больше не девушка твоей мечты?

— Дурища не желает меня больше видеть, она даже чемоданы мне не одолжила.

Матье хихикнул.

— Кончай, Жюльен! Сам ты — мудозвон, творишь невесть что: закрутил роман с Летицией, а сам трахал все, что движется.

— Это не значит, что я ее не люблю! Я просто боюсь связывать себя по рукам и ногам, веду себя как ребенок, но мне нужно время. Чтобы привыкнуть, притереться, нужна целая жизнь. А она этого не понимает, она вообще ни хрена не понимает в жизни. Единственное, что она видит, — я не ночую дома! Ну не дальше собственного носа! Я говорю: "Люблю тебя, люблю, хочу быть с тобой навсегда". А она: "Где ты провел ночь, с кем ты спал?!" Да нет, она точно мудацкая мудачка и в жизни не сечет. Ладно, я и так намучился, не будем о ней.

Жюльен был красивый парень. Высокий брюнет, загадочный и великолепный. Потрепанный и потому слегка потускневший. Черно-желтые

пеньки зубов, лихорадочный блеск глаз, затравленно взирающих на мир.

Он скрестил руки на груди, сказал устало:

— Я слишком дорожу собственными ощущениями, именно это баб и бесит. Они любят несгибаемых аскетов, которые делают их несчастными. Это успокаивает женский пол.

Матье уточнил, вставая:

— Если ты чем и дорожишь, так это своим стручком. Прекрати то и дело дергать себя в задумчивости за хвостик, дай окружающим вздохнуть спокойно!

Он жестом предложил мне допить, чтобы налить по второй. Жюльен запротестовал:

— Ну извини! Раз я всем наскучил своими историями, могу и заткнуться.

— Меня не истории волнуют, а то, где ты собираешься сегодня ночевать.

Когда Жюльена в очередной раз прикладывали, он всегда обретался у Матье. Парень покачал головой.

— Нет-нет… Не волнуйся, у меня есть планы на сегодняшний вечер.

— Ты поэтому приперся прямо сюда с вещами?

— Угу… Кое-кто зайдет за мной сюда. Думаешь, у меня больше нет знакомых в этом городе?

Оскорбленная гордость человека, у которого рыло в пуху.

Матье молча пошел к стойке.

Вошла Роберта. Ее ярко-синее платье было короче некуда, как будто она не успела переодеться после работы. Она расцеловалась с нами, поздоровалась с остальными и села. Жюльен наклонился к ней, прошептал:

— На твоем месте я бы носил юбку подлиннее.

Она захихикала:

— Думаешь, слишком возбуждает?

— Да нет. Целлюлит уж больно противный, все висит — просто жуть.

Роберта не оценила шутки. Пожав плечами, повернулась ко мне.

— В курсе, почему мы сегодня не ишачим?

— Нет, а ты?

— Тоже. Но, думаю, дело в трубах. Я давно говорю Джино, что там что-то не в порядке, замечала, как они шумят? Может, прохудились или еще что. Надеюсь, страховка хорошая, потому что если "Эндо" затопит, мало никому не покажется, ковер, дорожка и все такое… Нет, дорожка приподнята над полом, так что…

Роберта могла так распинаться часами. Жалко, что мы ходим в один бар после работы…

Я развернула газету, лежавшую на столике, начала листать.

После второй порции виски пришла блаженная расслабленность, стало тепло.

Заскучавшая Роберта пересела за другой столик — поговорить о трубах и сантехниках.

Жюльен спросил:

— У Роберты есть квартира?

— Есть, только очень маленькая.

Он скривился и добавил:

— Да, с такими габаритами нужно много места, иначе рехнешься.

В бар с жутким грохотом влетел Масео, расшвыривая табуреты, расталкивая клиентов у стойки. Пес кинулся в подсобку, прямо к раковине, встал на задние лапы, шумно пыхтя и вывалив толстый язык. Он ждал, чтобы Матье пустил ему воду. Смешно, но они были одного роста.

Вошла Лора. По сравнению со своей огромной собакой она выглядела еще более хрупкой и жалкой. Лора жила на соседней улице, наверху, и каждый день вытаскивала Масео из бара.

Жюльен прокомментировал:

— Пожалуй, зайду в ближайшие дни напечатать фотки, может, у нас сладится…

— Заодно познакомишься с убойным кулаком

Саида — он тебя успокоит на пару дней…

Все знали, как легко Саид выходит из себя, а в этом состоянии он мог уложить любого голыми руками.

На стене над стойкой огромными буквами было выведено: *"How do you do when you can't take it anymore?"*[2] Матье написал это, когда еще работал на Организацию. Кривые яркие буквы можно было разобрать, только сильно постаравшись. На первый взгляд фраза выглядела как взрыв, как внутреннее кровотечение. Потом глаз привыкал к нервному разбросу букв и приходило понимание.

Жюльен встал, положил десять франков на край бильярдного стола, чтобы сыграть с победителем. Он досматривал конец партии стоя — сигарета в углу рта, прищуренные глаза, нервный тик парня-бунтаря.

Я пошла к стойке вызвать такси — Чекинг-Пойнт находился за пределами квартала.

Лора терпеливо ждала — у Матье с Масео был день великого согласия. Она стояла у двери, глядя вниз, на свои ноги, и не выказывала ни малей-

---

[2] Примечания: 2

Ну, и как ты себя чувствуешь, когда в тебя больше ничего не лезет *(англ.).*

ших признаков нетерпения. Я подошла.

Она подняла на меня огромные голубые глаза навыкате в обрамлении густых неправдоподобно длинных ресниц. Черные зрачки тревожно метались в центре радужки. Лора говорила так тихо, что я не поняла ни одного слова из того, что она пробурчала. Я улыбнулась с понимающим видом, надеясь, что она ни о чем не спросила.

Матье отпустил наконец пса, и Лора подозвала его к себе властным строгим голосом — она всегда так разговаривала с гигантом — и вышла, ни с кем не прощаясь. Я проводила ее взглядом через стекло витрины: они медленно удалялись, огромная собака жалась к ногам хозяйки, та что-то говорила, наклоняясь, как будто интересовалась мнением Масео.

Кто-то рявкнул:

— Дверь!

Лора не дала себе труда закрыть ее, и с улицы потянуло холодом.

Снаружи посигналило такси, я махнула рукой, сделав общий привет, и вышла.

Я успела как раз вовремя: машина, остановившаяся за моим такси, бибикнула всего раз.

На другой стороне улицы, на тротуаре, стояла Соня с клиентом, красивым парнем в темных

очках. Я извинилась, открывая дверцу:

— Прости, Соня, я тороплюсь, увидимся позже.

Она кинулась к машине, придержала дверь:

— Ты куда?

— В Чек.

Она плюхнулась рядом со мной, бросив мужика на улице.

Такси тронулось с места. Соня шумно выдохнула:

— Мудозвон несчастный, думала, никогда не отвяжется… Так куда едем?

— У меня встреча с Королевой-Матерью.

19.30

Едва захлопнув дверцу такси, Соня наклонилась к шоферу:

— Поезжайте через Пар-Дьё!

— Пар-Дьё? Да-а, милочка, видать, вы любите объездные пути!

Соня сидела на переднем сиденье, задумчиво глядя прямо перед собой. Потом завопила, как с цепи сорвалась:

— "Милочка", как ты сказал, может себе позволить хоть весь город объехать! Кстати, в Пар-Дьё поедете через Перраш. "Милочка" кое-что заберет, и она не нуждается в ваших комментариях! Я тебе не подружка и трепаться не намерена.

Меня понесло, и я сорвалась:

— Иди в задницу, Соня, я еду прямо и не хочу опоздать, потом, если тебе надо, катайся по Лиону хоть до усрачки, дело твое!

Ее это совсем не впечатлило.

— Брось, Луиза, всего две минуты, "милок" постарается побыстрее.

Я совсем завелась и рявкнула шоферу, который уже переехал мост, чтобы развернуться на набережной в обратном направлении:

— Не слушайте ее, мы едем прямо на набережную Пьер-Сиз.

И поставила точку, раздраженно прикрикнув на Соню:

— А ты заткнись!

Я любила встречаться с Соней, но она каждый раз в рекордно короткие сроки выводила меня из себя. Вообще-то мне нравилось с ней собачиться — хорошая разрядка, если приходится всегда быть на стреме, чтобы никого не обидеть.

Она была странная девка — всегда возбужденная, наэлектризованная, с королевскими замашками. Ее во всем было слишком много, она была порочна и энергична — как двигатель, работающий на полных оборотах, но вхолостую, ничего не приводя в действие.

А еще Соня была профессионалкой экстракласса — Королева-Мать хорошо обучила ее выставлять клиентов на деньги.

Она много зарабатывала и тут же все тратила. Ездила только на такси, жила только в гостинице, являлась в бары, тряся пачкой денег, командовала, раздавала бабки тем, кого считала близкими дружбанами, — в список ее друзей легко попадали и так же легко с треском вылетали из него. Соня обожала собирать вокруг себя всякий

сброд и водить это отребье за собой в шикарные места, чтобы устроить скандал на входе, если их не пускали. Она бранилась с официантами в ресторанах, потому что те якобы не тем тоном ответили члену ее свиты, харкала на пол и давала волю рукам. С каким-то больным любопытством она проверяла, как далеко ей позволят зайти с кучей бабок в кармане.

Ее лицо было то багровым от ярости, то пунцовым от смеха, легко переходившего в рыдания и икоту, так что ей приходилось присаживаться, чтобы не сдохнуть в страшных судорогах.

Она очень быстро успокоилась и пробурчала:

— Ладно, раз у тебя и пяти минут нет, чтобы я купила газету и забрала кое-что в гостинице, так и скажи… Нечего так заводиться из-за ерунды…

Достав сигарету, Соня закурила, не спрашивая разрешения. Шофер сказал, что у него в машине не курят — вполне мирным тоном, — потому что она была классная ведьма и все в конце концов попадались к ней на удочку. Она не упустила возможности побазлать:

— Это что еще за фигня? Кто может запретить мне пару затяжек?

Шофера не испугал ее грозный тон.

— В моем такси никто не курит.

— Я открою окно, это-то хоть разрешается? Я плачу — так что уж позволь мне нарушить правила.

Парень не хотел ввязываться в спор, понимая всю его бесполезность. Он просто остановился на первом же светофоре, выключил счетчик и потребовал плату. Соня обрушила на него град оскорблений, но он стоически сохранял вежливость. Соня, царственная, презрительно улыбающаяся, кинула ему двадцать франков и прошипела:

— Запомни, дружок, завтра, если я захочу, ты выкрасишь свое такси под леопарда, а сам напялишь беретку с помпоном. Так что не выступай, а то пожалеешь.

И мы отправились на своих двоих к мосту Терро — надо было пройти несколько сот метров, чтобы попасть в штаб-квартиру Королевы-Матери.

Мне нравилось смотреть на Соню, когда она злилась, но ходить пешком я не любила и лезть на рожон тоже, так что я дулась. Но ей было плевать — она произносила очередной монолог в режиме "нон-стоп". В ее репертуаре оказалось штук пятнадцать историй о схватках с таксистами.

— Мерзкие твари, с ними надо построже, правда...

Я слушала и не слышала, глядя на реку. Черная вода, маслянистый блеск, мягкие объятия сумерек… Ледяной воздух прочищал бронхи, пешая прогулка выветрила дозу алкоголя, принятую на грудь в баре. Мне хотелось побыстрее добраться до моста, а Соня никак не могла заткнуться.

19.55

Ледяной ветер мгновенно забрался под куртку. Я шла сгорбившись, прижав локти к телу, лицо морщилось от холода.

Генеральный штаб Королевы-Матери светился голубыми огнями в конце улицы. Квадратное бетонное здание было снаружи таким обычным, что больше всего напоминало заброшенную ткацкую фабрику.

Мы позвонили в высоченную черную бронированную дверь, подняли головы: охрана проверяла всех входящих. Услышав щелчок замка, нужно было немедленно отступить на шаг назад: дверь открывалась наружу и могла запросто пришибить, что и случалось с завидной регулярностью с непосвященными. Остальные очень веселились…

Девушки на входе посторонились, пропуская нас, поклонились сухо и сдержанно, почти по-военному: торс чуть вперед в точно отмеренном элегантном движении. Обе были одеты в темно-синие костюмы, на ногах — туфли на шпильках, прическа — безупречный, волосок к волоску, пучок. Я всегда с трудом различала девиц Ко-

ролевы-Матери, заведение кишело ими, и все они были похожи, как близнецы: брюнетки с телосложением пловчих из команды ГДР, ноги от подмышек, квадратные подбородки, смуглая кожа. Они следили за порядком, практически не разговаривая между собой, очень вежливые, но почти никогда не улыбающиеся. В Чекинг-Пойнте о них ходили легенды.

У Королевы-Матери было звериное чутье и безошибочный вкус по части "произвести впечатление".

Вестибюль заведения напоминал холл нью-йоркской гостиницы — в версии "голливудский блокбастер". Море белого мрамора и начищенной до блеска позолоты. Пушистые ковры, огромные затейливо струящиеся люстры. Избыток *роскоши и великолепия.* Полная звукоизоляция. Вывод прост, как апельсин: это была вотчина Королевы-Матери, а она умела устраиваться с размахом.

Длинный коридор был обит пурпурным бархатом, на который отдельные клиенты любили поссать… Впрочем, я не замечала окружающей обстановки — привыкла: это был штаб Организации, и мы ошивались здесь каждый вечер.

Зато всякий раз испытывала легкое потрясение, переходя из залитой белым светом тишины

церковного храма в кружащийся хаос зала. Килотонны звука били по ушам — если басы не обжигают кожу, вызывая мурашки, какой в них прок?! Посетители ощущали себя в зале Ионами в чреве кита.

And you're as funny as a bank.[3]

Стойкий запах пота, резкий хищный свет, толпа — не протолкнешься… Несмотря на раннее время, заведение кишело народом. На дальней стене серебряными, в красных огоньках, буквами выделялась надпись: *"Suck my Kiss"*[4]. Вокруг, вдоль стен, смешение цветовых пятен.

Я села у двери, в углу бара. Здесь я всегда выпивала первую порцию — надо было привыкнуть к ощущению, что попала внутрь громкоговорителя, чтобы глаза приспособились к мерцающему свету, а мозг навскидку оценил ситуацию. Так, народ вокруг… Кто в кабине диджея? Кто за стойкой? Потом можно было плыть в полумраке "на автопилоте".

Табуреты в баре были высокими. Практично — девицы могут "разговаривать" ногами, мужики — изображать ковбоев эпохи пост-Апокалипсиса

---

[3] Примечания: 3
И вы тоже забавны *(англ.)*.

[4] Примечания: 4
Поцелуй меня взасос *(англ.)*.

(в чем они себе и не отказывали!).

Соня рванула прямиком на дорожку, затряслась, тут же вошла в транс: бедра вращаются, голова закинута назад — этакое томное изгнание дьявола. Резкий рывок, плавный выход, весь низ ходит ходуном.

Я пила мелкими глотками, держа стакан в ладонях, прислонившись спиной к стойке и поглядывая по сторонам.

Появилась Королева-Мать. Светло-серый костюм безупречного покроя. Туфли на высоченных каблуках — она ухитрялась носить их как техасские рейнджеры свои сапоги. В помещении ковры приглушали стук ее шагов, зато уж на улице она грохотала, как истинная повелительница. Узел галстука ослаблен, верхние пуговицы белой рубашки расстегнуты — так, чтобы виднелись бретелька черного лифчика и крупная ключица.

Ее с двух сторон окружали две невозмутимые девицы — доверенная охрана. Те, кто служил лично Королеве-Матери, проходили ту еще дрессуру! Потом им давали особо ответственные посты, а на их место приходили следующие "подопечные". Королева-Мать умела внушить даже самой юной и закомплексованной девице, что та обладает невероятной силой, она раскрепощала мозги,

творила свое маленькое чудо и — вперед, в дело! Каждую из них эта женщина модернизировала, создавая улучшенную версию.

Она поздоровалась со всеми. На *своей* территории. Наклонилась к каждому, улыбнулась, сказала что-нибудь приятное, пошутила. Ей необходимо было купаться в обожании своей свиты, своих верноподданных, инспектировать войско, "мерить температуру". Придавала большое значение физическому контакту — обнимала за плечи, похлопывала ладонью по руке. Королева-Мать "сделала" себя на итальянских и американских фильмах о мафии и теперь с блеском воссоздавала вокруг атмосферу жизни мафиози.

Подойдя к нам, протянула руку, здороваясь. Мы всегда приветствовали друг друга на манер индейцев. Я не раз замечала за собой, что в ее присутствии держусь очень прямо, стою как на часах, грудь вперед.

Соня присоединилась к нам, села — на удивление спокойная. Королева-Мать действовала на нее как транквилизатор. Соня любила рассказывать, что до знакомства с ней была безбашенной засранкой и что ей ничего не светило в этой жизни. Свою благодарность она всегда выражала до ужаса бурно, назидательно замечая, что профес-

сионалки, поработавшие на Организацию, это вам не какие-нибудь дешевые шлюхи, а "звезды" профессии!

Соня наклонилась к уху Королевы-Матери — у нас была в ходу именно такая манера разговора: шепот, быстрый кивок в ответ, чтобы не перекрикивать шум. Она заговорила о клиенте, с которым у нее был конфликт:

— По мне — так пусть хоть каждый день притаскивается, плевать... Раз он платит — ладно, поиграем в "раба" и "хозяйку". Но срать на него — это нет! Перекинь его кому-нибудь еще.

Королева-Мать кивнула, соглашаясь.

— Он постоянный клиент, знает девочек, знает правила и не должен настаивать. Все устроим, не волнуйся.

Она допила, девицы-охранницы тоже, сделала мне знак следовать за ней в кабинет.

Мы прошли через заведение к узкой двери в дальней стене, ведущей на лестницу.

20.15

Ее кабинет: бутылочно-зеленые и цвета бордо драпировки — гротескное подражание роскоши XIX века (как ее себе представляет хозяйка!), больше всего напоминающее дешевый бордель на Диком Западе. Мильон дорогих навороченных технических приспособлений и драгоценных безделушек. Звуковой фон — шуршание факсов. Огромные мониторы на стенах, чтобы все заведение было перед глазами. Даже сортиры, тем более что там можно подсмотреть немало полезных секретов. Эта инквизиторская хрень не только напоминала всем и каждому, насколько вездесуща Королева-Мать, — она действительно часами вглядывалась в своих подданных, наблюдала, разгадывала поведение всех до одного, разбирая сама с собой шарады, невидимые для большинства смертных, копаясь в незначительных на первый взгляд деталях, которые она умело толковала. Столь жгуче-страстное любопытство к жизни других людей позволяло ей знать всех нас как облупленных и мгновенно замечать перемены в поведении. Такой вот таракан в голове…

Рядом с мониторами висело огромное полотно

Саида — оранжево-черная абстракция.

Я угнездилась на стуле в ожидании объяснений.

Кресло Королевы-Матери больше всего напоминало трон — любой другой человек, усевшись в него, просто исчез бы.

Она попросила в двух словах рассказать, как идут дела у Стеф и Лолы. Я сказала: ну-у, вроде все гладко, но я с ними не работаю, так что лучше поинтересоваться у Джино. Вопрос меня не удивил — девки были на испытательном сроке, но что-то заставляло мою внутреннюю "охранную систему" вопить все громче. Королева-Мать покачала головой, задумчиво глядя на свой стакан.

— А как у тебя с ними? На уровне личных отношений?

Я вдруг почувствовала, как важен наш разговор для Королевы-Матери. Она продолжала расспрашивать:

— Они рассказывали, как жили в Париже?

Я ушла в глухую оборону, почуяв неясную опасность, выпрямилась и прервала ее, не дав задать следующий вопрос:

— А нельзя мне сначала узнать, в чем дело? Пойми, я ничего не скрываю, но так мне будет проще…

— У меня огромная проблема с этими девушками.

Сложившаяся традиция требовала, чтобы ответы Королевы-Матери были мгновенными и хлесткими. Что-то не так! Подыскивать слова, чтобы продолжить? Ладно, бывало. Но вот так открыто признавать, что у нее трудности? Да никогда! А уж чтобы она заговорила от первого лица, обсуждая дела Организации, — немыслимо, невероятно. С самого первого дня Королева-Мать говорила только от лица группы, ее словом было *"мы"*. Не императрица, но рупор, выразительница идей (конечно, если кто видит разницу между двумя понятиями!). Королева-Мать даже думала во множественном числе, так она, в частности, давала понять людям, что они тоже кое за что отвечают в жизни. И за оглушительные провалы, и за громкие победы.

Она вытащила из ящика конверт, вынула оттуда несколько снимков, протянула мне. Чтобы я посмотрела, о чем идет речь, прежде чем переходить к обсуждению.

В тот момент я не отреагировала. Кстати, о глубине потрясения правильнее судить по отголоскам, а не по первому вырвавшемуся из глотки воплю. Я ляпнула:

— Да-а, не сказать, чтобы кто-то решил пошутить...

Механически перебирая снимки, я ждала, что Королева-Мать продолжит.

Мозг отключился. Я вообще не думала, только смотрела, запоминала. Позже мне представился случай убедиться: как бы там ни работал мой мозг, я сразу запомнила мельчайшие детали.

Ниже пояса оба тела были нетронутыми — так я их и опознала: по идеальным ногам одной и "тараканьей" татуировке другой.

Они лежали рядом на кафельном полу. От талии и выше из обоих тел были вырваны огромные куски мяса, непристойно белели кости. Шеи и лица кто-то аккуратно освежевал. Осколки костей, глаз, выбитый из глазницы, висящий кусок розовой губы. Вырванный язык одной засунут в рот другой.

Черные тараканы карабкались, исчезали в темном треугольнике, и жирноватые ляжки Лолы выглядели почему-то более грузными, чем при жизни.

Фотографию сделали с близкого расстояния, так что можно было даже разглядеть, что ноги побриты кое-как.

Стефани, ее выпуклый животик с изящной

раковинкой пупка, тонкие лодыжки, темные волосы, рассыпавшиеся по полу. Промокшие от крови. И безупречно-белые, чистые, блестящие плитки пола вокруг.

Королева-Мать прервала наконец мой созерцательный процесс:

— Это случилось вчера вечером. Ночью их нашел рассыльный. Парень явился к Лоле с дурью. Дверь была не заперта, он вошел — беспокоился за клиентку. Она вроде не злоупотребляла?

Я ответила небрежно, не раздумывая, мягко и почти весело:

— Учитывая оборот дела, лучше бы она не береглась так!

И улыбнулась — широко и искренне, что со мной случалось крайне редко. Потом спросила:

— И нам только сейчас об этом сообщают? А вдруг это был клиент? Он мог заявиться к любой девушке! Роберта знает? А легавые? А Джино?

Я сыпала вопросами, не дожидаясь ответов, как полная дура, пытаясь привести в порядок чувства и мысли.

Королева-Мать снова налила нам, сказала — голосом женщины, которую не пугает хаос:

— Естественно, полиция предупреждена, мы не могли… Такое дело… Правда, я заявила, что речь

наверняка идет о сведении счетов, что я кое-кого подозреваю и скоро сообщу им все сведения, необходимые для… Мы выиграли время… Хочу, чтобы все выяснилось, пока они не влезли, так что нужно торопиться. Я вызову к себе Роберту, не откладывая, но с тобой хотела увидеться прежде, на случай, если ты… что-нибудь знаешь. Как ты, приходишь в себя?

— Все в порядке. Снимали-то, слава богу, не меня…

Я хихикнула, и Королеве-Матери пришлось призвать меня к порядку:

— Мне необходимо, чтобы ты собралась и вспомнила все, что знаешь об этих двух девушках. Расскажи мне о клиентах, которые приходили в последнее время, все, что было подозрительного, мельчайшие детали и самые пустяки.

— Насчет клиентов — я и так помню, все были совершенно нормальные… ну, как обычно.

Я попыталась сосредоточиться. Так, маленький толстячок-еврей, который хотел, чтобы я поиграла с термометром, который он принес с собой; блондинистый юнец, красивенький полудурок, обзывавший меня "свиньей" — именно так, безостановочно: "свинья-свинья-свинья", как будто все другие слова забыл; лысый улыбающийся

приторно сладкий господин с крошечным члеником… Я припомнила клиентов, но вопрос "Может, один из них был странным или опасным?" снова вызвал у меня безудержный смех. Как в школе: в самый неподходящий момент ржешь, как идиотка.

Я пояснила:

— О клиентах ничего не скажу — мы видим их в особых обстоятельствах как-никак… многие распоясываются, так что никогда не знаешь…

Королева-Мать не упускала главного:

— А о девушках что ты конкретно знаешь?

— Ну, мы пересекались иногда, они же не из квартала. Стеф занималась спортом, Лола здорово поддавала. Они жили вместе с тех пор, как явились сюда из Парижа.

— Это мне известно.

— Да уж, ты о них наверняка больше меня знаешь.

— Не все… пробелов в их биографиях многовато… Они не говорили, как зарабатывали в Париже?

Я сделала вид, что задумалась, потом отрицательно покачала головой. Не хотела говорить, что видела их раньше, чтобы не нарываться. Королева-Мать продолжила:

— Знай я, где они работали в Париже, выиграла бы много времени — мне есть у кого навести справки. Джино сказал, что они крутые профессионалки, не дешевка. Но пройдут недели, пока мы выйдем на след…

Я-то знала, где именно выступали Стеф и Лола, потому что была там.

Изображая крошку-малышку, внезапно припомнившую для скучных взрослых что-то давно забытое, я сказала:

— Лола говорила мне об одном типе… Кажется, он был хозяином их заведения… из Лиона… потому она мне и сказала… Но я его не знала… Вроде Лола что-то пела о пип-шоу.

Королева-Мать спросила:

— Помнишь, как его звали?

— Виктор… но я не уверена…

Она переспросила, настолько ошеломленная, что даже не пыталась этого скрыть:

— Виктор?

— Ну да, этот тип — родом из Лиона, но переехал в Париж. Неверный лионец…

— Виктор работал в том же заведении?

Почувствовав, что атмосфера накаляется, я пошла на попятный:

— Подожди, я не уверена… Но Лола меня спро-

сила, знаю ли я… Думаю, речь шла именно о Викторе, хотя поклясться не могу, потому что тогда мне было плевать на это… Не поручусь, что речь точно шла о пип-шоу…

Но она уже не слушала меня. Ее глаза расширились, на в миг побледневшем лице застыла маска ужаса. Она спросила:

— Они еще когда-нибудь упоминали о Викторе?

— Никогда! Да кто он вообще такой, этот Виктор? Ты его знаешь?

— Значит, тебе неизвестно, держали они с ним связь или нет?

— Понятия не имею! И сколько бы ты ни спрашивала, ответ будет тот же…

Она опустила голову, помотала ею несколько раз из стороны в сторону, как будто испытывала жуткую физическую боль, вцепилась обеими руками в край стола, резко откинулась назад, потом изо всех сил шваркнулась лбом о столешницу, подняла лицо — из носа на подбородок стекала струйка крови — и повторила все еще раз: рывок назад, звонкий шандарах об стол. Она сидела в своем кресле, прямая, напряженная как стрела, шумно дышащая.

Черт меня дернул проговориться! Я решила

не упоминать девицу, которая работала в баре рядом с улицей Сен-Дени и которую я встретила потом в Лионе.

Все лицо Королевы-Матери было в крови — из носа продолжало течь, взгляд оставался пустым. Наконец она встрепенулась, взяла себя в руки, достала из коробки бумажный платок, промокнула ноздри.

Она излучала опасность. Я чувствовала, как растет напряжение в замкнутом пространстве комнаты, и могла бы поклясться, что на нас надвигаются стены. Дыхание Зла, говоря высоким стилем, заморозило внутренности.

Я встала, собираясь уходить, она держалась совсем близко, стараясь вдолбить мне в голову главное:

— Скорее всего, он в городе… Если встретишь его, сразу предупреди меня — и ни в коем случае не вступай с ним в разговор! Поняла, Луиза? Не позволяй ему приближаться к тебе, он опасен, как сам дьявол.

Я сказала себе, что крыша-то у нее едет, и отвалила.

Пятница, 8 декабря

11.00

На следующее утро я проснулась "в кусках".

Услышала, что Гийом на кухне, встала, пошла к нему. Он насыпал кофе в кофеварку с таким видом, как будто ему доверили спасти мир. Гийом вообще все делал очень прилежно… Он спросил:

— Чем занималась вчера?

— Вернулась рано — надо было выспаться.

Я села за стол.

— Ничего не слышал о Стеф и Лоле?

— А кто это?

— Парижанки, работали в "Эндо", неужели не помнишь?

— И правда, странно, что я забыл, — такие бабы! Они больше не танцуют у вас?

— Да нет… Их раскромсали прямо на дому — мне вчера рассказала Королева-Мать. Кстати, слово *"раскромсать"* я употребляю в *прямом* смысле! На снимках видно, что от них остались груды мяса. Потому-то я и вернулась вчера так рано — веселиться как-то расхотелось.

Гийом скорчил изумленно-огорченную гримасу.

— Как это случилось?

— Да ничего я толком не знаю! Поняла по снимкам, что это очень серьезно…

— Королева-Мать знает, кто это сделал?

— Не имеет ни малейшего понятия… Но ей придется вылезти из шкурки в поисках виновного — легавые ждать не станут. Я не призналась, что видела их в Париже, — ты ведь знаешь, не люблю лишних неприятностей… Так что, если что — молчи. Вообще обо всей этой истории молчи!

— Да за кого ты меня принимаешь? Ничего не видел, ничего не слышал… Все и без меня скоро выплывет наружу…

— Вот именно…

— Забавно… Помнишь ту девушку, которую мы встретили, Мирей? Ты еще сказала тогда, что она работала в кафешке рядом с их заведением на улице Сен-Дени?

— Мирей… Не помню фамилию, надо позвонить Королеве-Матери, сказать ей…

Сказала — и осталась сидеть, пообещав себе позвонить после обеда. Делать это мне не хотелось. Безо всякой на то причины. Просто не хотела. Мысленно пнула себя каблуком, гоня прочь дурное предчувствие.

— Знаешь, а я ее потом снова видел — забыл тебе сказать, она работает в баре на площади

Белькур. Недели две назад мы ходили туда с Тьерри, и она нас обслуживала. Все время смотрела на меня, как будто хотела познакомиться. У меня времени не было, и потом, я тогда встречался с добрейшей немочкой Петрой и не замечал других баб… Теперь, может, и схожу туда…

— Ты ей не сказал обо мне, о нашем разговоре?

— Да ты что! Я вообще молчал — это ее распирало поговорить! Знаешь ведь — я тоже ненавижу заморочки. Паршиво выглядишь… Что, плохо спала?

— Ни о чем другом не могу думать.

— Ты-то здесь при чем?

— Надеюсь, что ни при чем, сильно надеюсь… Но Стеф и Лола были хорошие девки, странно видеть их в таком… таком состоянии… Видел бы ты!..

— Спасибочки, лучше даже не представлять себе, а то…

— Ладно, смотри: меня это, будем надеяться, и правда не касается, но что, если удар направлен против Организации? Какой-нибудь сбрендивший ублюдок, который ненавидит всех баб, или имеет зуб на Королеву-Мать, или еще что… Да есть чертова прорва причин затаить злобу на девиц из *"Mothership"*. А значит, и на меня…

— Ни о чем не волнуйся, я буду поглядывать, ничего не случится. Давай, кофе готов, выпей, и все забудется.

Гийому всегда удавалось меня рассмешить. Я перестала хмуриться, расслабилась, мне стало хорошо. Что толку грызть себя, мучить вопросами? Гийом защитит меня от худшего.

Держа в обеих руках по полной до краев чашке дымящегося кофе, он шел мелкими шажками, стараясь не расплескать, поставил на низкий столик, сел в гостиной, а я пошла на кухню за сахаром.

Братец оставил дверь в свою комнату распахнутой, я услышала, что соседи снова собачатся, и отправилась послушать. По привычке.

Девушка говорила — нежно, успокаивающе:

— Ну почему ты придумываешь всякие ужасы? С чего бы мне с ним кадриться, думаешь, мне тебя не хватает?

Он отвечал холодным раздраженным тоном:

— Ты ему нравишься, еще как, он даже не считает нужным скрывать это, а ты его поощряешь!

Она тоже начала заводиться, ласковая кошечка исчезла, в голосе появились презрительно-ядовитые нотки.

— Какого хрена ты добиваешься, в конце-то

концов? Напридумывал себе черт знает чего, а он ведет себя со мной как с остальными. У тебя просто глюки…

— Это ты не воображай, что будешь с ним трахаться и тебе это так сойдет, сговорчивым рогоносцем я не буду…

Я вернулась в гостиную. Гийом взял свою гитару и наигрывал какую-то раздерганную и ужасно грустную блюзовую тему.

Я села рядом, на диванчик перед окном, через которое ничего не было видно, потому что мы никогда не открывали ставен. Страх, сидевший внутри, потихоньку разжимал свои паучьи объятия, веселость возвращалась — Гийому снова удалось утешить меня. Я угнездилась на диване, забыла про остывающий кофе и позволила времени тихонько утекать сквозь пальцы.

Я прижималась к Гийому очень тесно и чувствовала жар его тела — другого мужского тепла я никогда не знала, — как же сильно я его ощущала! Он отбивал ритм ногой, четко, профессионально.

Порядок на борту, экипаж в боевой готовности.

14.30

Это был бар завсегдатаев, куда днем заходили поесть люди, работающие по соседству.

Когда я пришла, занято было всего два стола, другие еще не убрали. Раскрошенный хлеб, грязные тарелки, недопитые стаканы, переполненные вонючие пепельницы, заляпанные жиром скатерти, исписанные всякими глупостями.

У меня оставалось два часа до работы. Я села у окна.

Мирей ходила между столиками, убирая посуду привычными, сотни раз повторенными движениями. Лоб вспотел от усталости, вид напряженный и озабоченный, кожа на руках красная, как у вареного рака, от постоянного контакта с горячей водой. Волосы у нее были сколоты в пучок, несколько прядей на висках выбились и повисли. Ворот черного платья, расстегнутый до самого верха груди, открывал татуировку на ключице — розы, как на этикетке виски. Миленькая колдунья-пролетарка из коммунистической пропаганды: замечательный, надежный товарищ.

Я таки решила сходить к ней перед работой. Крюк был небольшой.

Кофе она мне принесла не сразу — доделывала что-то за стойкой, а подойдя, взглянула исподлобья и спросила, без намека на дружелюбие:

— Я заканчиваю через десять минут, подождешь?

И тут же, не дав мне времени ответить, поинтересовалась:

— К кофе что-нибудь подать?

— Коньяк.

Милая улыбка — зуб она так и не вставила, и это ей шло. Ямочки на щеках, первые морщинки в углах глаз. Не знаю, насколько сильно била ее жизнь, но она справлялась.

Мирей принесла коньяк, и я медленно потягивала его, терпеливо дожидаясь, пока она освободится, и наблюдая за ней. Мы ни разу не встретились взглядами, но она сновала по залу как ни в чем не бывало, как будто ей все по фигу.

Покончив с делами за стойкой, она подошла к хозяину — он в одиночестве читал за столиком газету, — что-то промяукала-проворковала (у нее это здорово выходило), попросила отпустить ее пораньше. Получив вольную, подошла ко мне, подмигнула. Только потом я узнала, что это просто нервный тик.

Мы вышли, и она предложила:

— Там, дальше, есть двор, тихий уголок… Пошли? Поговорим спокойно.

Я молча последовала за ней, поглядывая искоса на огромную сумку на ремне, набитую до отказа. Она пошарила внутри, достала пачку легких "Лаки страйк", предложила мне. Шла очень быстро, не глядя на меня, опустив голову, как будто кто-то где-то нас ждал.

Мы вошли в ворота какой-то клиники. Я подумала: "Холодновато, чтобы сидеть во дворе!" — но промолчала. Тут было полно чахлых деревьев и низких каменных скамеек. Мирей, судя по всему, была здешним завсегдатаем — тащила меня вперед по аллее в самую глубину, объясняя:

— Там никогда никого не бывает.

Мы сели, и я прикинулась, будто задумалась о чем-то жизненно важном и вообще забыла о ее присутствии.

Она взобралась на скамейку, села на спинку, обнажив тощенькие, покрасневшие от холода ляжки. Зимой, без колготок… В ней было что-то очень простецкое, крестьянское, обветренное, воспитанное на сеновале. Она заметила мой взгляд, улыбнулась:

— Повышает тонус, я всю зиму так хожу. А здесь вообще теплее, чем в Париже.

— Так ты приехала из Парижа?

— Издеваешься?

Она вытащила коричневый конверт с травкой, достала щедрую порцию и начала перетирать в горсти.

Мирей ловко и быстро, за минуту, скрутила косячок идеальной формы. Улыбнулась мне, глядя снизу вверх. Что ж, пусть охмуряет — у нее здорово получается, мягко, нежно и одновременно весело.

Она протянула мне косяк, щелкнула зажигалкой, давая прикурить, и наши пальцы на мгновение встретились. Мирей уселась поудобнее, поставила локти на колени, подперла кулачками подбородок и напомнила:

— Мы не в Лионе познакомились, а в Париже, ты приезжала за травкой. Хотела увидеться с Виктором в пип-шоу, но он в тот день не работал.

Меня восхитила стройность изложения, но я тут же вспомнила об ужасе, испытанном накануне, и уточнила:

— Мы с ним не друзья, я его вообще не знаю!

Она не стала спорить, только бросила на меня долгий взгляд из-под густых ресниц. Потом продолжила в том же темпе:

— Я видела тебя в баре на улице Сен-Дени,

запомнила, потому что взгляд у тебя был как у продажного легавого.

Пауза, всплеск ресниц, опустила глаза, подняла, посмотрела прямо на меня с улыбкой сообщницы:

— Ты возбуждаешь баб, как хорошая дурь…

Не каждый день со мной говорят вот так, в лоб, так что я не нашлась, что ответить. В этой девке было что-то такое… Наверное, высокомерие, вызывающее оторопь, и мое естество тут же отреагировало.

Я передала Мирей косячок, пребывая в некотором замешательстве, а она настаивала:

— Значит, ты не знаешь Виктора?

И я снова пустилась в объяснения:

— Я не знаю этого типа. Я тогда приезжала к нему по делу, но его не оказалось, и я зашла в твой бар. Так что никакой связи.

— Он часто присылает к тебе людей?

— Да нет же!

Только тут я сообразила, что к ней-то этот самый Виктор как раз присылал клиентов за наркотой, — не знаю уж, чем там она торговала.

Мирей подтянула колени под подбородок, лицо совершенно переменилось — исчезла похотливо-чувственная женственность, тон стал жестким,

почти раздраженным, в голосе звучали ледяные нотки:

— Так какого же хрена тебе от меня надо?

— Я работала с двумя девицами, в "Эндо", а раньше они выступали в заведении, где тусовался Виктор. Стеф и Лола. Вы все дружно приплыли в Лион из Парижа, ну, вот я и подумала… Ты их знаешь?

Она кивнула, подтверждая, но безо всякого интереса. По внезапному наитию я объявила:

— Обеих убили два дня назад, да еще как жестоко… Меня это не касается — я вообще не вмешиваюсь в чужие дела… Но никто не знает, что и как произошло, а вы появились одновременно…

Пудря ей мозги, я думала о Королеве-Матери и о том, что бы она сделала, увидев меня откровенничающей с девицей, чье существование я от нее скрывала… У меня бывали свои заскоки, иногда заносило на поворотах. Я продолжила:

— Подумала: вдруг тебе важно это знать? Газеты будут молчать, во всяком случае пока, — в квартале не очень любят откровенничать…

Наверно, я здорово изобразила растерянную озабоченность, потому что она вдруг как будто прониклась сочувствием, обняла меня, утешая:

— Прости, может, я была резковата, не знала… Они погибли, говоришь?

И разрыдалась.

Она плакала и обнимала меня. Я никогда не любила телесный контакт с другими людьми. Ну да, я сама искала Мирей, но сейчас мне хотелось одного — чтобы она успокоилась, пришла в себя.

Я спросила:

— Вы приехали вместе?

Она покачала головой: нет. Выпрямилась, встряхнулась, судорожно вцепилась в покрасневшие от холода колени. Пальцы у нее были длинные и тонкие, в кольцах с камнями, в основном синими.

Зелье, которым меня угостила Мирей, оказалось супер-дрюпер, меня повело и завело, я улетала и рассыпалась в куски.

Она тоже затянулась, окончательно взбодрилась и начала задавать вопросы:

— Ты стриптизерка?

Она так внимательно меня разглядывала, как будто воображала танцующей с пером в заднице и широкой улыбкой на губах. Я кивнула.

— Недалеко отсюда… Кстати, пора двигать, я сегодня работаю.

— А живешь в квартале?

— Да, и мне там нравится…

— Стеф и Лола работали на местных?

— Пип-шоу принадлежит Организации.

— Часто у вас девушек забивают, как скот, сводя счеты?

— Такого не было никогда.

— Или ты не в курсе. Сама сказала — в квартале не болтают лишнего…

Она начала скручивать второй косячок, больше не плакала, поглядывала искоса. Высунула язык, лизнула бумажку, заклеивая сигарету. И вдруг выдала с наскока информацию:

— Стеф и Лола явились в Лион искать Виктора. Я, кстати, тоже.

Сделала паузу, как будто собиралась с мыслями, хотя на самом деле ее интересовала моя реакция. Может, ждала, что я в ужасе вцеплюсь в лавку обеими руками? Может, все они так шизели? Но я всего лишь сказала философски:

— Не скажешь, чтобы бабы его не любили…

И замолчала, ожидая продолжения и уточнений. Она их и выдала — выпалила на одном дыхании:

— В Париже он запускал руку в кассу пип-шоу. Когда хозяин узнал, пришел в ярость. Понимаешь, любой, с кем Виктор встречается в этой

жизни, тут же становится его лучшим другом до гробовой доски. Хозяин был его братом, благодетелем и все такое прочее. Что не мешало Виктору обворовывать его по полной программе. Когда все открылось, босс дал ему сутки на отдачу долга. И Виктор "приземлился" у меня в баре… Мы приятельствовали, но денег он у меня никогда не занимал. Потом уж мне сказали, что он был должен колоссальные бабки, почти всем. Тянет на подвиг, но это вполне в его стиле. Значит, он напел, что ему позарез нужны пять штук, что отдаст через неделю… В общем, прокомпостировал мозги. Он птица-говорун, трепом чего хочешь добьется. Самые недоверчивые попадались. Я дала ему деньги, он так благодарил — ну прямо весь изблагодарился: я и самая лучшая в мире, он и не любил никогда никого больше меня… Результат заезда: Виктор исчезает, испаряется. Не подает признаков жизни.

— Может, просто не мог.

— Уверена, что не знаешь его?

— Слушай, не доставай, а? Откуда такие мысли?

— А оттуда, что ты его защищаешь. Все, кого он поимел, защищают его, как бешеные течные суки.

— Он что, любит это дело?

— Охотится на все, что движется. Просто не может удержаться. Ему надо, чтобы все его любили. А бабы чтобы кричали, как оглашенные, когда он их обрабатывает. Виктор не спит спокойно, если он вставил девке, а она не попросила еще.

— А ты кричала?

— Этот сукин сын до меня и пальцем не дотронулся.

— Но адрес сменить заставил?

— Ну-у… У меня потом начались заморочки с деньгами. Запуталась… Тяжелая наркота, дорогие привычки… Знаешь, как это бывает… Я не могла забыть, что он меня так поимел, думала о нем день и ночь… Попадись он мне тогда — разорвала бы на куски голыми руками… В начале сентября узнала случайно, что он вроде в Лионе, приехала, но ни разу его не встретила… Успокоилась, нашла работу, приличную берлогу, останусь тут пока.

— А Стеф и Лолу видела в городе?

— Как-то в воскресенье вечером, в дежурной аптеке на Корделье, стояла в очереди за Лолой. Оказаться в пятистах километрах от Парижа и столкнуться нос к носу в аптеке! Мы поржали… Потом сравнили рецепты — оба были от одного клиента из заведения с улицы Сен-Дени, после

бара он всегда ходил смотреть девочек. Раздавал чистые бланки, папаша у него был врач. Мы пошли, выпили… Потом виделись редко, потому что со Стеф у нас как-то не сложилось.

— Да, она была… крутая.

— Гадина она была и шлюха. Скажешь, нечего мертвых плохо поминать… Против ее занятий я ничего не имею, но прошмондовка она была та еще.

— Что им было нужно от Виктора?

— Лола тут ни при чем, все дело в Стеф. Она никого не любила, и уж никак не сутенеров. Виктор завелся, начал с ней "дружить" — пальцем не прикоснулся, и сработало: она съехала с катушек. Сама на него запрыгнула. Наверно, достал своим отростком до дна души, говорили, она даже смеяться научилась… странным смехом. Они тогда уже жили вместе с Лолой. Виктор переехал, стал занимать деньги у обеих, продавать их вещи, водить баб. Короче, все как всегда, по полной программе. А Стеф его не выгоняла, что бы он ни творил. А потом вообще исчез. Она думала, он позвонит, чтобы извиниться, или вернется… Мне Лола все это выдала. Кстати, он и ее имел. А Стеф все ждала… Когда узнала, что Виктор в Лионе, сказала Лоле: "Мы поедем, и я его убью!" Бритву

раздобыла, представляешь?!

— Они его нашли?

— Нет, но напали на след, судя по всему… В какой-то момент они поняли, что его и другие люди ищут — чтобы открутить голову. Виктор умеет вляпаться и врагов заводит легко. Однажды Стеф заявилась ко мне, сказала, что все обдумала и надо поговорить… *Виктора необходимо найти — немедленно! Зачем? Чтобы помочь, естественно!* Видала? Она долго шуршала мозгами и решила: ей одной позволено иметь на него зуб… Сегодня он у нее Иуда, а завтра — уже Иисус Христос… Я ответила, что для меня тема закрыта.

Мирей здорово умела рассказывать. Красивый голос, мелодичная интонация. Я восторженно присвистнула:

— Ну и заводной же мужик этот ваш Виктор! Хотелось бы посмотреть…

Она потемнела лицом, пожала плечами.

— Не надейся перехитрить Виктора.

Во второй раз за последние сутки я поняла, что не до шуток.

Спросила:

— Стеф сказала тебе, что за люди охотятся за Виктором?

— Королева-Мать. Он снюхался с ней, как

только попал в Лион, ну и достал ее по полной программе… Она хочет получить его голову в мешке. Меня это не удивляет — он всегда действует с размахом.

— Откуда эти сведения?

— Стеф раскопала. Они с Лолой закорешились с парнем, который много чего знает о ваших делишках, — араб, кажется…

— Где же он прячется?

Она развела руками:

— Ни малейшего понятия…

— Зачем ты все это мне рассказала?

— А так, люблю покопаться в дерьме.

Широченная ангельская улыбка, дырка вместо зуба с одной стороны, глаза с хитрецой, словно она готовит какую-то каверзу… Ей очень шло это порочно-веселое выражение мордочки…

16.40

Спеша под дождем в "Эндо", я почувствовала внезапное отвращение, захотелось убежать, исчезнуть из этой истории.

Стемнело. Повсюду мерцали огонечки — наступила ночь иллюминаций, и люди выставляли зажженные свечи на подоконники.

Я прибежала в заведение, вымокнув до нитки, без сил и в состоянии странного беспокойства.

Выражение лица Джино соответствовало случаю. Он был просто создан для похорон и траура. Я поздоровалась, не зная ни как себя вести, ни что сказать. Понимала, что все видят мою деревянность, Джино точно разозлится, но притворяться не было сил.

Роберта уже пришла. Вопила в кабинке.

Сбежать бы.

Вход, задрапированный красным, всегда оставался в полутени. В тот день он показался мне грязно-размытой темной дырой. Идеальное место, чтобы осознать: парижанки никогда больше не вернутся.

Джино испепелил меня взглядом.

— Считаешь, сегодня подходящий день, чтобы

являться на полчаса позже в таком виде? Отлично выбрала время.

На этажерке за стойкой стоял готовый кофейник, я налила себе чашку, поставила на стол, чтоб остывала, взяла альбом с фотографиями штатных танцовщиц "Эндо". Роберта — на диванчике в суперпохотливой позе. Я — на высоких каблуках, с раскрытым навстречу огромному члену ртом. Стеф и Лола, застывшие перед объективом в пене кружев, затянутые в винил. Я вырвала две страницы, отложила их в сторону и спросила:

— Так кто сегодня работает?

Иногда на замену приходили знакомые симпатичные девки. Джино прошипел:

— Утром явились две малышки из салона с Гамбетты, но остаться не захотели. Да и нам они не подходят — класс не тот, танцуют плохо… Королева-Мать обещала прислать других. Сейчас — только ты и Роберта. Но она… не сказать, чтоб была в порядке…

Роберта не прекращала орать с самого моего прихода. Я удивилась:

— Мне вроде показалось, что она в боевой готовности. Даже здесь слышно.

— Сходи-ка к ней, по-моему, лучше девке отправиться домой.

Роберта сидела за гримерным столиком, уронив голову на руки, и неудержимо плакала. Танцевать она не могла, но костюм надела. Обтянутая лайкрой круглая аппетитная задница, обнаженный живот, сотрясаемый рыданиями, лифчик из золотой парчи.

Ее рыжие волосы вздрагивали в такт плачу. Я погрузила руку в гущу ее гривы, поймала ладонью затылок, постаралась удержать голову. Не то чтобы мне этого хотелось или я разделяла ее чувства… Но работа есть работа, и раз уж, кроме меня, все равно никого нет… Я говорила с ней тихим голосом:

— Роберта, хватит, кончай, возьми себя в руки, этим не поможешь, знаешь ведь…

Бессмысленная, бесполезная фигня, пустые слова — лишь бы уболтать ее, угомонить.

Я притянула ее к себе, она сдалась не сразу, но в конце концов прижалась всем телом, как ребенок, ищущий защиты у матери.

Я обнимала Роберту, дышала глубоко и беззвучно, чтобы успокоить.

Даже с заплаканной, опухшей рожей эта девка была черт знает как хороша. Она пыталась говорить и плакать одновременно:

— Ты понимаешь, что произошло? Помнишь

— еще вчера они работали, были здесь, с нами, в шкафчиках полно их шмоток…

Она была "в кусках" и соплях, лепетала, как в горячечном бреду:

— Мы просираем наши жизни, корчимся тут, чтобы у этих сволочей вставал… Ублюдки, которых мы даже не видим. Но им этого мало, являются в твой дом, чтобы содрать живьем кожу и посмотреть, какого цвета у тебя кости… Забирают последнее, даже жизнь… Хотят, чтобы мы подыхали со страху… Понимаешь?

Я попыталась переубедить ее:

— Брось, Роберта, с чего ты взяла, что их смерть связана с "Эндо"? Может, это и не клиент вовсе…

— Не связана?! Да ты знаешь, кто мы есть в этой жизни? Шлюхи, подстилки, дырки, боксерские груши, мясо на продажу… Видишь, как мы подыхаем? Чувствуешь, как они бродят вокруг нас, подкрадываются? Целый день сидят за этими вот проклятыми стеклами, следят жадно грязными глазенками, свиньи… А теперь караулят за дверью твоего собственного дома, чтобы войти и убить. Не видишь связи? Живем как суки и умрем как суки… Срежут кожу ножом из чистого любопытства, а ты не видишь связи?! Ну, они тебе покажут связь, уж поверь; что, не чувствуешь

— нас всех сделают, ни одну не пропустят!

Роберту била крупная дрожь, глаза лихорадочно блестели. Она повторяла, как заведенная:

— Не чувствуешь? Не чувствуешь, как они бродят вокруг?

И вертела головой, и озиралась, как будто и правда чувствовала кого-то, вжималась в спинку стула, заледенев от ужаса, словно они действительно были здесь. У нее дрожал подбородок. Я подумала — так не притворяются, только сильный страх заставляет нас клацать зубами.

Я снова обняла Роберту, успокаивая, но она резко оттолкнула меня, рухнула на колени, согнулась и снова начала вопить и визжать, каталась по полу, как будто пыталась убежать от чего-то или кого-то, подкравшегося совсем близко.

Я обрушилась на нее сверху, прижала к полу руки, не давая отбиваться и отпихивать меня, шептала на ухо:

— Прекрати сейчас же, Роберта, посмотри на меня, прекрати.

Я поволокла ее в душ, раздела, разделась сама, пустила холодную воду и начала тереть ее мылом, заговаривала зубы, пока она не расслабилась наконец.

Как противно до тебя дотрагиваться, как до

дохлой рыбины…

Успокоившись, Роберта впала в коматозное состояние.

— Одевайся, Роберта, и отправляйся домой.

Она послушно кивнула. Гора с плеч.

Явилась замена. Две девицы — молчаливые, сдержанные.

Вернулись и клиенты — как почувствовали, что перерыв окончен.

Громкоговоритель задавал ритм: клиент — девушка на дорожку — другая в кабину.

Я вышла на дорожку, начала вращать бедрами по кругу в обе стороны. Я всегда сильно возбуждалась, танцуя и лаская свое тело, выставляя себя напоказ и думая, что кто-то за темным стеклом хватается за член, глядя на меня. Но больше всего я ловила кайф в кабине, лицом к лицу с клиентом, когда можно поговорить и даже дотронуться, хотя этого никогда не происходило. Джино следил за порядком через камеры, установленные в каждой кабине, а если клиента заманивали в одну из двух последних кабин — там отсутствовали стекла, — он рявкал в микрофон, чуть только протягивалась шаловливая ручонка, и был готов ворваться в кабину, если "словесное внушение" не действовало.

Вообще-то наши клиенты были люди мирные и правила уважали — как часть ритуала.

Вот уже некоторое время зритель у меня был всего один, но он каждый раз исправно опускал франки, и я подошла прямо к его кабине — все равно танцевала только для него.

Заученные жесты, вилянье задницей, дразнящий язык…

Наконец занавес опустился: господин поимел сам себя, облегчился, подтерся — в каждой кабине была коробка "клинекса" — и пошел домой, наверное, трахать жену.

Я сделала круг по дорожке, проверяя, не открылись ли другие окошки, и не ошиблась в расчетах. Можно было ломать ту же комедию по новой, не утруждая себя придумками, — новый клиент моих приемчиков еще не видел.

Джино вызвал следующую девушку — а это означало, что меня кто-то ждет в кабине.

Я спустилась со сцены, зашла в нашу каморку глотнуть воды, взглянуть на себя в зеркало и отдышаться.

Хорошо, что я осталась работать — и думать некогда, и время бежит быстрее.

Захрипел репродуктор:

— Луиза, в кабину номер один, клиент ждет.

Самая дешевая кабина. В ней не заработаешь. Дверь прямо напротив нашей клетушки.

19.00

В кабине № 1 было что-то от исповедальни — адской ее версии. Стены в темно-красных выпуклых бомбошках, как будто кто-то заблевал все вокруг сырым мясом. Узкое помещение с высоким потолком, разделенное надвое толстой черной решеткой. Клиент сидел ниже, освещение было тусклое, так что он мало что мог разглядеть из манипуляций танцовщицы. Все было устроено так, чтобы "выставлять на деньги".

Эту "приемную" я любила больше всего — поместиться в ней можно было, только поставив обе ноги на решетку и высоко задрав колени.

Джино наблюдал за нами по монитору и прекрасно видел, что я не отлыниваю, все делаю как положено и не уговариваю клиента перейти в другую кабину.

Похвалы от него было не дождаться. На выходе от него можно было услышать только ворчливое бурчанье в чей-нибудь адрес: "Эта опаздывающая засранка наверняка вообразила себя госслужащей!" А бывало, и кидался на меня, как цепной пес: "Убалтывать мужиков — не моя работа! Это

ты должна заставлять их раскошеливаться. Только что взяла совсем готовенького, могла бы, при желании, раз двенадцать провести его по кругу, — достаточно было попросить, но ты, видно, боишься, что язык отсохнет, а?" От крика лицо у него становилось багровым, на виске начинала бешено пульсировать жила. Я молча выслушивала монологи Джино — мне даже нравилось доводить его до исступления. Потом он ябедничал на меня по телефону Королеве-Матери, но она с завидной регулярностью давала ему понять, что я — особая статья и меня следует оставить в покое, тем более что финансового урона я заведению не наношу — клиенты-то возвращаются, а он, Джино, — болван, и ничего не понимает, и пусть отвянет, и следит за другими.

Но больше всего Джино заводился не из-за денег. Его бесило то, о чем он даже не мог говорить вслух (так стеснялся!): Джино находил отвратительным, что я ловлю кайф от работы и не скрываю этого. Привалиться к стене, выставить себя "на продажу" и наблюдать за клиентом, занавесившись ресницами, слушать его грязные словечки, знать, что он совсем близко и я даже могу слышать его дыхание. Его желание сливалось с моим, и я доводила себя до экстаза, и

взрывалась, и улетала.

Джино все это просекал и мечтал, чтобы я ушла из "Эндо", считая эту работу приемлемой при одном-единственном условии: ненавидеть ее всеми фибрами души, а клиентов яростно презирать и вытягивать из них как можно больше бабок.

Кстати, Лола тоже не испытывала особого отвращения ко всему, что находилось по ту сторону решеток, но ей нужно было зарабатывать, наркотики — дорогая привычка, так что она в первой кабинке не задерживалась.

Только я систематически застревала там и работала в других номерах лишь в том случае, если постоянный клиент сразу требовал любимую кабину. Без Большой Мамы, которая меня прикрывала, я бы себе такого позволить не смогла. Другие девки меня бы просто сожрали, не обладай я "неприкосновенностью", данной свыше.

Я мало разговаривала с теми, кто нагонял тоску или вызывал отвращение. Сразу закрывала глаза и принималась за дело — пальцы работали не за страх, а за совесть, чтоб никто не пожаловался: пусть зануды смотрят и обслуживают себя. Я усердно трудилась, дожидаясь шороха сминаемой бумажной салфетки, шуршания надеваемых штанов. Джино не ошибался — тому,

кто мне не нравится, я и слова не могла сказать, подавилась бы. Зато с теми, кто был хорош, я не сдерживалась.

В кабину № 1 приходилось протискиваться боком. Еще несколько секунд требовалось на то, чтобы привыкнуть к полумраку, так что я его не сразу узнала.

Поняв, что в кабине Саид, я была разочарована: сняла ноги с решетки, сдвинула колени, наклонилась к нему, спросила:

— Чего ты хочешь?

Он заржал, взглянул мне прямо в глаза. Во взгляде не было ничего такого, чего мне следовало бы опасаться, напротив, он как будто забавлялся.

— Хочу посмотреть, как это делается.

— Если не возражаешь, схожу за другой девушкой — я не делаю *этого* для знакомых.

Он возразил:

— Какого черта? Зачем мне девка, о которой я ничего не знаю? Работаешь для всех, а меня посылаешь, как какого-нибудь оборванца? Мне особые привилегии не нужны — делай, что обычно делаешь.

Ладно. Я села как положено: бедра раздвинуты, цветочек напоказ, руки на ляжках, грудь вперед.

Он смотрит вокруг себя — не для того, чтобы

освоиться, просто хочет насладиться каждой деталью, по полной программе. Объяснил мне:

— Значит, вот он какой, храм порока… Я его представлял себе пошикарней. Дороговато… Клиенты не возражают?

Я прервала его сухим тоном, чувствуя неловкость и раздражение и стараясь скрыть это:

— Если делать все по программе, нечего трепать языком — доставай его и за дело, чтобы я вдохновилась.

Он расстегнул зиппер, улыбаясь и не отводя взгляда, как будто бросил мне вызов.

У него оказался тот самый тип члена — прямой, сильный и длинный, — который мне больше всего нравился. И достал он его с достоинством — воплощенная честность. Мое отношение мгновенно изменилось. Больше мягкости, доброжелательности. Я начала тихонько заводить себя, ласкать.

У него не полезли глаза из орбит, он не стал похож ни на идиота, ни на безумного, не понес всякую херню, когда дело стронулось. Был внимательным, почти печальным.

Подошел ближе, взялся за решетку — кисти рук и пальцы были такими огромными, что захоти он, легко вырвал бы ее к чертовой матери.

Я встала совсем рядом, в нескольких сантиметрах от Саида, наши взгляды не расцеплялись ни на мгновение. Рука Саида медленно ходила туда-сюда вдоль члена, он смотрел, как я работаю, и напряжение его росло, пальцы левой руки все сильнее сжимали решетку, правая, стремительно ускоряясь, давила на плоть.

Мы стояли, почти соприкасаясь телами, моя ладонь покрывала его пальцы, я задыхалась… Когда он кончил, внутри меня разлился огонь…

Я села, почувствовав головокружение, очень довольная и удовлетворенная. Саид широко улыбнулся, без злобы, без смущения, сказал:

— Ты точно заключила договор с дьяволом! Не знаю, притворяешься ты или нет, но делаешь все чертовски хорошо…

— Я себя не принуждаю… Кстати, все было о'кэй?

Я не врала: я почувствовала *это* очень сильно и очень сладко. Когда Саид оделся и пошел на выход, все-таки добавила:

— Если встретимся где-нибудь сегодня вечером или завтра, забудь…

Он улыбнулся в ответ, а глаза у него были, как у людей на военных фотографиях, — усталые, пустые, измученные страхом и болью…

— Конечно, сеанс ничего не меняет… Это твоя работа, ты ведешь себя так со всеми… Не волнуйся, я просто хотел убедиться…

Я дождалась, пока он выйдет, и вернулась в гримерку. Да, это была моя работа, и я делала ее для каждого, но не скажу, чтобы радовалась каждый раз, когда мне об этом напоминали. Я вошла в комнату, думая о Роберте.

Две танцовщицы, присланные нам в помощь, бросили на меня тот еще взгляд — они слышали, как я кричала. Я дружелюбно пояснила:

— Работа есть работа: если делаешь, делай хорошо.

Порылась в своем ящике в поисках брикета, присела к туалетному столику и начала крутить косяк.

Так хорошо бывало редко. Я знала, что воспоминание об этом эпизоде будет возвращаться много дней подряд, обжигая внутренности.

Даже возбудившись до крайности, я и помыслить не могла о том, чтобы пойти дальше.

Я хорошо знала, как это бывает: жар, желание, мои руки на мужском теле, жадные пальцы хватают меня за все места, ожидание взрыва.

Потом вдруг, в какой-то момент — сигнал тревоги, красный свет: я сгибалась, съеживалась,

дыхание перехватывало, росла паника. Пальцы на моем теле превращались в угрозу, чужой рот на моих губах вызывал тошноту. Я больше себя не контролировала и начинала отбиваться, охваченная слепой яростью. Не важно, что за секунду до этого я была похожа на течную суку, — всегда что-то заклинивало внутри меня, и я бросалась в бой. Пользовалась эффектом неожиданности, переходя от жадной покорности к дикой ярости. Первые жестокие удары всегда помогали освободиться, мужики просто шизели, сгибаясь пополам от боли, потому что я била в живот, по яйцам, в кость. Я вкладывала в эти удары всю свою силу, зная, что должна во что бы то ни стало остановить это. Мне нельзя было этого делать.

Несколько неудачных попыток оказались печальным опытом, мне бывало непросто хоть как-то объяснить свою реакцию.

Я сделала вывод раз и навсегда: не стоит и пробовать.

Объяснить, в чем тут было дело, я не могла, никогда об этом не думала, мы ведь не спрашиваем человека, что там у него внутри творится, когда он дышит, а что — когда задыхается. Воздуха не хватает, только и всего. Невыносимо, бесполезно.

Я скрутила сигарету, рассеянно прислушиваясь к разговору девиц. Ничего интересного…

Внезапно мне все осточертело, я встала, приняла решение и отправилась к Джино.

— Плохо себя чувствую, хочу уйти… Знаю, тебе будет трудно найти замену, но мне и правда не по себе…

Честно говоря, я вполне успокоилась, просто хотелось прошвырнуться, я не понимала, почему Роберта должна отдыхать, а я — корячиться… К моему превеликому удивлению, Джино не стал с ходу вопить.

— Выкручусь как-нибудь до вечера с этими двумя… Иди домой и отдохни.

Я надела на лицо выражение суперобреченности.

— Спасибо тебе.

20.30

Подойдя к своей двери, я пошарила за подкладкой куртки, не нашла ключей и позвонила. Стоя на площадке, увидела соседку с парнем, который не был нашим соседом, — они беседовали о чем-то, и он явно смешил ее. Наконец Гийом открыл мне.

— Уже с работы?

— Осточертело.

— Тебя все-таки вышибут однажды. Будем тогда гулять вместе по городу.

Брат был дома один, сидел перед ящиком, играл: управлял гремящим болидом, собирался участвовать в заездах на трассе в Монако.

— Смотри, я всех сделаю. Стартую первым, а ты ведь меня знаешь — никому не дам себя обогнать.

На кухне я автоматическим жестом открыла холодильник и на сей раз угадала: Гийом явно был у мамы, принес мясо и пиво.

Я поставила мясо в микроволновку, думая о Мирей. Как она поправляла прическу машинальным движением, не прерывая разговора, грациозно поднимая руки над головой, подкалывая шпиль-

ку, возвращая на место выбившуюся прядь. Грудь тоже поднималась вверх, напрягалась, розы на ключице казались слегка выцветшими — должно быть, она сделала эту татуировку давно. Рисунок заходил на верхнюю часть груди, прятался под платьем. Кожа, покрасневшая от холода, — она ведь ходит полуголой зимой. "Повышает тонус" — так она сказала. В Мирей было что-то пьянящее, возможно, то, как она смотрела на вас: почти застенчиво опускала глаза, потом внезапно вскидывала ресницы, вглядывалась — напряженно, пристально — снова отводила взгляд. Ресницы невероятной длины вздрагивали, отмеряя ритм.

Переворачивая мясо, я спрашивала себя, что в ее болтовне может быть правдой.

Я услышала, как соседка взялась за дело — на моей памяти впервые не со своим парнем, хотя тот ее так уделывал, что другой никакого здоровья не хватило бы отрываться на стороне. Я хихикнула про себя: она выкрикивала все тот же набор непристойностей… как в день Страшного суда.

Мясо в печке съеживалось на глазах.

Я спросила себя, какого черта Саиду понадобилось в "Эндо".

Тряхнула головой, гоня прочь тревожащие

душу мысли.

Гийом пришел на кухню, как всегда оживленный и веселый.

— Иногда надоедает все время побеждать. Правда, я эту игру знаю наизусть, надо ее заменить, чтобы стимул появился. Не пережаривай мясо, будет невкусно…

— Сиди здесь сам и следи за ним. Хорошо провел день?

— Суперски! Выбил всех мудаков со Стрит-Файтерс. Убедился, что цветок полит. Состроил козью морду соседу напротив — за то, что слушает Кевина Эбанка, поиграл фанки, постирал, пришел первым на всех трассах… Черт, иногда я даже жалею, что не работаю, такая скука.

— Да ладно… В кино не был?

— Забыл… К тому же мне кажется, я видел все, что сейчас крутят. Господи, да выключи ты печку, мясо в угли превратишь! Сама-то что делала?

— Ходила повидать твою подругу-официантку.

— Она обо мне спрашивала?

— Нет. Да не расстраивайся, я не призналась, что мы знакомы.

— Ясно. Она хороша, да? Я тоже к ней схожу, мне нужна как раз такая подружка. Вы говорили только о парижанках?

— Она говорила.

— И что?

— Да ничего… Знаешь типа по имени Виктор?

— По-моему, нет… Что будешь делать к мясу?

— Макароны, конечно. Поставишь воду на огонь?

— Ладно. Кто он, этот Виктор?

— Тот, кому все они дают. Из-за него они приехали в Лион. Мирей сказала — явившись сюда, он склеил Королеву-Мать…

— Ничего себе… Красивая сказка. Он что, волшебник?

— Может быть… Давай сходи за хлебом и вином.

— Не пойду, араб напоит меня допьяна. На работе все прошло нормально?

— Роберта в полной заднице… Саид заявился — как клиент.

— Саид?

— Да, я тоже удивилась. Ты знал, что он общается с парижанками?

— Жюльен мне говорил, он думает, Саид трахал обеих, завидовал до смерти… Да-а, денек у тебя получился напряженный, будь я на твоем месте — притомился бы.

— Я и правда устала. Так ты сходишь в лавку?

Араб был худшим торговцем в квартале. Он втридорога продавал подпорченный товар в своем мерзком магазинчике и вообще был грязным типом. В конце концов Гийом согласился пожертвовать собой.

— Хорошо, иду. Больше ничего не нужно?

— Да нет, у нас все есть.

— Что будешь делать вечером?

— Ничего особенного.

— Пойдем со мной в "Аркаду", может, будут новые девочки… в ночь иллюминаций всегда новенькие напиваются до поросячьего визга.

— Пожалуй, надо оторваться…

Гийом пошел в комнату за курткой. Пробыл там несколько минут, позвал меня. Он стоял рядом с кроватью с задумчивым выражением лица, потом прошептал:

— Соседка… Она сегодня странная…

— Точно. Вроде все как всегда, но это не ее дружок, я встретила их на площадке. Если только они не втроем… Да нет, мы бы слышали.

Гийом покачал головой — в знак осуждения и с живейшим огорчением.

— Совсем рехнулась, несет хрен знает что… Как это грустно.

И он вышел в гостиную. А я осталась, не в

состоянии уловить разницу, поражаясь слуху Гийома. Когда он проходил мимо меня к выходу, я спросила:

— Ничего не слышу, что, по-твоему, изменилось?

— Волшебства не хватает.

Сказал, как припечатал. Тут я поняла, что сожгла мясо, и ринулась в кухню.

23.00

"Дверь!"

У бильярда дурачились Жюльен и Гийом — они смотрели игру, делая глупые замечания. У стены, не решаясь вклиниться, стояла девушка. Она явно перебрала пива, и я готова была поклясться, что ее тщедушное тельце рухнуло бы на пол, убери из-под него опору.

Джино сидел за столом в центре зала. Плохой столик — далеко от кондиционера, прямо под лампами. Зато компания была подходящая — он вовсю кадрил какую-то незнакомую девицу.

Пришли Кэти и Роберта. Кое-кто взглянул на них, но они сделали вид, что ничего не заметили, сохраняя вид невозмутимого достоинства. Подошли к столу Джино, о чем-то напряженно с ним заговорили — как непосредственные участники драмы. Не хватало только фотовспышек. Картина явно была неполной без меня, и я присоединилась к ним.

— Совершенно изуродованы, до неузнаваемости… кожа содрана… Луиза, ты, кажется, видела фотографии? Если так пойдет, я работать не бу-

ду… Не стану рисковать шкурой из-за пары сотен, оно того не стоит… Они вроде были связаны с наркотой… Я читала, подобные маньяки никогда не ограничиваются одной жертвой… Такое время… Когда секс вот так запросто продается, все психи слетаются… Если найду его — убью… Врач дал мне успокаивающее, девки, вам надо к нему сходить…

Мне нечего было сказать им.

Я допила, пошла к стойке. Матье кивнул, прося потерпеть, у него было слишком много клиентов.

Вошел Саид — руки в карманах, зоркий взгляд. Подгреб ко мне, слегка поклонился улыбаясь:

— Ну, и как поживает Луиза Сайфер?

Чудная у него улыбка. Глаза прищурены, в уголках морщинки. Тонкие черты лица, стрижка почти под ноль. Красивый, как у женщины, рот. Он не выглядел ни смущенным, ни растерянным. Я почувствовала, что тоже могу вести себя как обычно.

Саид редко бывал в барах после восьми вечера, он не пил, не любил быть свидетелем пьяных потасовок. Он никак не комментировал события, не принимал ничью сторону, занимался исключительно собственными делами.

Я сказала:

— Ты что-то в последнее время появляешься повсюду, где тебя меньше всего ждут, хочешь нас достать?

— Хочется прошвырнуться, освежиться… Подышать воздухом злачных мест.

Лихорадочная веселость, он тоже слегка чокнутый. Казалось, что воздух наэлектризован, что все мы куда-то стремительно катимся, падаем.

Матье налил мне, я широко улыбнулась в знак благодарности.

Саид подсел за столик к экс-близким жертв. Я следом не пошла.

Соня вошла как раз в тот момент, когда я карабкалась на высокий табурет, сказала раздраженно:

— Мне сказали о парижанках. Какой ужас… Сволочи…

Она нервно кивнула кое-кому, здороваясь, пошарила в сумке, вытащила пачку сигарет и зажигалку, пояснила:

— Только что избавилась от постоянного клиента, тип из мэрии, зазнайка-засранец… Измочалил меня.

— А в койке хорош?

— Не совсем мой тип… Такой… педрилка…

слишком уж утонченный да образованный, умник. Башка от него трещит.

Тут Соня замолчала, потому что из-за стойки ей улыбнулся Матье: привет — что будете пить? — как дела? Она расслабилась, потребовала аспирин.

Соня затараторила так быстро, что я едва ее понимала:

— Тот клиент… он… меня напугал…

— Слишком большой для тебя?

— Не в том дело…

Она задумалась, потом сказала:

— Вряд ли его хвостик кого напугает… Там не на что смотреть… Он говорил об Организации… предупреждал… Ничего конкретного, но он много знает. Сказал, мы "под присмотром". А еще, что весь квартал продан, а Организацию списали со счетов. У него был озабоченный вид.

Я возразила:

— У нас уже бывали трудные времена, но все всегда устаканивалось. Пройдет и эта встряска.

— Это как в сказке "Петя и Волк"… Тебя пугает одно, меня — другое.

Тут она звонко хлопнула себя по животу.

Сонино лицо стало жестким. Черные брови решительно сдвинулись к переносице, хладно-

кровие и выдержка. Соня так яростно оборонялась, что для других чувств просто не оставалось места. Ее питали панический ужас и страх потери, она начала свою войну и твердо решила ее выиграть.

Соня подняла стакан, чтобы чокнуться со мной, увидела, что я все выпила, и завизжала, подзывая Матье, чтобы он налил мне…

В "Аркаду" вошла Лора. Блуждающий взгляд широко раскрытых глаз. В ночной рубашке, спортивных тапочках на босу ногу, с голыми руками — а ведь на улице собачий холод. Она столкнулась с Жюльеном, который склонился перед ней в галантном поклоне, но не обратила на него ни малейшего внимания, в панике обводя взглядом зал. Собака жалась к ее ногам, не носилась, как всегда, по залу, даже к хозяину не рванулась. Лора застыла, глядя на Саида, сидевшего спиной к залу. Они с Робертой расположились за столиком в глубине зала и о чем-то говорили, не замолкая ни на минуту. Лора стояла молча, пристально глядя на них.

— Ты ищешь Саида?

Она кивнула, но не сдвинулась с места, и я решила сыграть роль хозяйки дома, сделала ей знак подождать и пошла к их столику.

Саид что-то объяснял Роберте, он даже не заметил, как я подошла. Я предупредила их, что здесь Лора, не упомянув, что она в ночной рубашке. Саид обернулся, прервавшись на полуслове, хотя говорил о чем-то важном. Кинулся к двери, не выказывая ни гнева, ни удивления.

Когда он подошел, Лора всего лишь посмотрела на него, как будто думала сделать какое-нибудь открытие, увидеть что-то новое. Взгляд был очень странный, но Саид не казался удивленным. Он спросил:

— Не можешь уснуть?

Он разговаривал с ней тоном отца, который никак не может поверить в то, что его маленькая дочурка снова набедокурила.

— Хочешь чего-нибудь?

— Ты не идешь домой?

Растерянный взгляд больших светлых глаз. Тон Саида слегка изменился — все еще отец, но уже нетерпеливо-раздраженный… *"Мы ведь сто раз об этом говорили…"*

— Конечно, иду. Я скоро освобожусь. Мне нужно еще минут пять поговорить с Робертой, и я приду.

— Почему ты не возвращаешься?

— Потому что мне сейчас необходимо разве-

яться. Слушай, Лора, я и так все время сижу дома, почти не выхожу. Сегодня вечером — единственный раз, а ты являешься, чтобы портить мне жизнь?

Он цедил слова, как будто хотел вбить ей в башку немного здравого смысла, объяснить, что чувствует. Но она только повторяла упрямо, все с той же трагической интонацией:

— Я порчу тебе жизнь? Обычно ты сам не хочешь никуда ходить, так почему же именно сейчас тебя все время нет дома? И почему ты не берешь меня с собой?

Она была похожа на зомби: замогильный голос, пронзительно хрупкий, ломкий. Она наверняка кружит каждый вечер по дому, смотрит из окна, застывает при каждом шорохе на лестнице — не он ли наконец идет?

Она даже не защищалась, смотрела, как на нее точат длинные ножи, чтобы зарезать, и только недоумевала за что.

Саид взял Лору за плечо:

— Я не беру тебя с собой, потому что не люблю, когда ты сюда приходишь.

Взгляд на подошедшего Жюльена.

— Потому что здесь бывают люди, которые не должны крутиться вокруг тебя.

— А я хочу! Хочу быть там, где ты, сидеть и пить с тобой, там, где ты теперь все время бываешь. Все время, Саид.

Но он уже доставал из заднего кармана джинсов смятую двадцатифранковую банкноту и совал ее мне в руку, прося извиниться перед Робертой и заплатить по счету, потом улыбнулся всем нам, слегка поклонился, прощаясь, и увел ее. Собака выбежала следом за ними.

Мы с Жюльеном подождали минутку с комментариями, потом он ринулся в бой:

— Какая она хрупкая, черт возьми, и какая красивая… Если бы такая женщина была моей, ей не пришлось бы бегать ночами по улицам в ночной рубашке и вытаскивать меня из баров.

— Слушай, кончай выдумывать…

— Не веришь? Это потому, что ты никогда не видела меня с такой девушкой. Я бы изменился, Луиза, учти это.

— Ладно, ладно… Зато все мы хорошо знаем, что за человек Саид. Он правильный парень.

— А мне Саид не нравится. За ним все бабы бегают, а он ни одну не удостаивает взглядом… Не все с ним в порядке. Ты-то, конечно, на его стороне. Этот тип — просто идол какой-то, бабский кумир… Смешно…

— Да ты-то в чем был бы лучше с *такой* девушкой?

— Для начала я бы ее раскрепостил.

Жюльен внезапно воодушевился, найдя ключевое слово в своих рассуждениях.

— Ты же видишь, какая Лора всегда съеженная, бедняжка… У нее шикарный потенциал… Да, я бы ее раскрепостил.

— Послал бы на панель?

Жюльен не ответил. Он молча смотрел на входную дверь. Я тоже обернулась и увидела, что явилась Мирей.

Она не была ни раскованна, ни растерянна. Тут же нашла себе место, села в удобной позе, улыбнулась — мило, но не завлекающе. Совершенство. Она переоделась — была в кожаных штанах и джинсовой куртке, и этот наряд ей шел, да еще как! Жюльен тут же спросил:

— Как думаешь, у нее есть жилье?

Я не упустила случая поинтриговать:

— Очень может быть. Она из Парижа, была официанткой, теперь работает недалеко от Белькура. Зовут Мирей, и ее голосок наверняка тебя заворожит.

Произнеся этот монолог, я пошла к Мирей спросить, что она здесь делает.

В этот момент Матье в первый раз крикнул:

— Допивайте, ребята!

Это был сигнал к скорому закрытию.

Мирей улыбнулась мне, продемонстрировав дырку вместо зуба.

— Я тебя не заметила. Мне сказали, что ты здесь бываешь…

— Хотела меня увидеть?

— Да. Я мало кого знаю в этом городе, ну вот и подумала — можно встретиться, поговорить о чем-нибудь еще, кроме смерти Лолы и Стеф…

Мимо нас как раз пробегал Матье. Он ополаскивал стаканы, подгонял расслабившихся, собирал грязную посуду. Я попросила:

— Налей девушке, она торопится.

Он поднял голову, собираясь в сотый раз объяснить мне, что после закрытия наливать нельзя, потому что… Но он передумал, взглянув на Мирей, — ее беззубая улыбка на всех так действовала, налил ей стаканчик и ограничился короткой просьбой:

— Побыстрее, мы закрываемся.

И повторил для остальных:

— Допивайте, пора!

Я горячо поздравила Мирей:

— Редчайший случай! Обычно Матье не уло-

мать!

Она вернула мне комплимент:

— Тебя тут любят, не зря ты каждый вечер сюда приходишь.

Посетители лениво тянулись к выходу. "Аркада" почти опустела, Матье выключил музыку. Мы тоже собрались уходить, чтобы рассесться по машинам и ехать в Чекинг.

1.30

На пороге кое-кто застывал в нерешительности, не зная, как скоротать остаток ночи.

Перед входом затормозила большая черная машина.

Как только из автомобиля вылезли четверо мужчин и женщина, всех как ветром сдуло. Слишком уж прямо они держались в это время суток, слишком слаженно действовали.

Женщина первой вошла в "Аркаду", четверо мужчин молча проследовали за ней, заложив руки за спину.

За исключением Мирей мы все ее знали. Мадам Ченг раньше владела самыми дорогими массажными салонами и барами со шлюхами по всему городу. Она была женой марсельского хирурга, и они вместе открыли роскошные заведения. Королева-Мать воспользовалась тем, что они плохо расстались, и, пока они делили собственность, наложила лапу на все их заведения.

Не сказать, чтобы она действовала в этой операции совершенно безупречно, зато суперэффективно.

Муж-хирург просто покинул город. Мадам Ченг

попыталась кое-что спасти, но ни одна девушка не захотела снова работать на нее, потому что Королева-Мать с ними круто разобралась (может, это и слухи, но дыма без огня не бывает!). Да еще и легавые приняли ее сторону. И мадам Ченг переключилась на другой бизнес.

Эта маленькая сухая женщина со жгуче-черными, стянутыми назад волосами и темными бровями была настоящей Мадам, хотя внешне больше напоминала вертлявого парня.

Она никогда не приезжала в Квартал.

Из вновь прибывших только мадам Ченг не носила черных очков. Вошедших встретили тягостным молчанием.

Матье стоял посреди зала, убирая стулья на столы, чтобы подмести пол. Он на секунду прервался, покачал головой, как будто вошли случайные посетители, буркнул:

— Мы закрыты, уходите.

Мадам Ченг не сдвинулась с места, но ее спутники уселись за последний стол, где еще оставались стулья. Она отчеканила:

— Ты — закрываешь. Мы — остаемся.

Мы группой стояли у двери — Мирей, Жюльен, Гийом и я, — собираясь уходить, но, услышав реплику мадам Ченг, сели у стойки, не зная, как

развернутся дальнейшие события.

В этот момент вернулся Саид. Широко улыбаясь публике, объяснил:

— Вы еще здесь? У меня бессонница. Слушай, Матье, я могу сварить себе кофе?

Свои часто оставались в баре после закрытия, чтобы выпить по последней и поболтать.

Саид уже прошел за стойку и только тут заметил, что мы не одни.

Матье взял свою щетку, подошел к незваной гостье, встал лицом к лицу с ней. Мадам Ченг ему в пупок дышала. Он наклонился и повторил очень спокойно:

— А по-моему, вы сейчас же отсюда уберетесь, потому что у меня много дел.

Молодец Матье, настоящий мужик.

Четверо подручных мадам тоже были ничего себе — невозмутимые, застывшие в картинных позах вокруг стола. Никто бы не сказал, куда они уставились из-за стекол темных очков.

Мы пятеро у стойки были напряжены, но тоже сохраняли неподвижность.

В таких ситуациях, когда одна группа противостоит другой, люди внезапно сплачиваются, нечто внутри них требует разрешения, облегчения, всем хочется взрыва, страх преобразуется

в ярость.

Мадам Ченг только улыбнулась гнусной сладенькой улыбочкой и уронила:

— Я хочу видеть главную.

Матье покачал головой:

— Здесь ты не у нее, а у меня! Уходи.

Вместо ответа она разразилась громким хохотом, слегка откинувшись назад всем телом. Головорезы тоже сочли нужным оскалиться.

Мадам Ченг успокоилась так же внезапно, как развеселилась, чем очень впечатлила меня.

Она повернулась ко мне и спросила дружески-небрежным тоном:

— Ваши девушки сказали мне, что двух танцовщиц уже разрезали на куски… Недурной бизнес, особенно если нужны деньги на порошок. Но я удивлена такой неосторожностью…

Саид подскочил к ней:

— Старая шлюха, тебе же велели убираться…

Спусковой механизм сработал — началась заварушка.

Охранники мадам Ченг вскочили, с грохотом роняя стулья.

Один из них схватил Саида за волосы, подтащил к стойке, ткнул лицом в пивную лужицу, держа пистолет у затылка.

Другой оседлал Гийома, целясь ему в лоб из револьвера.

Матье дернулся, собираясь схватить что-то под стойкой. Выстрел, запах пороха, брызги стекла от разбившихся бутылок. Матье выпрямился, а двое горилл встали по обе стороны от двери, взяли на мушку весь зал, следя, чтобы присутствующие сохраняли спокойствие.

Мадам Ченг оглядела зал. У нее и правда был стиль, у этой стервы, она выдержала паузу, в глазах разгоралось жестокое возбуждение.

Она заговорила — вроде искренне огорченным и мягким тоном, но так звучит голос того, кто обманывает, предлагая помощь:

— Я ищу ее уже неделю, нам надо обсудить кое-что важное.

Пауза. Продолжение:

— Мне не кажется, что вы способны силой заставить нас уйти…

Бессильная ярость, унизительное чувство, что не сумел дать отпор быстро и адекватно. Я действительно испугалась, когда прозвучал выстрел, у меня заложило уши, отнялись руки и ноги.

Кто-то кашлянул. Это была Королева-Мать в сопровождении двух охранниц. У одной поехали колготки — забавно… Зато на лицах полное спо-

койствие. Как будто воспитательницы в туфлях на шпильках явились навести порядок среди расшалившихся малышей.

За их спинами стояла Соня — я даже не заметила, что она ускользнула, как только подъехала черная машина. Да, я и вправду никчемная мудачка…

Мадам Ченг знаком приказала своим убийцам выпустить добычу и опустить оружие.

У двух этих женщин была похожая манера поведения — театральность, скупые жесты.

Гийом чертыхался, поднимаясь с пола; Саид сел за столик, как будто только что вернулся из сортира; я подняла опрокинутый стол; Соня поставила на место стул. Гийом решил высказаться:

— Ничего себе обстановочка…

Он отряхнулся в последний раз и сел.

Жюльен был белым как полотно. На некоторых людей насилие действует особым образом: чтобы перенести его, им бывает достаточно сохранять ясную голову. Не знаю, как выглядела я сама, но в женщинах трусость не так противна.

Матье вернулся к своим стаканам. У этого парня были недостатки, но в хладнокровии ему не откажешь.

Мирей повернулась спиной к месту действия и

принялась разглядывать присутствующих. Судя по всему, она не слишком испугалась — даже улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок.

Все происходило как в замедленной съемке, как будто что-то пошло не так со звуком, чего-то не хватало в атмосфере. Пустота. Животное облегчение после пережитого ужаса. Ситуация внезапно разрешилась, и все вроде встало на свои места, а мы чувствовали себя дураками.

Молчаливое противостояние Королевы-Матери и мадам Ченг продлилось несколько мгновений, им как будто даже нравилось разглядывать друг друга. Королева-Мать выглядела внушительнее, превосходила свою врагиню бюстом.

Наконец китаянка процедила сквозь зубы:

— Я тебя искала.

— Ты искала неприятностей на свою задницу.

— Ну да — тебя.

— С чего бы это?

— В обществе беспорядок. Повсюду говорят, будто ты покрываешь убийцу… Девушки бегут от тебя ко мне — им страшно, они бог знает что рассказывают. Теперь я их понимаю. Я готова всех принять и защитить. Если ты захочешь продать, я куплю. И даже оплачу издержки. Ты

упорно избегаешь встречи, вот я и позволила себе… пошуметь.

— Нам нечего обсуждать. Я никогда не работала с такими, как ты.

Мадам Ченг криво улыбнулась:

— Ты полагаешь, что все еще имеешь право говорить с людьми подобным тоном?

— Разве тебе не передали, что я даже видеть тебя не хочу? Тебе ведь предложили убраться отсюда?.. Так давай, вали и гномов своих забирай.

Тон мадам Ченг мгновенно изменился: от спокойствия она перешла к истерике, причем никто не понял, что привело ее в такую ярость.

— Слушай меня внимательно, грязная, мерзкая свинья! Твой квартал, весь, с потрохами, через месяц будет моим. Я приехала, чтобы договориться, как это делают разумные люди. Но ты предпочитаешь все разрушить, не думала, что ты такая дура.

Саид едва не вцепился ей в глотку. Королева-Мать в последнюю секунду успела его удержать. Мертвая хватка. Они обменялись странными взглядами: клянусь, останься они одни, превратились бы в мохнатых диких зверей с длинными острыми клыками.

Мадам Ченг вышла со своим эскортом. Она

излучала гнев и презрение.

Матье сострил:

— Столько шуму из-за пустяка… Могли бы просто прислать нам открытку.

Все захихикали, но никто не нашелся, что добавить.

Мы ждали заявления Королевы-Матери — она должна была объяснить, что произойдет дальше, чем дышит город, что в Организации, и все такое прочее…

Но она этого не сделала. Только спросила:

— Все целы?

Нет, ничего непоправимого не произошло. Что ж, ладно… Мне показалось, что Королеве-Матери все это, по большому счету, совершенно безразлично.

Она сказала:

— Хорошо. Всем удачи на будущее.

И вышла.

Саид рванулся следом, она обернулась, наставив на него палец, произнесла, как плюнула:

— *Тебя* я больше видеть не желаю.

Королева-Мать явно устала и была чем-то очень озабочена.

Саид так и остался стоять столбом перед дверью.

Суббота, 9 декабря

14.00

— Повернись, грязная шлюха! Покажи-ка мне свою задницу… Наклонись, мерзавка! Давай выставляй хозяйство напоказ… Потекла уже, отсюда вижу.

Папашка визжал, подпрыгивая на своем табурете, потом захрипел, как в агонии, и я бросила на него взгляд через плечо. Все, готово: на конце его багровой сардельки выступили белые капли.

Накануне я легла совсем поздно — болталась до закрытия в "штаб-квартире". Все перевозбудились, слушая рассказы о том, как Королева-Мать давала отпор.

Желудок подступал к горлу, голова была стеклянной.

Старичок привел в порядок одежду, снова стал изысканно-вежливым, поблагодарил:

— Вы были изумительны.

Я вернулась в кабинку.

Кэти, наряженная в синюю плиссированную юбочку поверх беленьких девчачьих трусиков, целомудренный, но прозрачный бюстье и сандалии, подправляла ногти. Под глазами у нее

красовались черные круги.

Роберта на работу не вышла — доктор объяснил, что ей это сегодня не по силам. Королева-Мать прислала замену. У Джино было то еще выражение лица, когда он заметил, что у новой девки в сосках и на лобке масса колечек и в танце она позвякивает, как колокольчик. У нее была очень белая кожа и кельтская татуировка на попке. Весьма продвинутая особа!..

Я села. Помассировала себе затылок. Мы с Кэти вернулись к утреннему разговору — нам все время мешали, вызывая на дорожку.

— Сделай это один из наших клиентов, повсюду была бы чертова сперма! А ведь не нашли ни одной проклятой капли! Так что не стоит напрягаться… Серьезно, расслабься.

В ответ Кэти встревоженно покачала головой:

— Ты что, не понимаешь — это наверняка кто-то, кого мы знаем!

— Да брось, они же не вчера родились! У обеих была какая-то жизнь до Лиона, ты не настолько хорошо осведомлена об этом, чтобы…

— Та девушка, с которой ты вчера была… она их, кажется, знала?

— Угу… она думает, тут замешан мужик…

— Ревнивый дружок?

— Почти… хотя все намного сложнее.

С самого утра мы талдычили одно и то же. Мне даже нравилось уговаривать Кэти не трястись — так я и себе промывала мозги.

Танцовщица, вышедшая на замену Роберте, вернулась в нашу конуру. Она была голая, а свои виниловые тряпки держала в руке. Черт, какая громадина! Я глаз не могла оторвать от ее щели, изуродованной варварскими кольцами и гвоздями.

Джино объявил в репродуктор:

— Грета, кабина номер четыре.

И она отправилась туда, не потрудившись одеться. Мы с Кэти задумчиво посмотрели ей вслед. Четвертая — самая дорогая кабина, в нее редко отправлялись вот так, сразу. Она находилась в глубине пип-шоу и была достаточно просторной — там даже умещалась маленькая сцена, а между клиентом и девушкой не было ни решетки, ни плексигласа.

Кэти подула на ноготь, разглядывая, что получается.

— Мне все это не нравится. Вчера я и Роберте с Саидом сказала то же самое! Мерзость, отрава…

Репродуктор пролаял:

— На дорожку! И давайте постарайтесь, вас

всего двое.

Я поднялась первой, присвистнув:

— Да пошел ты, хрен собачий! — в сторону репродуктора. И Кэти: — Работа вообще мерзость, здесь — тем более…

И вышла на дорожку.

14.30

Я взглянула на зеркала, чтобы понять, где есть клиенты. Странно — все флажки подняты…

Суббота — ударный день. И все-таки редко когда все восемь кабинок бывают заняты одновременно, пожалуй, это вообще первый такой случай!

На экране видюшника разложенная на столе девица отсасывала у типа, который управлял ее головой, а другой, пристроившись между ляжками, обрабатывал красавицу сзади. Мне всегда нравилась эта сцена.

Режиссер промахнулся только с музыкальным сопровождением — мелодия была грустной, а певец ныл, завывая: "Я прекрасно могу обойтись без тебя".

Я облокотилась на обтянутый красным мехом пуф, стоявший в центре дорожки, отклячила задницу и начала ласкать себя поверх трусиков. Наряд — черные кружева — очень подходил для субботы. Перевернулась, встала, медленно уронила на пол рубашку, томно провела ладонью по животу. Пальцы медленно поползли к трусикам.

И тут раздался этот вопль. Пространство вокруг меня мгновенно взорвалось, я кинулась прочь

из зала. Кровь стучала в висках, кишки едва не вывалились наружу, сознание готово было отключиться от дикого ужаса, а в голове истерически билась догадка: "Он вернулся. Он в кабинке, с девушкой. С той, новенькой, любительницей пирсинга. Убивает ее".

В коридоре я врезалась в Кэти. Вход в заведение остался слева. Двери всех кабинок распахнулись одновременно.

Оттуда вышли восемь громил с пистолетами и мгновенно, как балетные артисты на репетиции, разошлись по залу на позиции. Я увидела, как двое направили оружие на меня, двое других взяли на мушку Кэти, третья "двойка" прицелилась в Джино. Руки вытянуты под идеально прямым углом к телу… Двое оставшихся приклеились к стене по обе стороны от красного занавеса, прикрывавшего дверь. Подбородки высоко подняты, застывший взгляд, галстуки, волосы гладко зачесаны назад…

Все это время, пока мы соображали, в какое жуткое дерьмо вляпались, новенькая продолжала орать, срываясь на визг. Не в силах шевельнуться, мы смотрели в узкий темный проход к кабинке № 4. Крик превратился в задушенный хрип вперемежку с рыданиями. Из тени выдвигался

человек. Надменная, нарочито замедленная поступь, угрожающее выражение лица, длинное, в пол, пальто, поблескивающие затемненные стекла очков. Молча, явно наслаждаясь ситуацией, он вышел в центр комнаты, под свет софитов.

В руке незнакомец подбрасывал что-то маленькое и блестящее.

Что это за "игрушки", я поняла, когда в зал наконец вывалилась танцовщица. Ее крепкие ляжки, выбритый лобок и пышные сиськи были вымазаны кровью. Этот урод вырвал из ее тела все кольца и теперь гремел ими, перекатывая в горсти. Увидев нас, окаменевших от ужаса и совершенно беззащитных, девушка, рыдая, рухнула на колени, скрючилась, то зажимая обеими руками раны в промежности, то поднося окровавленные липкие пальцы к глазам и вопя во все горло.

Главарь, утомленный рыданиями, раздраженно дернул подбородком, и один из подонков со всего маху ударил ее ногой в челюсть. Девушка притихла, тихонько поскуливая и глотая слезы. Подойдя к нам с Кэти, ублюдок заговорил:

— Три дня назад убили двух девушек, а с вашей безопасностью по-прежнему не все в порядке… Не скажешь, чтобы подход был серьезным…

Мерзавец как будто даже сожалел об этом. Он чеканил слоги, растягивая слова, изображал заботу. Я с ужасом заметила на колечках кровь и волосы. Воздев руки к потолку и закатив глаза, он продолжил свой монолог:

— Старая сумасшедшая п…да послала этих несчастных на бойню. А теперь и вас толкает на смерть. Нет, она не хочет договариваться с нами, ничего не желает слышать… Играет в крутизну…

Я стояла очень прямо, обратившись в слух. Направленный прямо в грудь ствол пистолета заставлял чувствовать себя в невесомости. Все остальное происходило как в кино, на заднем плане, я понимала — и только это сейчас имело для меня значение, — что могу сдохнуть, если убийца нажмет на курок. Совершенно реально и одновременно абсолютно невозможно. Я даже не боялась, просто закаменела, загипнотизированная черным глазком пистолета, балансируя на грани реальности. Он спросил:

— Вы понимаете, что опасный маньяк убил ваших подруг? Что он на свободе и Организация его защищает? А может, и платит, наживаясь на съемках, которые так дорого продаются… Эта бедняжка могла бы уже валяться дохлая в кабинке! Это, по-вашему, нормально?

— Честно говоря, пока вы не явились, меня это как-то…

Я отвечала ему небрежно-расслабленным тоном — как будто болтала с Жюльеном у стойки бара в "Аркаде". Слишком много пистолетов, слишком много мужчин в черном, слишком громкий плач скорчившейся на полу Греты. Я почти отсутствовала в реальном мире, боялась ляпнуть глупость, спровоцировать его. Человек в очках улыбнулся, приобнял меня за плечо. Он был ниже ростом, но и это забавное обстоятельство не лишало его ощущения собственного высокомерного превосходства. Он произнес — очень серьезно, — как будто хотел успокоить, утешить:

— Теперь все изменится.

Потом повернулся, прошел ко входу, остановился, не переставая улыбаться, скрестил руки на груди, кивнул.

Шесть пистолетов одновременно пришли в движение — грациозно, почти замедленно.

Они разрядили оружие в Джино (все время, пока длился этот абсурдный спектакль, он не сделал ни малейшей попытки оказать сопротивление), его руки взметнулись вверх, тело затряслось, как если бы он вдруг превратился в жуткую окровавленную марионетку, потом грохот смолк, и тело

рухнуло на пол.

В наступившей мертвой тишине главарь провозгласил:

— Теперь я — хозяин.

И они ушли.

Разрыв во времени сомкнулся: мертвый Джино лежал на ковре, а мы трое зашлись в крике.

Воскресенье, 10 декабря

1.00

Матье и Серж задвигали тяжелые железные засовы, блокировавшие ставни. Бар только что закрылся.

Соня, на удивление молчаливая, расслабленно ходила между столиками и баром, носила стаканы, полные пепельницы, смятые сигаретные пачки.

Мертвецки пьяная Кэти заснула на банкетке. Она даже не переоделась после "Эндо" и как никогда напоминала маленькую девочку, которую родители потащили за собой на ночную вечеринку. Она громко сопела, в глубине черной пещерки широко раскрытого рта виднелись испорченные зубы.

Рядом с ней сидел глубоко задумавшийся Саид. Челюсть закаменела от напряжения, на висках проступили вены, скрещенные руки — на коленях.

Мирей играла на бильярде. На ней было платье в стиле "вестерн", кажется, замшевое; полностью сконцентрировавшись на игре, она кружила вокруг стола под стук шаров.

Когда мы с Кэти вернулись от легавых, Мирей

уже ошивалась в "Аркаде". Весь вечер я ощущала ее присутствие за своей спиной — она была потрясена, возбуждена смертью и очень нежна со мной.

Почти все освещение в баре вырубили, горели только лампы над стойкой, отражаясь в рядах бутылок и стаканов. Музыку тоже выключили, разговоры вели вполголоса.

Даже полицейские, с которыми мы вынуждены были общаться всю вторую половину дня, вели себя вполне пристойно. И совершенно отстраненно. Я слышала, как в соседнем кабинете что-то вопит Кэти, потом она успокоилась, мы подписали какие-то странные показания… Все это время я ждала, что нарисуется Королева-Мать и вытащит нас. Но она не показалась.

Ее вообще никто и нигде не мог найти.

Сидя рядом с Гийомом на банкетке напротив спящей Кэти, я наблюдала, как Матье методично составляет стулья на столы. Я тесно прижималась плечом, рукой и ногой к брату, чувствуя тепло его тела. Я много выпила и "поплыла", дыхание Гийома проникало в меня, обдувало кожу.

Я чувствовала себя просто замечательно — наступила полная расслабуха.

Соня подметала — тщательно, методично, не

пропуская ни одного окурка.

Вряд ли кто-то из нас будет по нему скучать, и все-таки странно, что Джино *так* умер.

Девушку с кольцами, которую никто не знал, отвезли в больницу. Там сказали, что раны у нее хоть и страшноватые, но не опасные для жизни.

И все-таки самым странным, почти диким, оставалось отсутствие Королевы-Матери. И никто не мог нам объяснить, что же, черт бы все это побрал, происходит.

Мы были на редкость спокойны, почти заторможены.

Душа у меня болела, и я тем острее чувствовала счастье от того, что Гийом рядом, а значит, все утрясется.

3.30

— Он ее ни в грош не ставил, обращался как с сукой. И я в конце концов взорвался, не мог ему спустить. Она, кстати, прекрасно знает, что выбора у меня не было.

Мы сидели в машине у Чекинга. Остальные разошлись, а меня Саид задержал, потянув за рукав, сказал — надо поговорить.

В первый момент я, как обычно, насторожилась — решила, будет приставать, но потом поняла, что у него и в мыслях ничего подобного нет, отклеилась от дверцы, села поудобнее, хотя мне по-прежнему не нравилось, что я одна с мужиком в замкнутом пространстве.

— Он точно связан со смертью Стеф и Лолы, и она потому же исчезла, не хочет ничего знать. Даже не пытается защититься.

Он с силой ударил кулаком по стеклу, но тут же взял себя в руки, подобрался, как если бы внутренне сопротивлялся какой-то мысли. Я спросила:

— Ты это о Королеве-Матери?

Я просто хотела показать, что слушаю, что слежу за ходом его мыслей. Скажи я: "Брось,

давай потанцуем, отвлечешься" (а меня так и подмывало!), это прозвучало бы неуместно. Он поудобнее уселся на своем сиденье и пустился в рассуждения:

— Этот сукин сын поселился у нее. При мне он всегда грубо с ней разговаривал, все время трогал. Хотел показать, что она не против. Ей было неловко, но она терпела. Я каждый раз на него натыкался, когда приходил к ней, и этот говнюк вел себя как распоследняя сволочь. Напоказ, понимаешь? То и дело навешивал ей, командовал: "Принеси то!", "Принеси это!", "Что за дрянь, давай другое!" или: "Ты что, издеваешься надо мной, специально нарываешься?" Когда я познакомился со Стеф и Лолой, сразу просек — они тоже его ищут. Не понимаю, что в нем такого… Королева-Мать, Стеф, Лола, Мирей… Наваждение, порча какая-то…

— Он их просто трахает и, говорят, делает это классно. Ты с ним сцепился?

— Однажды я к ней зашел, а он начал издеваться: "Ты почему ни разу ее не употребил? Всех обрабатываешь, а ее нет… Тебе вроде не нравится, что я ее пользую? А ка-а-к она вопит при этом! Хотел бы я, чтобы ты глянул, как она любит моего птенчика. Да и малышка Стеф тоже — эта ши-

карно работает, стоя на коленках. Да вообще, все они хороши". И я его уделал, вбил зубы в глотку засранцу. Потом ушел, оставил его валяться, но предупредил, что, если он не угомонится, я вернусь и доведу дело до конца. Тут она закатила мне сцену, разоралась, что я ничего не понимаю, не знаю, что между ними, и не имел права так с ним поступать. Она не поверила, когда я сказал про Стеф, ничего не хотела слышать про его делишки и про то, *что* он про них про всех болтал. Велела убираться, орала, что больше не хочет меня видеть… Через несколько дней он свалил от нее. Не знаю, что он натворил, но она его повсюду с собаками искала. Она со мной не разговаривает, но я все равно думаю, что поступил как надо. Понимаешь?

Я кивнула в знак согласия. Момент для философских рассуждений был явно неподходящий. Он продолжал:

— Она окончательно рехнулась… Ту дешевку, что явилась в "Аркаду" и так выпендривалась, она бы еще две недели назад уничтожила за одно то, что дорогу перешла на нашей территории. А тут спустила… Они устраивают в "Эндо" стрельбу, а она исчезает… Стеф и Лола работали на нее, а она и пальцем не пошевелила, чтобы найти того,

кто их…

Я промолчала. Да и что тут было говорить… Доза веселила кровь, я едва могла сосредоточиться. Ужасно хотелось спать.

Саид встряхнулся, сказал будничным тоном, как если бы мы просто припозднились:

— Тебе пора, да и я должен идти, Лора не выносит, когда я поздно возвращаюсь.

Понедельник, 11 декабря

14.45

— Не знаешь, кто такой Шон Пенн?!

Я зашла за Мирей в бар к концу ее смены. Мы шли и болтали — вернее, говорила она, а я слушала вполуха, то и дело рассеянно подавая реплики, например: "Конечно, знаю, но мне на него плевать!" Мирей держала в голове чертову прорву живо занимавших ее вещей, до которых мне не было дела, а говорила она так много, что я и половины бы не запомнила.

Общаться с Мирей было все равно что слушать радио в режиме "нон-стоп": мозг привыкает, живет своей жизнью, решает маленькие проблемы, временами реагируя на внешние раздражители.

В то утро я проснулась "в кусках": морда мертвенно-зеленая, спина влажная от липкого пота, сердце колотится в бешеном ритме, готовое вывалиться из-за ребер. Состояние тревоги, навязчивое ощущение, будто случилось нечто ужасное и это только начало неприятностей.

А Мирей заливалась соловьем:

— … офигительный, как в "Крайностях", от него шизеешь, он сводит с ума, да ты видела это кино

или нет? Фильм крутили в "Тупике", на неделе, когда я приехала из Лиона, ты не была?

Ей вовсе не нужны были мои ответы: она неслась вперед — "взбодрившаяся", болтливая, маленькие грудки весело подскакивали под черным свитерком, а на небе сияло белое солнце — жестокое зимнее светило. И я чувствовала, как у меня перехватывает горло и сжимаются внутренности, и пыталась сглотнуть, но ничего не выходило, и тревога, пожиравшая мои мозги, не шла прочь, и мне хотелось разбить голову об стену, уничтожить ЭТО, выдернуть, выбросить…

Мирей трепалась без умолку до самой площади Белькур и все еще изливала душу, когда мы оказались у Терро:

— … Де Пальма, неузнаваемый, это история Карлито, тип съехал с катушек; он — адвокат и…

"Да-а, перед работой она успела заскочить в аптеку, кодеинчик хорошо развязывает язык…" — подумала я.

Пять дней знакомства — а я душу готова прозакладывать за то, что мы, как попугайчики-неразлучники, появились на свет в этом проклятом мире в одно и то же мгновение и с тех пор не расставались.

Мы провели вместе все воскресенье, в таких

историях, как наша, этого явно мало, чтобы стать неразлей-вода…

Мирей не мой тип, не так чтобы очень хороша, слишком много раздражающих моментов, гнусные черты характера, прочие мерзости… К тому же — дурные манеры, жлобское преклонение пред светскостью, ужимки и прыжки, недоговоренности, гадости, сделанные исподтишка… Но даже это кажется мне трогательным и родным.

Мы были почти одного роста — ловя наши сливающиеся отражения в стеклах витрин, я находила их элегантными.

Кстати, до нынешних времен я избегала слишком тесного общения с бабьем, кожей чувствуя — они знают нечто такое, чему я нигде не научусь, не прочту и не услышу, и это *"нечто"* они будут тщательно прятать, станут расставлять мне ловушки, и однажды я проколюсь, а они тогда уставятся на меня изумленно и насмешливо, и все про меня отгадают, мерзавки.

В воскресенье я все-таки спросила:

— Ты Виктора-то ищешь?

И она ответила — олицетворение убежденности:

— А то…

— Хочешь вернуть свои бабки?

— Слушай, давай не будем об этом!

Наша Мирей из тех, кто не терпит вольностей в обращении.

Вот только с этого момента она бросила меня "очаровывать", вызывающего тона и двусмысленных рассуждений — как не бывало.

Мирей затаилась. Всю улицу Терм мы прошагали молча, она глядела себе под ноги, покусывая губу, и я в конце концов всполошилась:

— Больше не думаешь вслух?

Она повернула голову, рявкнула:

— Считаешь меня болтливой дурой?

— Да уж, потрепаться ты умеешь. Так что, когда замолкаешь…

— Мне есть что сказать, если бы ты отвечала — хоть через раз, — я бы не онанировала!

Оставалось заткнуться и запомнить урок: "Никогда больше даже не намекай, что у меня словесный понос!"

Я получала подобные уроки каждый день: тут уж никакое взаимопроникновение не поможет — нужно время, чтобы притереться.

И я смолчала. Пока мы не дошли до лестницы, ведущей в сторону улицы Бюрдо, Мирей тоже рта не раскрыла, но едва я поставила ногу на первую ступеньку, она сказала, как отрезала:

— Лично я по лестницам не лажу! Выглядишь идиоткой — ступеньки всегда слишком широкие, хоть и не крутые… Давай прямо — крюк будет небольшой.

И она решительно двинулась вперед, продолжая рассуждать:

— Я, когда жду автобуса, всегда потешаюсь над теми, кто карабкается вверх, — ну просто утки неуклюжие… Потому-то и не люблю лестницы.

Глупые, тупые лестницы, плоские твари — ни подняться, ни спуститься нормальному человеку…

До самой улицы Пьер-Блан она так и распиналась на тему о лестницах.

15.15

— Думаешь, где он?

— Кто?

— Да Виктор же! Интересно знать, что он задумал…

Облокотившись на широко расставленные локти, Мирей любовалась своим отражением в зеркале за стойкой.

— По-твоему, он все еще в городе?

Она не слушала, роясь в карманах в поисках зажигалки, потом заявила — на полном серьезе:

— Стеф и Лола… Думаю, это Саид.

— Все может быть…

— Да нет, правда… Тебе разве это в голову не приходило?

— В общем, нет.

— Но это же очевидно, все — одно к одному…

По правде сказать, я побаивалась теорий Мирей — она слишком уж вольно обращалась с фактами, а жизнь научила меня распознавать придумки.

Вошла Соня. Бросила вещи на табурет рядом со мной, причитая: "ПИсать, пИсать, пИсать, пИсать!.." — и отправилась прямиком в сортир, махнув рукой вместо приветствия — мол, расце-

луемся потом!

На Соне был коротенький свитеришко, узкий, почти тесный — он очень аппетитно обтягивал ее большие сиськи. Мне это, кстати, очень нравится.

А Мирей все рассуждала и прикидывала:

— Он достаточно испорченный, чтобы сотворить такое… В нем есть что-то такое… Я чувствую… очень романтичное и одновременно отчаянное… Согласна?

— Ладно, а мотив?

— Те, у кого есть мотив, кожу со своих жертв не сдирают, сама подумай, так поступают чокнутые. А Саид чокнутый. Нет?

— Вот уж не знаю.

— А я чую — у меня интуиция. Ну что, пойдем сядем?

В зале появился продавец цветов, одетый в клоунскую, в зеленую клетку, куртку. Он обошел все столики, но люди посылали его взглядом и отворачивались.

Появились Роберта и Кэти. С тех пор как все пошло наперекосяк, они неожиданно сблизились.

Мирей тут же высказалась:

— Миленько, устроим попойку…

И та и другая явно пришли в себя: нарядный прикид, нарисованные личики, блестящие волосы. Говорить было особенно не о чем, и я решила сделать им комплимент:

— Хорошо выглядите! Все вроде наладилось?

Они хихикнули, переглянувшись, а Мирей не упустила случая съязвить:

— Ну что, успели "принять"?

Обе уселись, и Роберта, плюхнув перед собой на стол почту, принялась объяснять:

— Мы всю ночь смотрели кино, только что встали, из дому даже не вылезали еще.

Что хорошо в нашей блядской жизни — бывает достаточно пустяка, чтобы отвлечься.

Роберта вскрыла первое письмо — там оказался счет за коммунальные услуги, — и нам пришлось выслушать длинное выступление на тему о счетчике, который нельзя подкрутить, потому что он висит на площадке.

Я вздохнула.

Тебе и впрямь получшало, Роберта…

Соня, как заведенная, стряхивала пепел, не отрывая взгляда от окна, и не слушала.

Роберта разорвала второй конверт, и тут Соня взорвалась:

— Вот сволочь! Назначает встречу на три часа,

требует, чтобы я не опаздывала, потому что у него, видите ли, нет времени меня ждать, а сам не является, но я не буду тут торчать, как зайка, весь вечер…

Соня заткнулась, потому что все мы уставились на побледневшее лицо Роберты. Она застыла как истукан, зажав в пальцах фотографии. Кэти наклонилась посмотреть — реакция оказалась мгновенной и более чем странной: она сблевнула, из горла вырвалась темная струйка и звучно шмякнулась на пол.

Роберта даже не повернула головы в ее сторону: она уронила снимки на стол и нервно хохотнула — у каждого своя реакция…

Мы с Мирей и Соней придвинулись поближе, чтобы посмотреть.

Не то, что я видела в кабинете Королевы-Матери, но сюжеты те же. Мирей и Соне понадобилось чуть больше времени, чтобы понять, что есть что и что кому принадлежит. Роберта кинула нам записку — изящный почерк с наклоном вправо, затейливые завитушки на заглавных буквах…

"Посмотри хорошенько, что случается с маленькими сучками, вроде тебя, и помни: ждать недолго, ты — в моем списке… До скорого".

Соня схватила конверт с полным адресом Ро-

берты.

Появились Матье и Саид — руки в карманах, рожи довольные, веселые, как будто всю дорогу обменивались непристойными шуточками. Матье снял куртку, повесил ее на спинку стула Кэти. Соня заметила:

— Вы, похоже, довольны жизнью?

— Да вроде жаловаться не на что…

Она кивнула на лежавшие на столе фотографии.

— Сейчас мы вас "приземлим"…

— Осторожно, ты вляпался в блевотину…

Я сказала это, потому что Матье и вправду вляпался — хоть лужица и была небольшая…

Вторник, 12 декабря

16.00

— Пусть нарисуется, сволочь, я ему плюну в рожу… молча… И больше ни слова о нем при мне!

Вот так: разговор о чем-то другом, и вдруг — всплеск эмоций, мгновенный выброс адреналина в кровь, проклятия в адрес Виктора.

— Скажи, в Париже вы были вместе?

— А ты что, нашептать кому-то хочешь?

Мы сидели в ее крошечной белой кухне, собираясь расчленить блок травки. На электрической конфорке грелся нож, жалюзи были закрыты для конспирации. Да Мирей их вообще никогда не открывала — даже если не делала ничего противозаконного. Что вы хотите — квартира-то на первом этаже, кто угодно может остановиться и заглянуть с улицы…

Она потерла переносицу, как будто у нее защипало в носу, и вернулась к разговору на излюбленную тему:

— В башке у человека, который не ширяется, никогда не изменяет подружке и никогда не врет, может много чего булькать. Но уж если все это ебнется — мало никому не покажется…

Мирей встала, проверила нож и достала из

ящика чистую тряпку, чтобы удобнее было направлять лезвие. Она вбила себе в голову, что должна убедить меня в виновности Саида. Вообще-то, это был просто повод поговорить о нем — что-то в этом парне влекло ее и тревожило.

Мне слегка поднадоела эта бесконечная туфта, и я сказала:

— Греют, кстати, не нож, птичка моя…

И разлила по стаканам липко-сладкий портвешок, который Мирей брала в арабской лавочке в подвале своего дома по тридцать франков за бутылку.

Мирей всегда сооружала на голове строгий маленький пучок — этакая девочка-умница, балеринка с тонкой шейкой. Она собрала крошки на листок и протянула мне, чтобы я свернула косячок. Потом начала развешивать дозы на крошечных, с малюсенькими позолоченными гирьками, весах. Как девочка, играющая в магазин…

В ставни постучали, и я открыла дверь Жюльену — он заранее предупредил, что заберет свою часть товара (цены Мирей были вне всякой конкуренции). Жалюзи поднимались и опускались автоматически, достаточно было нажать на кнопку, вот только происходило это с гребано-за-

медленной театральностью — так ползет вверх занавес над сценой.

— Вы уже знаете про "Аркаду"?

Жюльен храбрился, но глазки бегали, страх в них плескался.

— Они приходили… Все сожгли… Пожарные только что уехали… Я оттуда…

Мирей весело оскалилась:

— Ты там был?

— Ну да, и Саид, и я, и Гийом, и Матье, и Соня… Все были.

— Их мы видели тогда вечером?

— Да не знаю я, они все на одно лицо… Босса точно не было, так, шелупонь всякая… Работали очень спокойно — заранее все спланировали, организовали… Ничего не скажешь — профессионалы…

— Внутри кто-то был?

— Нет, они всех вывели. Потом вылили горючку, бросили спичку, запрыгнули в машину и — аля-улю…

— А легавые что, в жмурки играют?

— Один клиент сказал Соне, что полиция вмешается только после того, как люди мадам Ченг сделают всю грязную работу. Зеленый свет дадут с самого верха… Мы не все знаем… Но они точно

между собой сговорились… Когда легавые приехали, у них на рожах ни злости, ни удивления не было. Как будто так и надо…

— И вы ничего не сделали?

С момента прихода Жюльена я не промолвила ни слова, но тут разозлилась и взорвалась:

— А чего ты от них хотела? Что там защищать? Все принадлежит Королеве-Матери, а ее три дня никто в глаза не видел… Ввязаться в смертоубийство ради гребаного бара, где даже дерьмо и то чужое?!

Жюльен подлил масла в огонь:

— Да мы и не потянули бы… Чего уж там говорить… Они нас почти закопали… Видела бы ты…

Мирей вернулась к своим весам.

— Новые хозяева, мать их… Вы бы уж сразу легли под них…

Тон был презрительно-высокомерным — так разговаривают женщины, жалуясь, что дорогой мало зарабатывает, хотя сами они вообще ни черта не делают.

Я все глубже погружалась в тишину. Все безысходно. Запутано. Необъяснимо. Я тонула, на меня накатывал смутный страх, я чувствовала что-то, чего не могла видеть, в горле стоял комок томительного ужаса, и, стоило ему шевельнуться,

ужас литрами сочился из пор.

Закономерное поражение, начало маленького Армагеддона.

17.00

Пройти надо было всего несколько шагов — далеко мы не ходили. Вскарабкаться по трем лестницам, пересечь две улицы. Жюльен скрутил себе косяк на дорожку, и мы вышли.

Отправились к Матье. Жюльен уже несколько дней жил у него.

Мирей собиралась с нами, мы уже стояли на тротуаре, но тут зазвонил телефон, она задержалась на несколько минут, потом вышла сказать, что остается, потому что "кое-кто должен прийти, так что увидимся потом". Все вокруг напоминало мне декорации брошенного киношниками павильона. Покосившиеся дома пугают, их как будто забыли снести после съемок, в которых я не участвовала. Голос Жюльена доносился откуда-то издалека.

Улица Пьер-Блан в самом ее начале выглядела до безобразия нормальной. Странно, но я вдруг вспомнила, по какой-то дикой ассоциации, как выглядели на фотографиях ноги девушек — ни одной раны. Сотни раз я бегала по этой улице — все на месте, и невозможно поверить, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее.

Мы долго стояли на холоде, засунув руки в карманы, не зная, что сказать друг другу.

Обгоревшая, оторвавшаяся, болтающаяся вывеска, входы с обеих сторон, пол, засыпанный мусором. Столько потрав за такой короткий срок… Стекла полопались и вылетели от жара, банкетки обуглились, бар почернел и осел.

В конце концов я сказала:

— Не слишком красиво…

Жюльен, успевший взять себя в руки, съехидничал:

— А банкет в разгаре…

Пожав плечами, он отвернулся от "родного пепелища" и произнес нечто вроде эпитафии:

— Через несколько месяцев большинство из нас будут работать на них… Все всё забудут. С победителями всегда одна и та же беда — слишком задирают нос, когда начинают…

Из окна напротив раздался свист, и мы одновременно подняли головы. Гийом.

— Купите сигарет!

На развалинах продолжалась нормальная жизнь. Привычная жизнь, мысли ни о чем. Жизнь продолжалась, выделывая странные финты, но оставаясь все той же. И мы вернулись к табачной лавке, чтобы купить Гийому курево.

За спиной притормозила машина. Внутренности мгновенно сжались, к горлу подкатило, страх заполнил каждую клеточку тела.

Много лет я считала эту улицу своей — хватило недели, чтобы она превратилась во враждебную территорию: недоверие, страхи, икота и холодный пот при малейшем шорохе за спиной.

Черт, пронесло! Лора остановилась рядом, у бровки, опустила стекло. Жюльен наклонился к ней, улыбаясь (жизнь продолжается!):

— Что угодно мадемуазель?

— Я ищу Саида, случайно не знаете, где он может быть?

— Не видели, не щупали… Да нет, правда, я не знаю, а ты, Луиза?

Я тоже нагнулась к окну машины, увидела бледную невыразительную улыбку на несчастном лице Лоры (более чем уместное выражение, учитывая обстоятельства) и сказала:

— Посмотри у Матье, у него наверху народ. Поднимешься с нами?

— Нет-нет…

Я предложила:

— Если он там, сказать ему, чтоб позвонил тебе?

— Да, спасибо, передай, это очень важно.

Лора говорила еще тише, чем обычно, избегала моего взгляда, съежившись на сиденье. Я отнесла ее поведение на счет нашей последней встречи, когда она явилась в "Аркаду" в ночной рубашке искать Саида, и пообещала:

— Ты домой? Я сама тебе в любом случае позвоню.

Произнося эти слова, я точно знала, что забуду выполнить обещание. Но Лора-то об этом не догадывалась и принялась объяснять:

— Я сразу домой, и спасибо тебе большое. Я только что проезжала мимо бара — что там стряслось?

Объяснение выдал Жюльен:

— Конец эпохи, брось, не драматизируй!

Прозвучало не слишком убедительно, хотя он изо всех сил старался продемонстрировать беспечную небрежность.

Собака заворочалась на заднем сиденье, постанывая и кряхтя так, что затряслась вся машина, и Лора тронулась с места. Ее было едва видно из-за руля.

С того дня очертания улиц изменились, квартал словно пометили сгустками тьмы. Открытая крышка люка, противоестественно высокие дома, недостаток воздуха, слишком сильные,

несмотря на зиму, запахи, тошнотворные, едкие. Все стало угрожающим, грязным, влажным, аллеи в парках потемнели. Вокруг — тишина, жуткое противоестественное спокойствие, которое долго не продлится…

22.00

Весь вечер мы протусовались у Матье, в его квартире "мальчика — умелые руки" — повсюду этажерки и другая мебелюшка, придуманная и собранная воскресными вечерами. Много выпивки, рваный разговор, каждый тянет одеяло на себя…

Мужская часть общества возбужденно обсуждала ответный удар и меры защиты. В их разговоре участвовала Соня. Я чувствовала себя неприкаянной.

Села рядом с Гийомом, прижалась плечом к его плечу. В руке он держал кружку пива, но ни разу даже не отхлебнул из нее.

Потом он сказал:

— Слишком шумно, не могу больше…

Я кивнула, соглашаясь.

— Черт бы побрал эту жизнь! Как же все быстро происходит… Всего-то ничего, три песчинки — и готово дело, сейчас все взлетит на воздух.

Мы помолчали, отхлебывая из своих стаканов, глядя, как беснуются остальные.

— Будущие солдаты гражданской войнушки… Ты, надеюсь, не ввяжешься в драчку?

Гийом покачал головой, мрачно усмехнувшись:

— Ни за что. Я уеду с Матье. В Новую Зеландию. Он твердо решился и позвал меня. Двинем, как только документы будут готовы. Мне позарез необходимо оторваться, я и месяца не выдержу в этом проклятом квартале!

Я решила, что обязана поддержать его.

— Увидишь чертову прорву матчей по регби, потом расскажешь…

Пауза. Антракт. Внезапно опустившийся занавес тяжелой тоски. Я никогда не думала, что мы расстанемся. И промолчала об этом, потому что сказать было нечего.

Чувствовала, как соприкасаются наши плечи, и молчала.

Из всех событий, случившихся в эту зиму, — а я наверняка еще не огребла по полной программе! — этот удар оказался самым жестоким. Неосязаемая расцепка, неожиданный выход из боя.

Я встала, чтобы взять еще виски, и услышала, как Соня забивает гвозди:

— Не говори так о Королеве-Матери, подонок, она слишком долго тебя кормила… Не нужно ее ждать — необходимо дать отпор, зачем облег-

чать им жизнь? Сожжем все, что принадлежит этим гадам! Хватит трех бидонов горючки, чтобы уничтожить все их поганые заведения вместе с девками!

Я вдруг вспомнила, как Соня готовилась" сменить веру" несколько дней назад... Пустой треп, самозащита, но такая фанатичная! Она меньше нас всех готова была принять происходящее, смириться с тем, что предпринимать ответные шаги поздно.

Соне возразил Жюльен:

— Мы всегда делали, что прикажут сверху. Ну, грохнем мы сейчас пару-тройку их людей, отпора-то все равно не получится!..

Соня ударила кулаком по столу, надвинулась на него, пылая ненавистью и решимостью:

— Оставайся подстилкой для педработников, дурак, это твое дело! Но я им не спущу...

И она щелкнула ногтем большого пальца по верхним зубам.

За ее спиной толпились разгоряченные будущие снайперы.

Я налила себе виски до краев, чтобы не вскакивать с места каждые пять минут. Я слушала все, что говорилось вокруг, но это больше не казалось мне таким уж важным. Вернулась к Гийому, сно-

ва села рядом, чтобы чувствовать тепло его тела. Он тоже молчал, склонившись над нетронутым пивом.

Я медленно цедила виски.

Гийом встал.

— Я ухожу. Ты со мной?

Я кивнула.

Теперь, зная, что все кончено, я еще острее чувствовала нашу близость, неразрывную связь, единение. Я пожала всем руки, каждый что-то говорил мне, но я была слишком пьяна и оглоушена, почти ничего не слышала, не понимала, бормотала в ответ всякие глупости.

Жюльен сказал что-то забавное. Гийом рассмеялся. Я ждала, стоя у двери, и смотрела, как он хохочет, закидывая голову. Лицо его сияло.

На улице Гийом спросил:

— Ты не хочешь, чтобы я ехал?

И я ответила — "забудь" — как ни в чем не бывало.

— С чего ты взял?

Среда, 13 декабря

9.00

Я проснулась рано после ночи без снов. Провела языком по щелям в кариесных зубах. И стала ждать, когда встанет Гийом.

Его разбудили соседи, я слышала их из гостиной.

Девушка рыдала, срываясь на крик, а в перерывах между воплями причитала:

— Умоляю, не уходи, умоляю тебя…

Он не отвечал, ходил по квартире, хлопал дверцами шкафов. Она заводилась все сильнее, интонации менялись, но голос оставался таким же громким:

— Ну что мне сказать, чтобы ты понял?

— Ничего.

— Не хочу, чтобы ты уходил.

Ее эмоции просачивались сквозь стены.

Дверь комнаты Гийома открылась. Вот он входит в гостиную, улыбаясь до ушей, садится на пуфик.

— Думаешь, она сглупила и сама ему сказала или он их застукал?

— Вот уж не знаю…

— Он не в духе… Ладно, пойду сварю кофе…

Вставая, он вдруг добавил:

— Черт, как здорово, что я — не они!

Постучал по животу ребром ладони, покачал головой и поставил точку, стоя на пороге кухни:

— Когда просыпаешься вот так, понимаешь, какое счастье быть холостяком!

Девушка снова завопила:

— Ты не можешь меня оставить, не можешь уйти!

И следом — стон из горла:

— Умоляю тебя-а-а!

Последний звук она почти пропела, изнемогая от боли и горя, как заключительную ноту классической коды.

Я слушала эту сцену, застыв на стуле, горло перехватил спазм, я чувствовала себя окукленной, уничтоженной.

Гийом крикнул с кухни через стену:

— Да сунь ты ее головой под холодную воду, и делу конец.

В соседней квартире минуту стояла гробовая тишина.

Вернулся развеселившийся Гийом с двумя чашками кофе.

— Я на его стороне, мужская солидарность, так

сказать… Ты, конечно, в ее лагере?

Я почесала щеку, не зная, что сказать, Гийом увеличил громкость.

— Послушаем Боба, а то эти двое скоро нас утомят.

Он сел рядом, я наклонилась, чтобы взять свою чашку.

Ты не можешь меня оставить.

Кофе был слишком горячим, и Гийом схватил гитару, взял несколько басовых аккордов, глядя в стенку.

Умоляю тебя.

Каждое его движение я знала наизусть.

Скоро будешь просыпаться одна, останешься одна в этом месте, он заберет вещи, тебе будет не хватать мелочей.

Умоляю.

Музыка звучала очень громко, но мы все-таки услышали, как хлопнула дверь, и тут же пронзительно закричала соседка.

Гийом повесил гитару на место, вздохнул.

— Да уж, жизнь — не сахар…

И принялся перечислять, что нужно сделать, чтобы они с Матье могли как можно скорее смыться. Потом он начал рассказывать, что они будут там делать. Я слушала, разглядывая узоры

на шторах, время от времени задавала вопросы. В конце концов Гийом снова спросил:

— Уверена, что не дрейфишь оставаться одна?

— Я не маленькая, все как-нибудь устроится.

13.00

Я позвонила Мирей в бар — узнать, когда она заканчивает, и предупредить, что зайду за ней.

Хозяин ответил, что она больна и не работает сегодня.

Я позвонила домой, номер был занят, и я отправилась к ней пешком.

Ставни были закрыты, я постучала, и в этот момент почему-то подумала: "Чем это она вчера была занята, кого ждала?"

Жалюзи медленно поползли вверх, на полпути я нагнулась, чтобы проскользнуть внутрь, иначе никакого терпения не хватило бы.

Выпрямилась по ту сторону, уже в комнате. Это не Мирей. Я отшатнулась — смутный страх дал команду прежде, чем мозг переварил информацию.

Мой ужас заставил незнакомца улыбнуться.

— Бояться нечего — мы пока недостаточно хорошо знакомы, чтобы я на вас покусился.

Жалюзи опускались, а он насмешливо скалил зубы.

— Полагаю, ты — Луиза?

— Я пришла к Мирей, но могу…

— … можешь подождать ее, она сейчас вернется — вышла за покупками, очень рад, я — Виктор…

Тихий щелчок — жалюзи встали на место. Первая мысль при взгляде на него — "неплох", потом, как только он назвал имя, — "ага, все ясно…". Пожала ему руку (какая теплая ладонь!), произнесла:

— Мне много о вас рассказывали…

В ответ — гримаса радостного удовлетворения.

— Не слишком хорошее, надеюсь…

— Все намного сложнее. Мирей скоро вернется?

— Уже идет, садись, она будет рада тебя видеть. Вчера она говорила о тебе, пела дифирамбы. Я как раз варил кофе, хочешь чашку?

— Куда она пошла?

Я неуютно чувствовала себя в этом замкнутом пространстве с незнакомым парнем. К тому же здесь мало света. Меня поймали и принуждают, воздуха не хватает. Что за черт — никто никогда не бросался на меня с наскока, а я чего-то опасаюсь, сижу на самом краешке стула, вцепившись в сиденье руками, готовая в любой момент сорваться с места?! Умом понимаю, что ничего не случится, но успокоиться не могу, со мной всегда так. Я ждала Мирей с лихорадочным

нетерпением.

Я была благодарна Виктору за то, что он не приближается, даже чашку протянул издалека, потом сел в кресло и, не глядя на меня, болтал только о Мирей:

— Она сказала, что много чего тебе наговорила, надеюсь, ты позволишь мне изложить собственную версию…

— Мне и дела нет…

Мирей вернулась. Особой радости на ее лице я не заметила, но удивлена она была очень, это точно.

Виктор не отходил от нее: так себя ведут те, кто только что сошелся или, наоборот, расходится. Его пылкость была не слишком убедительной. Он взял газеты, которые купила для него Мирей, и оставил нас одних, объявив:

— Пойду приму ванну. Луиза, ты останешься обедать?

Я согласилась, потому что идти мне было некуда, а домой я возвращаться не хотела. Когда я уходила, соседка хныкала в одиночестве, ломала вещи, рыдала, стонала.

Мирей принесла шикарной жратвы и бутылку настоящего виски. Не разбирая пакетов, свернула себе сигарету.

Десять минут на косячок, мы снова вместе, и мне хорошо.

Виктор провел в ванной больше часа — видно, прочел все газеты от корки до корки. Мирей сияла. Да-а, что бы я там себе ни думала, бабы расцветают, когда мужики ими занимаются.

Мирей предупредила — очень тихо и очень серьезно:

— Никому не говори.

Она заставила меня несколько раз поклясться, что я буду держать язык за зубами.

— Ладно, я тебе доверяю. Описала тебя Виктору и велела открыть дверь, если меня не будет. Знаю, что могу на тебя положиться.

Четверг, 14 декабря

11.45

В то утро была отличная погода.

Накануне я не вылезала от Мирей. День полной расслабухи, как во время отпуска. Виктор оказался мастером разговорного жанра, он мог часами разливаться соловьем. Этот парень выглядел мягким и очень забавным, трудно было поверить в пересуды молвы касательно его репутации.

Он ходил кругами вокруг Мирей, хоть и не прикасался, был до ужаса внимателен. Часы пролетели, как минуты, и я вернулась к себе совсем поздно и пьяная, как сволочь.

Всю дорогу до дома я думала о предупреждении Королевы-Матери: она не хотела, чтобы я разговаривала с Виктором, настаивала, чтобы я сразу же донесла, если столкнусь с ним. Смешно, обычный парень, нечего его демонизировать.

Соседка дала знать, что проснулась. Воплем… Она явно была одна. Кидалась на стены, как будто пыталась проломить. Стонала и хрипела, словно ей по одному выдирали ногти, и все повторяла и повторяла: "Не хочу, не хочу, не хочу…" Как заунывная молитва, прерываемая стуком и гро-

хотом, — она бросала вещи на пол.

Зазвонил телефон. Виктор.

— Не хочу выходить средь бела дня… Наверно, Мирей тебе объяснила… Ну, говорила обо мне… Не хотел тебя грузить, но она не оставила мне сигарет, когда уходила утром… Я с ума схожу, не сделал еще ни одной затяжки. Может, забросишь мне пачку?

Его голос был хорош по телефону, он "включил" обертона.

— Что, до табачной лавки дойти не можешь?

— Я живу как крыса, вообще не выхожу. Это ненадолго, все уляжется, нужно просто подождать… Но тут еще одно… В этом квартале мне лучше не показываться на улице… А у тебя что, дела?

— Вообще-то да…

— Да ладно, просто подсунь пачку под дверь, а то я рехнусь без курева… Мирей раньше трех не вернется. Черт, чувствую себя гребаным калекой… Ужасно, что приходится тебя напрягать… Но мне больше некого попросить.

Вчера он мне вполне понравился — в том числе и потому, что не подходил ближе, чем на метр. И глаз не сводил с Мирей. Со мной был по-дружески сердечным, и никакого двойного дна.

Кроме того, что такое сидеть без сигарет, это я понимала, еще как!

Итак, я решила сделать исключение и отступить от главной заповеди своей жизни: "Никогда не оставайся наедине с мужиком в закрытой комнате!"

И я сказала:

— Ладно, так и быть, приду через пятнадцать минут. Заходить не буду, суну сигареты под дверь и отвалю, дел много.

12.30

Я постучала, и жалюзи мгновенно скользнули вверх. Я присела на корточки, подтолкнула к нему пачку:

— Заходить не буду, и так совсем выбилась из графика…

— Ты и вчера торопилась, входи, дай мне выразить тебе благодарность.

Виктор сидел на корточках по другую сторону порога, говорил вкрадчиво, был так убедителен…

— Давай, мне остохренело сидеть тут одному, в этой пещере!

Мы поднялись одновременно.

— Что, я такой страшный?

— Вовсе нет, но я думала, ты не хочешь светиться в окрестностях средь бела ДНЯ?

— Вот именно! Так что я рискую своей шкурой… Ну что, всего на пять минут…

Он был очень убедителен, и я вошла, потому что не знала, как отказаться.

Страх вернулся на одно маленькое мгновение, когда за моей спиной щелкнула задвижка.

Никто никогда на тебя не нападал, ему просто

надоело сидеть одному взаперти, и вчерашний день так здорово прошел, он не понимает, почему вы не можете просто спокойно поговорить и выкурить по косячку, ну-ка, глотни воздуху, расслабься, доверься, все будет путем… Люди не думают об ЭТОМ без продыху, ты — да…

Я без устали промывала себе мозги, чтобы ослабить удавку страха.

Прошла за Виктором в глубь квартиры, к кухне, не очень-то и слушая, что он говорит, потому что все было плохо — слишком далеко до двери, да и жалюзи опущены. Мне приходилось делать над собой чудовищное усилие, потому что я чувствовала благодарность к этому человеку — за то, что помог развеяться, за то, что говорил не о гребаных дерьмовых проблемах этой гребаной жизни в эту гребаную зиму, когда мне так не хватало легкости и веселья.

Я подошла слишком близко всего раз.

Он стоял у шкафа, спиной ко мне, и я обошла его сзади, чтобы сесть за кухонный стол, он обернулся, шагнул ко мне, я инстинктивно отпрянула.

Виктор схватил меня за плечи, толкнул на стол, зажал рот ладонью, другой приставил к горлу нож (он только что достал его из ящика), прямо к кадыку, и мне показалось, что кожа расходится

под лезвием, а он раздвинул мне ноги ногами, я попыталась укусить его за руку, но ничего не вышло, ладонь оказалась совсем гладкой и была слишком плотно прижата к моим губам, чтобы я не кричала, так что он легко удерживал меня, а мои ноги болтались в воздухе, и он склонился надо мной, улыбаясь, и спросил:

— Ну, и что ты теперь скажешь?

Я почувствовала, как что-то во мне сломалось, пронзительный страх забрался в позвоночник, пополз по спине, я оттолкнула Виктора из последних сил, потому что не могла выносить прикосновения, и мне было плевать, порежет он меня ножом или сдерет заживо кожу… Единственное, что я сейчас знала — он СЛИШКОМ близко, и если не уберется сию же секунду, я задохнусь и сдохну, так что мне удалось вырваться.

Он снова поймал меня, потому что я впервые встретила мужика, способного так ударить женщину, и у меня не было преимущества неожиданности: он ударил меня в скулу, я почувствовала, как хрустнули кости, и тут же последовал хук в живот. Он бил с бешенством и прицельной точностью. Согнувшись пополам, я упала навзничь.

Он снова оказался на мне: убрал нож и схватил за волосы, все так же спокойно улыбаясь и на сто

процентов уверенный в собственном превосходстве. Я открыла рот, чтобы закричать, и он снова ударил, припечатав меня к полу.

— Не стоит шуметь… Скажи мне, чего ты боишься… Тихонько… Что тебя так пугает?

Я снова попыталась его укусить, но, как бы я ни дергалась, какую бы силу ни прикладывала, мне едва удавалось его задеть, ничего не выходило, он все время брал верх. И чем сильнее я отбивалась, тем тяжелее он давил на меня, тем шире улыбался.

— Ты шикарно дерешься… Чувствуешь, как я завожусь, оттого что ты не хочешь и пытаешься смыться, чувствуешь?

И я действительно чувствовала, что портки у него вот-вот лопнут, как будто здоровенный камень "чертов палец" засунут в ширинку.

Еще одна такая же яростная и столь же безнадежная попытка отбиться, и вот уже его рука расстегивает пуговицу на моих джинсах. Я ерзала на полу, пытаясь вывернуться, отползти назад, как жаба, а он давил все тяжелее, и я не могла поверить, что ему удастся содрать с меня штаны, спустить их до щиколоток, добраться до трусов, сорвать и их одним движением, а потом раздвинуть наконец ноги.

Я отбивалась, нанося ему удары, извивалась под ним, надеясь выскользнуть.

Он помог себе рукой, резким толчком, попал наконец туда, куда так стремился, а я даже не закричала, потому что знала, что умру от этого.

Еще один толчок, такой же резкий, как первый… Он как будто искал что-то внутри меня.

Я разглядывала ножки стола и стульев, смятую фольгу от "Тоблерона" на полу.

Ты это знала, когда шла сюда, знала, что не надо приходить; так какого же хрена ты пришла?

Я вдруг поняла, как долго мы боролись, пока он не вломился в меня: я задыхалась, как бегун-марафонец, руки-ноги болели, потому что я сопротивлялась, отталкивала его.

Сопротивлялась? Отталкивала? Где он сейчас? Отвалился наконец?

Равномерные, как ход поршня, движения… Болит скула… Все нутро разворочено… С каждым вдохом я глотала его дыхание.

А между ног ты его чувствуешь? А в себе? Наждачная бумага раздирает внутренности. Не нужно было приходить, и ты это знала.

Он пробивал себе дорогу, прогрызал дыру, отклонялся, терся об меня, хотел разорвать, проталкивался до дна…

Боль вовсе не была ужасной, так, разве что неприятной, но я чувствовала, как он ломает что-то внутри меня, потому что там было мало места, а он двигался и, значит, калечил какие-то органы, наверняка жизненно важные. Я перестала сопротивляться, ощущая, что писаю кровью, эта штука внутри жгла меня, размалывала, пробивала насквозь.

Виктор слегка приподнялся, глядя прямо мне в лицо, но я смотрела в сторону.

Он дошел-таки до точки, угнездился там, замер и спросил:

— Тебе страшно?

— Положила я на тебя, надеюсь, ты скоро закончишь?

— Ты чертовски узкая, не скажу, что это неприятно, просто я впервые такое пробую… Думаешь, что я потом с тобой сделаю?

— Честно говоря, мне насрать, я просто жду, когда ты отвалишь.

— Я хочу, чтобы тебе понравилось.

Он улыбнулся, совершенно уверенный, что, если сумел взять меня силой, сможет и приохотить силой к траханью.

Я снова попыталась освободиться, но он поймал меня за ляжки и пригвоздил к полу.

— Прекрати, или я тебя искалечу!

Теперь это не имело значения.

Ты годами делала из этого проблему. В конечном итоге в этом нет ничего ужасного, он уже внутри… Ты что, вправду думала, что он проткнет тебе мозг?

Я смотрела в сторону, на грязный ковер, усеянный крупинками табака и крошками. Смешно — когда стоишь, это незаметно.

Из тебя сейчас вытекает вся твоя кровь, чувствуешь, какая боль там, внизу? Не стоило приходить сюда, теперь не жалуйся. А это не так уж и больно…

Виктор прижался губами к моему рту, начал шарить языком, я укусила его изо всех сил, почувствовала вкус крови, он ударил меня кулаком в висок, вырвался, снова ударил, а у меня уже не было сил, и я видела, что он опять улыбается.

14.00

Я так и лежала, не двигаясь, до самого конца. Когда он встал, перекатилась на бок, посмотрела на пол, думая обнаружить кровь — внутренности-то наверняка изодраны в клочья. Странно, на ковре не оказалось ни пятнышка. Но я же точно чувствовала, как растягиваются и рвутся органы, без которых не выжить, как растекается подо мной лужа крови. Я села, чтобы проверить, и что-то теплое потекло по ногам, но на пальцах оказалась всего лишь сперма, его белая вязкая слизь, слегка розоватая — так, намек на цвет, почти ничего.

Я сидела на диванчике, поджав под себя ноги, и мне казалось, он все еще внутри. Его обжигающая отметина внутри меня, вездесущая и такая болезненная. Мне показалось, я буду носить ее всегда, как вечное позорное клеймо.

Виктор держался на расстоянии, спокойный, довольный и очень мирно настроенный, я это чувствовала. Присев на корточки перед музыкальным центром, начал рыться в кассетах, перебрал все и в конце концов спросил:

— Что хочешь послушать?

Для него явно ничего не переменилось. Разве что взгляд. Так на меня никогда не смотрели. Как будто он извергся внутрь меня, чтобы пометить территорию. Хотела я того или нет, но в моем животе отныне поселилась крепкая и вполне реальная связь между нами.

Во мне поднимались гнев и смятение. Сильный гнев и безмерное смятение. Я молчала.

Тебе нечего сказать, потому что ты точно знала, что такое может случиться, когда шла сюда. Нет повода для жалоб. Слишком поздно.

Он наконец нашел нужную кассету, вставил ее в магнитофон. Увеличил громкость и вдруг вспомнил:

— Вообще-то я приглашал тебя на косячок…

Он подошел, дотронулся до моей щеки и сказал:

— Завтра она почернеет… Злишься? С тобой иначе было нельзя. Я тебя хотел и знал, что ты тоже хочешь, а еще я точно знал, как к тебе подступиться…

Жизнерадостный тон, нежная и веселая самоуверенность. Я почувствовала себя дура дурой, потому что сидела, как молчаливая колода, на диванчике. Я встряхнулась.

— Я ухожу и тебе советую сделать то же самое

— пока Мирей не вернулась…

Откуда у тебя этот голос обделавшейся соплячки? Завязывай, все было совсем не так ужасно, ты просто слишком много думаешь, а крови-то не было, ни одной капельки. Давай поднимайся и сваливай.

Я встала, чтобы одеться, а он сел. Ноги раздвинуты, руки сложены на груди, взгляд — удивленный.

— Значит, ты такая? Я тут в лепешку расшибаюсь, чтобы тебя расшевелить, а ты на пять минут не хочешь задержаться?

Я в этот момент как раз застегивала последнюю пуговицу на джинсах. Рука замерла, я подняла голову:

— Знаешь что, мудак ты разнесчастный, мне не смешно… Тебе лучше сделать ноги, пока Мирей не пришла.

— Почему ты так хочешь, чтобы я свалил?

— Думаешь, тебе удастся ей впарить, будто все, что случилось, нормально и куда как мило?

— Ну да, тут важна сноровка. Вообще-то я не собираюсь ничего ей рассказывать.

— А я? Думаешь, буду молчать?

Он поднял голову, оторвавшись от травки, которую рубил, состроил удивленную рожу:

— Кое-чего я в тебе не понимаю: ты не дура психованная, я их узнаю с полпинка. Так что ты выдрючиваешься? Хочешь сказать своей подруге: "Мирей, этот парень, о котором ты мне так много рассказывала, знаешь, он ко мне клеится, завалил прямо на столе, просил вернуться завтра, мне так тебя жалко..."?

Ему было очень смешно.

Не дав мне времени ответить, он спросил:

— Есть сигаретка? Сядь, расслабься, отдохни, возьми травки...

Я колебалась, но он уже протянул мне бумагу для косячка.

— Скрутишь сама?

И я села, склеила листок, разорвала билетик, чтобы сделать фильтр. Конечно, он прав: я не посмею ничего рассказать Мирей. Я представляла себе сцену, которая могла бы разыграться между нами, а вслух произнесла:

— Нет, я ей не скажу. Нет никакого резона. Предпочту, чтобы ты убрался отсюда, правда, чтобы никогда больше не видеть твою рожу. Ты и представить себе не можешь, как я на тебя зла!

Он скрутил сигарету, отложил ее в сторону, молча подошел ко мне.

— Значит, ты меня ненавидишь?

Я отодвинулась, точно зная, что это пустой номер: внутри ничего не ёкало, не обрывалось, как раньше.

Он снова схватил меня, притянул к себе и улыбнулся, улыбнулся точно так, как делал это, когда был внутри меня.

— И долго ты будешь выдрючиваться? Я останусь у Мирей, потому что так будет удобнее. А с тобой мы увидимся завтра. Потому что ты умираешь от желания, чтобы я тобой занялся.

— Ты что, на самом деле веришь, что я снова сюда приду?

Я никогда ни с кем не разговаривала, стоя так близко. Нечто внутри меня сломалось, то нечто, которое так ужасно ЭТОГО не хотело. Оно было твердым, как скала, а теперь сломалось навсегда. Он вырвал его из меня и уничтожил.

Я заметила, как он взглянул на часы, проверяя, сколько осталось времени.

И я позволила ему снять с меня джинсы и свитер, как это делают с детьми.

Мы снова начали, он смотрел прямо на меня, и в его взгляде не было ничего доброго. Я пыталась понять, что чувствую и о чем думаю, и понимала: меня нет. Было все еще больно, но он двигался очень нежно, и я знала: да, мне больно, но скоро

это пройдет. Меня как будто гладили изнутри, и я никогда никому не смотрела глаза в глаза, и меня тошнило от его губ… А может, я только воображала себе эту дурноту… И все-таки я не сопротивлялась, лежала тюфяком, позволяя ему действовать, я ждала, искала себя и не находила, я прижималась к нему, обессиленная, ничего не понимающая, потерянная.

Внезапно он понесся вперед на полной скорости и наконец взорвался.

15.00

Всю вторую половину дня я бесцельно кружила по кварталу, ощущая внутри обжигающую пустоту. Я не стала принимать душ перед уходом — подтерлась кое-как в сортире и думала, что избавилась от его метки в своем теле, но по ногам текло и текло. Столько раз я видела, как клиенты кончают, но и вообразить не могла подобного "удоя"!

На улицах я встречала знакомых, здоровалась, стараясь, чтобы все было как всегда, и точно зная, что все совсем не так, как всегда. Но они-то этого не знали…

Я ненавидела себя, в голове всплывали чудовищные картины: вот кто-то разбивает мне голову об стену, или разносит череп на мелкие кусочки выстрелом из ружья, или ударами камня превращает в кровавое месиво мясо и кости. И все эти ужасы я заслужила.

Так прошли часы, потом на площади Сатонэ я встретила Гийома.

— Черт, что случилось?! — крикнул он, подходя.

На секунду мне показалось, что брат по лицу

все поймет, но он продолжал расспрашивать:

— Ты подралась? Говори, что произошло?

Только тут я поняла, что по щеке уже расплывается кровоподтек, и соврала, как плюнула:

— Обругала одного козла, предложила ему трахнуть мамашу, раз водит как мудак, а он выскочил и дал мне оплеуху. Я так и осталась торчать на тротуаре, как хуй в чистом поле, молясь, чтобы он поскорее отвалил. Такой верзила, я его сначала не разглядела…

Главное — не разболтать правду, Гийом все равно ничего не поймет, а если бы и понял, что с того?

Он прокомментировал:

— Здорово он тебя обработал, сволочь… Ты его знаешь? Встречала раньше? Где он живет?

— Нет, машина с марсельским номером, раньше я его у нас не видела.

— Гребаный марселец…

История, которую я втюхала Гийому, стала официальной версией и для других любопытных. Что-то вроде: "Не будем делать из этого проблему!"

Рассказывая свой "ужастик" Мирей, я думала только о том, как он развлечет Виктора.

Гийом спросил:

— Слушай, с тобой правда все в порядке, видок у тебя не очень?..

— Ничего, перетопчется… Буду теперь смотреть на рожу водителя, прежде чем открывать пасть.

— Пойдем, я хочу с тобой выпить.

Мы вошли в кафе на первом этаже Ратуши. Здесь пахло хлоркой, как в школьном буфете.

Я сидела рядом с братом и чувствовала, как запах спермы, поднимающийся из глубин моего нутра, заглушает все вокруг. Запах заразы…

Я все ждала, что Гийом заметит, почувствует и что-нибудь скажет, но его волновали другие вещи.

— Я только что из мэрии, не представляешь, какие они там все идиоты и сволочи…

Он начал рассказывать, как провел день.

— Встретил сейчас Кэти… Они с Робертой работают хостессами в баре мадам Ченг… Я поверить не мог, ну ладно, они вроде неплохо устроились, теперь под защитой. Кэти сказала, кое-кто видел пленку с убийством парижанок. Думаешь, такое может быть?

Я пожала плечами:

— Конечно нет… Лично я согласна с Соней: это мадам Ченг "заказала музыку", чтобы протырить-ся на нашу территорию. Ладно, что тебе сказали,

когда будут готовы бумаги?

— Они поклялись, что выдадут документы на той неделе… Но я не поверю, пока не пощупаю их своими руками…

— В конце концов ты их получишь, сядешь в самолет и — аля-улю, прости-прощай, Лион!

Мимо кафе прошла Лора, впереди бежал Масео, которого она без конца понукала: "К ноге! К ноге…" Гийом заметил:

— Нужно быть совсем чокнутым, чтобы завести такую собаку… Видела, какой он огромный?

Я почувствовала облегчение оттого, что она не остановилась. Мне хотелось спокойно посидеть вдвоем с Гийомом, успокоиться, утешиться.

Не бросай меня, ну как ты не поймешь, что нельзя этого делать?

Пятница, 15 декабря

10.00

Проснувшись утром, я решила все рассказать Мирей.

Случившееся накануне казалось совершенно невероятным — я почти готова была поклясться, что мне это приснилось.

Вот только жжение и боль в промежности были совершенно реальными.

Гийом дома не ночевал.

Соседи снова были вместе и снова лаялись. Она кричала:

— Не стоило тебе возвращаться, чтобы *так* со мной говорить!

— А как *еще* я могу с тобой говорить? Может, скажешь, ничего не произошло? Ничего не изменилось?

— Да пошел ты на хрен! Я тебе не дешевка, не шлюха! Убирайся…

Дверь за ним еще не захлопнулась, а она уже бежала следом, чтобы продолжить сцену на лестнице, умоляя вернуться. И он поворачивал назад.

За кофе мне показалось, что я стала бесчув-

ственной, в голове прояснилось, я решилась. Боб пел о том, что ему снова плохо, да и, наверное, не ему одному.

Где-то на заднем плане рыдала соседка:

— Ты что, не в состоянии простить?

Мне больше не было страшно. Я просто буду ждать, когда кончится наконец эта мерзкая, гнилая зима и в один прекрасный день все останется позади.

И я расскажу Мирей, как все было на самом деле, потому что ничего не боюсь.

11.05

Я позвонила в бар Мирей. Я не собиралась ничего ей рассказывать по телефону, так, звякнула, чтобы спросить, как дела и что она собирается делать вечером.

Черт, как она рада меня слышать… Да, все прекрасно, правда, немножко устала, потому что недоспала… Ой, как здорово было бы увидеться, жаль, что придется весь день пахать — предложили подработать на стороне за хорошие бабки, так что это до ночи… Отложим до воскресенья, да нет, раньше понедельника ничего не выйдет.

Воистину — благими намерениями…

11.20

Жалюзи скользнули вверх мягко и беззвучно, как обычно, но горло у меня сжалось, сердце и легкие готовы были выскочить наружу.

Увидев его на пороге, я произнесла, как во сне:

— Я притащила гору сигарет.

Мне удавалось сохранять почти идеальное спокойствие, вот только руки, сцепленные в замок за спиной, дрожали. В голове кто-то оглушительно вопил: "Вали отсюда немедленно!" — но я не отступила.

За долю секунды до того, как я шагнула вперед, он посмотрел мне прямо в глаза, и та *штука* между ногами ожила и заявила о своих правах: *она хотела еще!*

Я спрашивала себя: "Неужели *она* ведет себя *так* со всеми?" Судя по всему, да, вот только со мной это случилось впервые!

Слушая, как закрываются жалюзи, я точно знала — возвращаться мне не следовало.

Щелчок. Занавес…

12.00

— Ты такая непростая… Не думал, что мы еще увидимся.

Это были первые произнесенные им слова после того, как мы снова занялись *этим*, лежа на полу, у самого порога. Он давил на меня всем своим весом, но я не испытывала ни малейшего желания шевелиться.

Он разглядывал меня внимательно, как врач, столкнувшийся с трудным случаем. *Да, тут надо действовать терпеливо и умело… Чего же я в ней не понимаю?..*

А я устроила себе внутреннюю разборку: "Ну и что, плохо тебе было? Хорошо? Тошнит тебя от его языка? Ну, а как тебе его запах?" По большому счету, мне было скучно. Я словно закаменела, устала, самоустранилась. Со мной ничего не случилось — я не чувствовала ни досады, ни раздражения, ни тревоги.

Он прикасался к моим волосам, убирал их с лица — ловил взгляд, сканировал. Он демонстрировал близость — и это выглядело неуместно, хотел выставить себя моим защитником — и это было смешно, проявлял нежность — и она

казалась натужной.

Он оторвался от меня, встал. По моим ногам потекла теплая жидкость. Я ощутила мгновенную пусто ту, мое лоно требовало: "Вернись! Немедленно!" Меня предали собственные чувства.

Я тоже встала, не зная, что сказать. Он разлил виски — не поскупившись, протянул мне стакан.

— Без содовой?

Он выпил залпом, я тоже, он снова налил, взял свой стакан, сел за кухонный стол. Мне показалось, я уловила связь между его улыбкой и тем, как он меня целует, между его манерой сидеть и стоять и тем, как он двигается во мне, вцепившись мертвой хваткой. Я начинала хотеть его, я почти поняла, что такое желание. Иррациональное. Смутное. Неуловимое. Я снова и снова вспоминала, как он яростно ускоряется в самом конце, как взрывается... В этом подспудном желании было что-то еще — самое важное, и это *что-то* до сих пор ускользало от меня, не давалось в руки.

Он спросил:

— Могу я задать пару-тройку вопросов о тебе и о сексе?

— Нет.

Я вдруг расслабилась, мне стало с ним легко и

просто — никогда в жизни так себя не чувствовала. Он принялся болтать обо всем и ни о чем — ну просто мастер разговорного жанра! — но меня интересовали другие его способности.

Я допила вторую порцию, и он тут же снова наполнил мой стакан до краев щедрой рукой, сочтя нужным пояснить:

— Хочу, чтобы ты напилась, — может, размякнешь?

— А что скажешь Мирей, когда она вернется и увидит, что я валяюсь, вусмерть пьяная, у нее в гостиной?

— Там поглядим… Ты хоть на секунду забываешь о Мирей, когда мы вместе?

Он умел говорить некоторые вещи так, что слова звучали легко, почти забавно.

Я наблюдала за ним, чувствуя, как это на меня действует, удивлялась себе и снова вглядывалась, смотрела. Желание росло. Стерегло любой предлог, чтобы расправить крылья и взлететь — его голос, его глаза, его руки, разворот плеч, манера наклоняться вперед, затягиваться косячком, обжигая губу и раздраженно отдергивая руку, то, как он поднимает на меня глаза, как молчит, как потирает рукой затылок…

Любое его движение отзывалось у меня внизу

живота, и мне это нравилось, и я хотела его, снова и снова.

Мы занялись любовью, и теперь я сама искала его язык — в нем больше не было ничего мерзко-липкого, и я уже не думала ни о чем постороннем. Я улетала, переходила в подпространство, одновременно чувствуя себя как никогда цельной. Я была поражена, ошарашена тем, что *нечто* способно доставить мне такое наслаждение.

16.00

Гийом был дома, когда я вернулась.

Внутренний голос, умолявший его остаться, рыдающий о том, что я не выживу без него ни дня, замолчал.

У соседей — та же бесконечная пьеса. Она кричала:

— Да как ты мог так со мной поступить?

Его невозмутимый ответ:

— Как аукнется…

Ее слезы:

— Я ждала всю ночь, не хочу, чтобы ты делал мне больно.

Ответная реплика — мстительно-колкая:

— Я и не собирался, всего лишь хотел с ней переспать.

А во мне ничто не колыхнулось — спазм не перехватил горло от жалости, слезы не подступили к глазам.

Все, что отстояло от Виктора хотя бы на пять сантиметров, казалось размытым, невинным, бесплотным. Как же ничтожен весь остальной мир!

Среда, 20 декабря

13.00

— Но тебе хоть иногда хотелось?

— Ни разу. Ты же не пытаешься взлететь, не подпрыгиваешь, не колотишь руками по воздуху, так и я: думала, мне это недоступно, вот и не пыталась.

— Значит, спроси я разрешения, убалтывай тебя хоть вечность, ничего бы не вышло?

— Скорей всего.

Я почти не слушала — просто смотрела, как двигаются его губы. Мой живот хранил воспоминания о его пальцах, его глаза и улыбка говорили: "Я тебя съем!", он бросал вызов всем и каждому.

Философствующий зверь стоял посреди гостиной с банкой пива в руке, допрашивал меня, почесывая живот, кружил перед диванчиком, на котором я сидела, пытаясь что-то понять.

Он явно получал удовольствие от разговора, что и демонстрировал — более чем наглядно. Этот мужик был прирожденным трахальщиком и вел себя как последний самец планеты Земля.

Дрожа от вожделения, я сползла с диванчика на пол, встала на колени, чтобы обслужить Виктора, а он запрокинул голову и сказал, скалясь

в улыбке:

— Как же она корячилась, Королева-Мать, пытаясь тебя разгадать! У старухи не было ни одного шанса забить шар в лузу.

Горловой смех, мужской смех, руки на бедрах… Я могла лизать и сосать его часами и каждый раз, как в первый, потрясалась, что способна доставить ему такое удовольствие.

Я сделала великое открытие — мое чрево переживает миллион разных ощущений, когда он во мне, я создана для того, чтобы лепетать бессвязно непристойности в горячечном бреду, выгибаться и взрываться.

Во всем этом не было ничего эротичного или эфемерного — ни легких прикосновений, ни дразнящего ожидания, только тяжесть навалившегося мужского тела, и проникновение до горла, и яйца, бьющие по промежности, и струя спермы в лицо, и сжатые сиськи, чтобы ему было удобнее кончать, и удары об стену. Бешеная скачка, и пробуждение чувств, и обморок — но только не нежность.

Все, что мы делали, походило на языческий ритуал: варварский пыл, сырое мясо, стремительность и освободительный взрыв в конце, мистический, ставящий финальную точку. Он

добирался до моей сущности, вытягивал ее из меня. То, что было во мне главным, становилось его безраздельной собственностью.

В этот день, когда мы лежали обнявшись на полу, он вдруг захотел рассказать мне кое-что. Как всегда, я терпеливо слушала, хоть и не была любительницей трепа.

— Знаешь, почему я вернулся к Мирей?

— Потому что спустил все деньги, которые украл у Королевы-Матери, и тебе нечем стало платить за номер в гостинице.

— Ты действительно думаешь, что все так просто?

— Я не права? Есть другая причина?

— Я вернулся из-за тебя.

— Вот это поворот!

— Другого способа не было. Ты живешь с братом, и я не мог заявиться прямо к тебе.

— Кто тебе сказал про нас с Мирей?

— Матье.

— А его ты откуда знаешь?

— Случайно. Он так о тебе говорил в тот день… Я решил, что должен тебя увидеть… Интуиция… Увидел и понял, что придется тебя взломать… Главное правило в жизни — всегда следовать инстинкту.

Какая-то часть правды в его словах была — он точно вычислил, что миндальничать со мной не следует. Все остальное было наглым враньем.

Я молчала. Он почесал ухо, хмыкнул, сморщился, как человек, плюхнувшийся в холодную воду:

— Иногда я слишком тороплюсь.

Он не стал ждать ответа — просто взял мою руку и положил на свой восставший член. Знаменитый инстинкт Виктора подсказал ему нужное решение.

Каждый раз это было как землетрясение. Запрокинув голову, я подавала ему себя на блюдечке, выгибалась, ласкала заветные дырочки и щелочки, стонала, срывая голос. Я видела, как он заводится, и сама заводилась еще сильнее, и мне все было мало.

Я начинала понимать, почему Виктор вернулся к Мирей, но мне было все равно. Я его не судила. Мне было больно, но эта боль только подогревала мой пыл.

Несколько коротких, пустых, ничего не значащих фраз вертятся в голове, никуда не уходят, возвращаются.

Прижмись ко мне животом, убеди, что я не должна держать на тебя зла, скажи, чтобы я не отдалялась ни на секунду, что бы ни случилось,

покажи, что лишаешь меня права выбора, взломай меня, утешь меня, заставь меня.

— Ты долго работала на Организацию?

Или:

— Что, никто не знает, куда провалилась Королева-Мать?

А вот еще:

— Она часто говорила о тебе, знаешь, она тебя любила…

— Думаешь, она тебе позвонит, прежде чем убраться из города?

— Ты ее околдовала, она тебя считала бриллиантом в коллекции, убивалась, что ты губишь свою жизнь, прозябая в "Эндо".

Виктор точно знал, вернее, чувствовал, как зверь, что я не хочу отвечать, и не давил. Ему было важно убедиться, что я ничего от него не скрываю и действительно не знаю, где она. Успокоившись, он возвращался к тому, что интересовало меня больше всего.

Саид не ошибся: приехав в Лион, Виктор обосновался у Королевы-Матери. Ему не понадобилось ни прижимать ее к полу, ни заламывать руки, ни бить. Ее он завоевал языком, то есть трепом. Потом что-то пошло не так — Виктор не рассказывал, что именно, и я не задавала вопросов, потому

что не рвалась узнать всю историю целиком. Ни я, ни Мирей не знали, почему он прячется.

И почему ему так надо ее найти, я тоже не знала.

Я была для Виктора ключом. Пока он жил с Королевой-Матерью, она часто говорила обо мне — как о своей взрослой дочери. Вот он и произвел простенький расчет: в конце концов она выйдет со мной на связь. А я скажу ему, где ее найти.

Больше всего я боялась разочаровать Виктора. Я не была так уж уверена, что Королева-Мать действительно свяжется со мной, толком не понимала, почему она говорила с ним обо мне, зачем ей прощаться?

Когда корабль идет ко дну, капитан редко встречается с командой.

Каждый прошедший впустую день увеличивал нетерпение Виктора.

И я не обольщалась, слыша, как он мурлычет, обвиваясь вокруг меня: "Даже если я останусь ни с чем, хочу, чтобы ты уехала со мной!"

Я цеплялась за него из последних сил. Отъезд был неизбежен. Оставалось одно: замереть, надеясь, что все утрясется.

Я встала и оделась — сложившийся ритуал, — скоро должна была вернуться Мирей.

Я трахалась с ее любовником в ее постели, но это не мешало мне очень нежно к ней относиться.

Существовали две параллельные, не проникающие друг в друга реальности, два разных времени.

Я ни разу не почувствовала угрызений совести, проблемы выбора для меня не было.

Я просто не могла не делать *этого.*

17.00

Я шла вверх по бульвару Красного Креста, делая вид, что точно знаю, куда и зачем иду, хотя меня несло вперед безо всякой цели.

Рядом, у бровки тротуара, притормозило такси, из окна высунулась Соня, замахала рукой, торопя меня подойти. Как только я оказалась рядом, она открыла дверцу, подвинулась на сиденье, давая мне место. Делать было все равно нечего, и я села не раздумывая.

— Вот ведь фигня собачья — я все мозги свернула, кручусь-верчусь, не знаю, где тебя отловить, а ты вот она, пилишь по тротуару.

— Никакая это не фигня, просто квартал совсем маленький… Ты-то как? Искала меня? Зачем?

— Знаешь про Чекинг?

— Сожгли напалмом?

— Заявились днем… Перевернули все вверх дном в кабинете Королевы-Матери… Все переломали. Больше ничего не тронули — собираются сами управлять заведением. Зато наверху устроили тот еще шмон — явно что-то искали.

— Что?

— Никто не в курсе.

Из вежливости я изобразила задумчивость, сокрушенно покачала головой, глядя в окно. На самом деле плевать я на все хотела. Насрать мне было на это. Все происходило слишком быстро и непонятно. Но меня впрямую уже не касалось. Все кончено, будь я проклята, и никаких угрызений совести, я жаждала новой жизни, жаркого тепла. У него был огненный сок…

Таких, как Соня, занимало одно — агония Организации, они хотели быть в курсе всего, знать, кто до сих пор сопротивляется…

Я спросила (а куда денешься?):

— Королева-Мать все еще недосягаема?

Я так и так задала бы этот вопрос, но в данный момент блюла интересы Виктора.

— Она хочет тебя видеть.

Соня выразительно нахмурила брови, кивнув в сторону водителя, — не дай бог, я произнесу вслух ее имя. Шоферы такси, они такие, никогда не знаешь, на кого нарвешься!

Я снова подивилась про себя звериной интуиции Виктора.

— Куда это мы направляемся?

— Не забивай себе голову… Где ты прячешься? Мы тебя потеряли… Даже Гийом не в курсе… Работаешь одна, с какой-нибудь девкой?

— Ты о Мирей? Да нет, мы не часто видимся… Честно говоря, мне так все обрыдло, что я сижу, как крот, в своей норе… Уж больно противно…

Когда годами встречаешься каждый день с одними и теми же людьми, а потом исчезаешь, естественно, что они начинают задавать вопросы…

Когда мы остановились на красный свет, какой-то хмырь на тротуаре, оравший на свою собаку, изо всех сил стеганул ее поводком. Соня чуть не раздавила меня, рванувшись к окну, и с ходу понесла его:

— Эй, хренов выблядок, оставь пса в покое! Поработай лучше над своим отростком! Гляди, какой он крошечный! Чтоб тебя, сволочь!

Машина тронулась с места, Соня отодвинулась, кипя от ненависти.

— С ума схожу, когда мужики бьют собак… Кретины недоделанные…

Такси спускалось вниз с холмов. Королева-Мать наверняка все узнала, почуяла, разглядела на кофейной гуще… или прочтет по моему лицу, что мы видимся каждый день и он надеется ее найти с моей помощью.

Соня сменила тему, перейдя от ублюдков, издевающихся над собаками, к грязным шлюхам,

истязающим своих детей.

— Эти дешевки гуляют с малышами в парке и то и дело орут на них, дергают, требуют, чтобы те хорошо себя вели и слушались, не то… Ничтожества!

Барабанная дробь тревоги внутри, напряжение, паника…

Вот только отказаться ехать я не могла.

Машина притормозила у "Макдоналдса", мы вылезли, дошли пешком до улицы, где находился бассейн.

Соня объясняла:

— Я позвонила тебе утром, попала на Гийома, но он сказал, ты теперь редко бываешь дома днем… Ты что, совсем охренела: твой брат последний день во Франции, а ты его бросаешь?

— Увидимся вечером. Не учи меня жить!

— Дело твое, конечно… Я просто сказала… Но это странно как-никак… Нашла кого-то?

— Десять минут назад я тебе объяснила: сижу одна, всех ненавижу, столько всего случилось, что смеяться нет охоты… Усекла? Или через пять минут снова полезешь в душу?

— Да брось ты заводиться, я только предположила…

— У нас встреча с Королевой-Матерью или мы

так, пройтись приехали?

— Встреча, встреча, не кипятись. Она будет довольна, что я тебя все-таки нашла…

— А почему она сама мне не позвонила?

— Опасается, сторожится… Гийома-то она любит, дело не в нем… Просто не хочет рисковать…

— Да почему она так трясется? Теперь, когда они отобрали у нее весь бизнес…

— Бизнес — да, но им нужно кое-что еще.

— Еще далеко?

— Почти пришли.

— Зачем я ей?

— Потому что она тебя любит.

Соня посмотрела на меня, как на счастливицу, и добавила с полной убежденностью:

— Ты знаешь, как она тебя любит!

— А почему ты с ней в контакте?

— Королева-Мать все знает! Даже из тени она за нами наблюдает. В тот день, когда я ей понадобилась, она позвонила прямо в номер — нашла меня "на раз"…

О да, а мне остается только молиться, чтобы она и вправду меня любила…

17.45

Мы вошли в неприметный дом из серого камня, стоявший посреди заросшего травой сада. Вроде не пустует, но и сказать, что в нем кто-то живет, не скажешь.

Соня постучала, открылось окошечко. Мы инстинктивно отступили на шаг — сработал рефлекс, выработавшийся на площадке Чекинга. Девушка, открывшая дверь, явно была старожилкой, хотя с уверенностью я бы утверждать не взялась: она была в джинсах, ненакрашенная и без каблуков, а как известно, все эти детали преображают женщину до неузнаваемости.

От страха у меня крутило кишки — так бывало, когда я в детстве возвращалась домой с опозданием и точно знала, что мать меня ждет и наверняка устроит разнос.

На первом этаже было полно девушек в джинсах и белых рубашках — новая униформа меняла облик, но тоже очень шла им. Стиль "городская войнушка". Не такой помпезно-вечерний. Одна из них проводила нас на второй этаж. Я почти смирилась с мыслью о том, что, если Королева-Мать

затаила на меня зло, шкуру спасти не удастся.

В первый момент я просто не поняла. Женщина, оплывшая, в бесформенном сером спортивном костюме, бритый череп. Под тусклыми глазами дряблые мешочки, слишком крупный, слегка лоснящийся нос. Я остановилась на пороге практически пустой комнаты, где сидела эта баба, а Соня подошла к ней поздороваться. Голос тоже изменился, но не так сильно. И я шагнула в комнату.

Она выглядела лет на двенадцать старше и утратила всю свою величавость.

Я протянула руку, сказала, извиняясь:

— Я тебя не узнала… Мне так неловко.

Она поднялась, ответила на рукопожатие, задержав мою ладонь в своей.

— Напротив, ты меня успокоила. Если даже ты не поняла, что это я…

Палка о двух концах. Камень с души, потому что эта опасная женщина вроде как ничего ко мне не имеет. И одновременно жутко гадливое чувство — я не хотела видеть ее *такой.*

Она сказала:

— Рада встрече с тобой, Луиза.

Доброжелательный взгляд.

Она сутулилась. Утратила спесь.

Королева-Мать опустилась на стул, кивком предложила сесть и нам. Мне показалось, что она как-то скукожилась. Усохла, подурнела. Я ответила:

— Думала, никогда больше тебя не увижу… Нам тебя не хватало… Мы… как бы это сказать… слегка растерялись…

Я улыбалась, произнося все это небрежно, как бы между прочим, но все-таки договорила до конца:

— Чувствовали себя беспомощными кретинками.

Она потерла щеку, подбирая слова, но виноватой не выглядела.

— Все пошло не совсем так, как я планировала. И я не могла… Нужно было сначала кое-что уладить… Но теперь все в порядке, я смогу начать другое дело.

Она повернулась к Соне.

— Спустись, пожалуйста, на первый этаж. Ненадолго, я за тобой пришлю…

Да, что-что, а командовать Королева-Мать не разучилась. Как только Соня вышла, она нахмурила брови.

— Мне сказали, что твой брат уезжает.

— Завтра. С Матье.

— Знаю, знаю… Ты как, справляешься?

— Все задают мне этот вопрос… Очень мило, но это мои дела… Ну да, я справляюсь, все будет хорошо…

Как это тонко — беспокоиться о моей судьбе… до такой степени… А где ты была, когда они убивали Джино и жгли "Аркаду", куда провалилась, когда мы так нуждались в твоей помощи?

Чем-то я ее развеселила.

— И ты нашла себе подружку…

Вместо ответа я потерла ухо. Она закинула ногу на ногу, махнула рукой.

— Не обижайся… Я не теряла тебя из виду… Не следила, нет, просто хотела быть уверена, что у тебя все в порядке… Мне сообщили, что ты торчишь у нее дни напролет, вот только жалюзи всегда опущены, и никто не знает, чем вы там занимаетесь… Я потому и отослала Соню, она этого не одобряет… Кстати, я всегда подозревала, что ты лесбиянка.

Я вспомнила самый первый раз, когда Виктор стоял в дверях, на виду у всей улицы, уговаривая меня зайти, выкурить косячок. В тот день за мной никто не следил. Я подумала, что все везение, недоданное судьбой, свалилось мне на голову именно тогда.

Я решила сменить тему.

— Предпочитаю не обсуждать это… — и мило улыбнулась.

— Ничего странного… Ладно… Я отослала Соню еще и потому, что хотела дать тебе вот это.

И она протянула мне конверт — я получала от нее множество таких же, только потоньше, — и я всегда воображала, что пришла в гости к двоюродной бабушке, которая втихаря отдает мне часть наследства, потому что я ее любимица. Я ухмыльнулась, пряча конверт в сумку, спросила:

— Делаешь ноги?

— Завтра.

Я возликовала: смогу завтра же все рассказать Виктору. Она будет уже далеко, и мне не в чем будет себя упрекнуть.

Она добавила:

— Если все пройдет как надо. Вот почему я тебя позвала.

Она протянула мне еще один пакет — жесткий тонкий прямоугольник. Тон ее стал торжественным.

— Доверяю тебе это, хочу, чтобы ты его спрятала, не знаю, что ты придумаешь, как вывернешься, но спрятать нужно очень хорошо. Им в голову не придет искать его у тебя, они не так хорошо

знают Организацию.

— Что это?

— Просто дискета. Но она всех интересует.

— Кого именно?

— Легавых, новых хозяев, того самого Виктора, о котором я тебе говорила…

Когда она произнесла это имя, пол качнулся у меня под ногами. Я вдруг лучше поняла все, что произошло во время нашего последнего свидания.

Она поколебалась, прежде чем добавить:

— Я так поняла, что Мирей тоже с ним пересекалась?

— Вроде да, но она никогда об этом не говорит… Скажи, это правда, что он жил у тебя?

Милая гримаска, уклончивый ответ:

— Боюсь, я к нему привязалась… Этот парень — как отрава…

— Он тебя обидел?

— Дал несколько уроков… Меня предупреждали, я знала, какое убойное у него обаяние. Увы, предупреждай, не предупреждай — любая баба думает, что уж она-то станет исключением.

Королева-Мать не разучилась говорить затейливо. Я спросила — почти через силу, потому что не хотела узнавать об этом слишком много:

— Думаешь, есть связь между ним и тем, что случилось с парижанками?

— Не представляю его себе в роли палача… Нет, он сработал бы иначе…

— А если они стали для него опасны? Отказали в чем-нибудь?

Она резко махнула рукой, отметая мое предположение, пожала раздраженно плечами:

— Виктору — не отказывают!

— Да неужели?

Я издала сдавленный смешок, решив снизить градус беседы. Королева-Мать подняла глаза, долго молча смотрела на меня, явно добиваясь, чтобы я почувствовала себя неуютно. Появилось мерзкое ощущение, что она знает о нас и пытается настроить меня против него, чтобы уберечь. Наконец она произнесла строгим угрожающим тоном пророчицы:

— Я всех вас бросила. Вас и все, чем владела. Наверное, я могла бы спасти дело, если бы не считала все это просто ничтожным. Долгие годы я занималась только Организацией и неплохо поработала… Я всех вас предала, но мне, честно говоря, плевать с высокой башни… Неужели ты действительно думаешь, что я бегу из города из-за троих мудозвонов, изображающих из себя

крутых?

— Что такого ужасного он тебе сделал?

— Дал то, в чем я действительно нуждалась. У него природный талант. Он входит в тебя, прикасается: "Вот здесь — плохо, но когда я делаю вот так — уже лучше, ведь правда?" И действительно лучше! Но его уже и след простыл, а ты так и валяешься с раздвинутыми ногами… "Выбирайся из дерьма сама, живи и помни, каково это, когда тебе хорошо!" Бойся его, Луиза, он достаточно хитер и способен заявиться к тебе, чтобы отнять вот это…

— Я знаю, знаю, ты мне уже говорила…

Ты что же, вообразила, что он станет ждать, пока ты меня предупредишь, и не заявится раньше? Думаешь, он оставляет тебе выбор? Знаешь, ты его недооцениваешь…

А она настаивала:

— Хочу, чтобы ты запомнила: увидишь его — беги, не давай сказать ни слова. Иначе тебе конец.

Она не шутила. Я сидела напротив и молча внимала ей, широко раскрыв глаза. Душа и мозг были наглухо закрыты для ее предупреждений, пусть даже справедливых на все сто. Я уже примкнула к своему лагерю — навсегда. Она меня не трогала и не беспокоила, я была глухо спокойна.

Она шумно выдохнула и поставила точку:

— Короче, он меня поимел, как хотел, сволочь проклятая...

И нервный смешок — из-за двусмысленности слов. И взгляд в мою сторону — как выстрел. Я совершенно невозмутимо спросила:

— Что на этих дискетах?

— Сливки сведений об Организации... С первого дня деятельности... Все, что девочки сообщали мне о клиентах, все операции... Ты этот сектор не знала, потому что всегда отказывалась в нем работать... Одним словом — материала на этих дискетах более чем достаточно, чтобы лет этак двадцать каждый день устраивать хорошенький скандал... Мы не очень-то понимали, какой бомбой владеем, пока Виктор не пустил нашу "хронику" в дело, выбросив ее на рынок. Пока он разливался соловьем, заманивая клиента, все было хорошо...

— Так мы и попали в эпицентр урагана?

— Именно так... Будь я в рабочей форме, сумела бы справиться с хаосом. Во всяком случае, не выпадала бы в осадок из-за того, что он отвалил с дискетой.

— Значит, он может ее продать?

— Нет, информация считывается только при

наличии всех трех дискет одновременно.

— Трех?

— Да, последнюю я доверю Соне, на нее они тоже вряд ли подумают. И у Виктора с ней номер не пройдет, если попробует.

— Мы долго должны будем их хранить?

— Я отыщу Виктора, и он отдаст ту, которую украл… Мне необходим весь набор, чтобы вернуть полную безопасность, обосноваться на новом месте и до конца дней купаться в золоте.

— Поэтому легавые прикрыли мадам Ченг?

— Как только прошел слух, будто я не только собрала информацию, но и выпустила часть сведений на рынок, у меня появилось несколько новых врагов…

— А как ты собираешься отловить Виктора?

— Он скоро вернется, у него мало времени. Теперь это не только вопрос денег.

— Дело чести?

— Если он не предъявит дискету, его точно шлепнут — он успел взять жирный задаток. Сейчас покупатели лезут изо всех щелей, так что те, первые, боятся, что их обставят… План простой: я ловлю Виктора, вы храните дискеты. Как только все будет улажено, я с вами свяжусь. Ты получишь очень много денег.

— Думаешь, все быстро получится?

— Да что это с тобой, Луиза? Раньше ты задавала меньше вопросов!

— Раньше мне не приходилось так вляпываться — отсюда и любопытство.

— Не трепыхайся, потерпеть придется несколько дней. Главное — доверяй мне, как я тебе доверяю…

Только это и остается.

Королева-Мать послала за Соней, мы выпили виски. Она много и весело хохотала — смех не изменился, все то же жирное громогласное ржание, заставлявшее забыть и шмотки-обноски, и лицо старухи.

Она проводила нас до лестницы, прижала меня к себе на прощанье. Ее тело было теплым и крепким, объятие — искренним и трогательным.

Мне было уютно и надежно рядом с этой женщиной, и это было очень странное ощущение.

18.45

Соня плакала всю дорогу до станции метро "Горж-дю-Лу". Она напоминала мне каменную статую: лицо оставалось неподвижным, даже более жестким, чем обычно, слезы беззвучно текли по щекам. Она держала меня за руку, и мы шли по обочине, как две малолетки, сбежавшие от матери. В какой-то момент она вдруг опомнилась, сообразив, что я веду ее к метро.

— Ты рехнулась! У меня же клаустрофобия, поездом не поеду, не могу, сейчас поймаем тачку…

19.30

— Ты вроде в порядке… Не пострадала от смены режима… Только не говори, что не откладывала на черный день?!

Соня привела меня в свой номер в гостинице. Огромные окна, шелковые шуршащие, струящиеся до пола шторы, толстый, пушистый, пружинящий ковер и вид на парк Золотой Головы. Жирная буржуазная роскошь…

Присев на край кровати, Соня разувалась, цепляя носком одной туфли задник другой, совсем как мужик, вернувшийся домой со стройки после тяжелого рабочего дня. Одновременно она объясняла мне:

— Я-то сама ничего не откладываю, у меня репутация, нужно поддерживать имидж… Но я работаю, у меня есть верные старинные клиенты, знаешь, те, которые никогда тебя не бросают…

— Твои дружбаны?

— Кончай скалиться! Они меня знаешь как поддерживали в последнее время! Хочешь — смейся, хочешь — нет, но отношения шлюхи с клиентом — это тебе не хухры-мухры, тут есть и уважение, и нежность, и понимание… Меня никто никогда

не жалел, врать не буду, но они и вправду были душками.

Соня заговаривалась, плевалась словами, раскачивала интонацию. Я спросила:

— Почему ты не следишь за своей речью? Во рту у тебя чертова гребаная неразбериха. Живешь в шикарном месте, и давно, а…

— Да я запросто перейду на этот их "сюсин" язык, но люди так не разговаривают, живые люди! Так одни чокнутые вкручивают другим припадочным… Чем дольше я говорю на *их* языке, тем хуже его понимаю.

И тут же, забыв обо мне (скорее всего, она была уверена, что я совсем не в курсе событий), она отвинтила маленькую решеточку кондиционера и сунула в нишу твердый белый квадратный конверт.

Ванная здесь была больше моей гостиной, мы легко уместились вдвоем в угловой ванне. У Сони была черная травка, очень легкая, нужно было большим и указательным пальцами завить ее веревочкой и засунуть в косячок. Мы раз десять меняли воду, чтобы была погорячее, Соня все время подливала туда какие-то загадочные, но очень ароматные снадобья. Мы болтали обо всем на свете, шевеля над водой пальцами. Соня

лежала, на манер Тони Монтаны, опираясь на отведенные за голову локти. У нее были сиськи амазонки, воительницы (во всяком случае, я так их себе представляла!), тяжелые и крепкие, с почти черными сосками.

Я расспрашивала ее о важных для меня вещах: как это, когда ты хочешь? А когда течешь? А если сосешь? Она отвечала не сразу, размышляла, объясняла все очень серьезно и подробно. Я задавала вопросы, чтобы сравнивать и учиться, и делала это впервые, потому что раньше боялась выдать себя, засветиться из-за недостатка интереса и энтузиазма.

Наконец Соня встала, потянулась и заявила:

— Да ты просто издеваешься надо мной! Мы два часа базлаем о вещах, на которые ты раньше и полслова бы не потратила, так что не вкручивай, что ходишь одна с тех пор, как отвалила! Ты никому не доверяешь…

Потом мы долго валялись на кровати, обсыхая, Соня распласталась на животе, как на пляже, повернув ко мне голову и опираясь на локти. Я плюхнулась на спину и без конца скручивала нам косячки. Соня рассказывала о себе и об одном милом парне.

— Я не против поселиться с ним в маленьком

хорошеньком домике… Но этого никогда не будет… Хотела бы. Но я вот такая, ему со мной будет плохо. Не умею я делать мужиков счастливыми.

Время было уже позднее, мы оделись и отправились к Матье — ребята получили наконец документы и устраивали отвальную.

Соня волновалась:

— Ты никогда не жила одна, тебе будет непривычно без Гийома…

22.00

Жюльен менял диски с добродушной уверенностью человека, точно знающего, что и когда надо слушать.

Гийом потянул меня за руку. Он жаждал поделиться мыслями и рассуждениями, зная, как я люблю такое общение с ним. Но я больше ничего не чувствовала, Гийом отдалялся, он был мне не нужен.

Разрыв. Несовпадение. Все меня знали, все считали своей. А я никого не хотела видеть. Плевать мне было на всех этих людей. Их дружба казалась мне почти фальшивой. И это было не то чтобы очень плохо, так, неприятно. Пойди пойми — то ли я теперь вижу все как в кривом зеркале, то ли время искажает все, к чему прикасается.

Я заметила Матье — он стоял в одиночестве у окна, потягивая что-то из стакана и наблюдая за остальными. Я подошла, попыталась изобразить натужную веселость:

— Здорово, что все пришли.

— Да уж… Я рад, что уезжаю.

— Без всяких сожалений?

— Да ты что, впереди — светлое будущее, вся

жизнь!

И он по привычке небрежно передернул плечами. Я молча стояла рядом с ним, глядя на компанию. Я совершенно выпала из игры.

Появилась сияющая, полная сил и энергии Мирей, готовая на подвиги. Как бывало всегда, с ее приходом атмосфера наэлектризовалась. Мирей, этакая плебейская Скарлетт, подсевшая на тяжелые наркотики, порхала по комнате, переходя от одного к другому. Ее глаза сияли тем особым светом, который я теперь узнавала на раз: так блестят глаза женщины, над которой только что хорошенько потрудились.

Она громогласно поздоровалась со мной — мне ведь открыли тайну, сделали частью внутреннего мира, я одна знала о Викторе. Мы перекинулись несколькими словами о том о сем — но не о главном, не о Викторе, хотя все мысли были только о нем. Я смотрела на ее губы, пока она говорила, а думала о том, как он обследовал ее рот языком. Интересно, она тоже любит, когда он берет ее сзади? А пальцы лижет? Жадно, как я?

Как они это делают, как Мирей выгибается, когда он ее обрабатывает?

Выпито было уже достаточно, и кое-кто решил даже потанцевать.

Алкоголь разогрел кровь, вечеринка оживилась.

Но не я, хоть и пыталась. Все зря. Я не знала ни как себя вести, ни что говорить, ни даже над чем и в какой момент смеяться. Не говоря уж о том, чтобы блеснуть остроумием в ответ…

Дождавшись, пока Мирей отвянет наконец от меня, я закрылась в ванной с телефоном. Я не раз видела, как другие бабы закипают потихоньку, а потом, не вытерпев, забиваются в уголок, прижимают трубку к уху и звонят любовнику. И я каждый раз находила это чудовищно идиотским.

— Ты спал?

— Нет… Придешь?

— Сейчас?

— Раз звонишь, значит, хочешь, иначе хихикала бы сейчас с друзьями. Так мне ждать тебя?

— Да, но, если Мирей…

— Кончай, Луиза. Я почти рехнулся, сидя взаперти. Давай приходи, оттянемся, мне это помогает.

Он всегда находил нужные слова…

Я убедилась в том, что Мирей выступает по полной программе, как клоун на арене, она любила посплетничать.

И вышла, никому ничего не сказав.

Я спускалась по лестницам, шум затихал. Эта вечеринка испортила мне всю малину. Ничего не случилось, вот только я летела в пропасть.

23.55

Мне было тоскливо. Такое чувство будто на грудь вывалили ведро тяжелых острых камней и топчутся сверху.

Напрасно я вообразила, что занятия любовью с Виктором освободили меня раз и навсегда, что я защищена.

Теперь, когда Королева-Мать предупредила, что велела следить за мной, я не могла успокоиться. Я их чувствовала, эти глаза, мне в затылок упирались осуждающие взгляды — угрожающие, колкие, они следовали за мной неотступно. Мне желали зла освещенные окна и темные аллеи в парках, они надвигались на меня, пиявили мозг. Вокруг меня сжималось их зловещее объятие, я все время слышала глухо-враждебный шипящий шепот, меня подстерегали в темноте. Все старые добрые страхи вернулись, став только сильнее, они торжествовали победу, перекрывали мне кислород, плели паутину внизу живота, отравляли воздух — тихо-тихо, незаметно, и во рту у меня был мерзкий вкус.

Я не только не набралась сил за несколько предыдущих дней затишья, но чувствовала се-

бя еще более жалким ничтожеством, я больше не могла этого выносить, глупый дикий страх набирал силу, рвался вперед, как машина, врезавшаяся на полной скорости в стоящий впереди автомобиль и намертво с ним сцепившаяся.

От квартиры Матье до дома Мирей идти было не больше пяти минут. Я прибавила шагу, неотступно чувствуя за собой и над собой злобный глаз. Что бы я ни делала, безжалостное око наблюдало, в ожидании, что бы я ни делала, оно в конце концов сожрет меня с потрохами.

Я то совала руки в карманы, то судорожно вынимала их, испытывая панический страх, с которым никак нельзя было справиться, разве что посматривать вправо-влево да бежать из последних сил.

Виктор поднял жалюзи, и я проскользнула внутрь.

Ужас стал запредельным, когда я поняла: он тоже не поможет, как и все остальные, и я не хочу заниматься *этим* с ним, он ничего для меня не сможет сделать, и все бессмысленно.

Его руки пробежались по моему телу: он чувствовал мое беспокойство, понимал, что я где-то далеко, — и не стал ждать, пока я раскочегарюсь и захочу, а вошел сразу, даже платье с меня не

снял. Сначала я отсутствовала, потому что не верила. Нет, он не поможет, а эта чертова дрянь внутри мечется все быстрее и грубее, она растет и в покое меня не оставит.

А потом все вдруг кончилось.

В какой-то момент — я его не ухватила — он прогнал моего врага: уходя и возвращаясь, с яростной силой, как волшебник, добирался до самого дна, пробивал себе проход, заставляя заткнуться вопящий в душе ужас, он брал меня, присваивая, и я слышала только собственное дыхание, и растущее наслаждение, и освобождение, я сбежала от взглядов преследователей, сбросила с груди камни, и мое тело принадлежало ему одному. Не знаю как, но он снова оказался победителем, он добился, чего хотел. Я прижималась к нему, чувствуя единственное желание — спать, мне было спокойно, плевать, что придется вставать и тащиться домой пешком, на все плевать… Ужас прошел, внутренности перестали трепыхаться. Я чувствовала себя совершенно отдохнувшей, расслабившейся, утешенной. И бесконечно благодарной.

Он спросил:

— Мирей сказала, что твой брат уезжает завтра… Почему ты не говорила?

— В голову не пришло…

— Я смогу к тебе переехать?

— А здесь тебе плохо?

— А то! Да я скоро законченным психом стану, если не вырвусь отсюда! Сижу взаперти… Мне никакого резона нет оставаться с Мирей, хочу быть с тобой, все время, когда мы занимаемся любовью, я оживаю.

— Ты не можешь ко мне переселиться, подумай сам… Если ты отвалишь, Мирей первым делом примчится ко мне, и я не смогу не пустить ее. А если она что-то заподозрит, устроит такой тарарам, что мало никому не покажется. И будет, кстати, права.

— Ты должна найти ее, Луиза, иначе я съеду с катушек.

Я даже не стала спрашивать, о ком он говорит. Забавно, что он решил впервые заговорить о деле именно сегодня вечером. Чертов знаменитый инстинкт снова дал ему хороший совет.

Он опять оказался на мне, подложил ладони под мой затылок, двигался тихо-тихо и очень нежно, а я раскачивалась в такт, он смотрел прямо мне в глаза, я откидывалась назад, и дышала им, и чувствовала, как он растет внутри меня, а ко мне приходит умиротворение.

Как только он кончил, я вылезла из-под него, протянула руку к сумке, достала дискету и отдала ему — тянуть кота за хвост было бессмысленно, да я просто не имела на это права.

Я ответила на все его вопросы о Королеве-Матери, передала все, о чем мы говорили. Он спросил:

— Почему не рассказала сразу?

— Да потому, что Королева-Мать всегда меня опекала, теперь она впервые о чем-то меня просит, а я плюю ей в рожу. А еще потому, что боюсь, ты ведь можешь меня бросить, уедешь один, а я останусь, ну, и все, что из этого следует…

Одним движением подбородка он отмел все мои подозрения и страхи.

— Прекрати нести этот бред! Я тебя не брошу, увидишь, как это будет здорово, когда мы наконец свалим отсюда, да еще с деньгами, конечно, потребуется время…

— Кому ты ее продашь?

— Не задавай мне этих гребаных вопросов, не забивай себе голову. Эта дискета — настоящая бомба, ты и вообразить не можешь… Старуха и знать не знала, каким сокровищем владела… Не грызи ты себя из-за нее, с ней все кончено, точно тебе говорю, главное, не переживай, если что случится…

Он меня рассмешил. Я видела, как все гнусно, знала, что мы сейчас делаем, но обо всем забывала, стоило мне дотронуться до него, положить руку на его зверушку.

И все-таки рефлексы сработали: когда он спросил о Соне и третьей дискете, я ответила:

— Не знаю, где ее искать, она живет то там, то тут, двух ночей не спит в одной кровати.

— Думаешь, у тебя получится отыскать ее?

— Сделаю, что смогу, вот только Соня меня не слишком жалует, не знаю почему. Но в любом случае — постараюсь.

Виктор был разочарован и раздражен этой задержкой, хоть и ликовал, потому что снова правильно угадал, вцепившись в меня мертвой хваткой. И потому что был близок к цели.

Пока он скручивал последний косячок, я шарила в вещах Мирей в поисках куртки — на улице зверски похолодало. Потом пошла в ванную, причесалась, не забыв вычистить из щетки свои волосы. Я не торопилась — в конце концов, мы оба уже оделись и вид был вполне пристойный. Я улыбнулась своему отражению в зеркале: надо же, глаза блестят, как у нее, стали такими большими, светлыми, блестящими… На раковине валялись шпильки Мирей, я машинально взяла

несколько, закрутила волосы в пучок, нашла, что мне идет — вид такой благородный и шея длинная и тонкая.

Мы покурили. Виктор был чертовски доволен. Я тоже, потому что рассуждал он об одном: как все будет шоколадно, когда мы достанем третью дискету. Миленькие истории, бодрые обещания… Мне трудно было поверить, что вся эта куча счастья достанется мне задарма плюс к той радости, которой он меня научил. Но я потихоньку привыкала, природная недоверчивость таяла.

2.00

Черная ночь, лестницы на улице Дидро, Саид и Масео спускаются, я поднимаюсь. На середине мы встречаемся, и я спрашиваю, улыбаясь:

— Полюбил гулять по ночам?

— Перестал спать…

— Сиди дома, читай книжку…

Вид у Саида и вправду был усталый, улыбался он через силу, в глаза мне не смотрел, как будто стыдился того, что его уличили в бессоннице. Я предложила:

— Я тоже заснуть не могу, а домой идти не хочется. Давай, что ли, погуляем вместе?

Сначала мы шли молча, испытывая некоторую неловкость, но постепенно воздух квартала успокоил нас, утешил, обнял, и мы пустились в свой ночной дозор: лестница за лестницей, площадка за площадкой…

— Я помню этот подвал, мы однажды вывалили туда целую машину белья, совсем зеленые были, дураки, творили черт знает что… Хозяином здесь был Большой Мустаф, помнишь его?

— Да нет…

— Красивый парень, высокий, с усами, трахался с женой мясника, однажды их застукали, так Мустафа чуть не линчевали при всем народе.

— Ну да, конечно, теперь вспомнила, он еще сильно закладывал за воротник и от этого становился дурной…

Мы карабкались по холмам, захваченные врасплох ностальгическим ражем, заглядывались на окна.

— Помнишь, на шестом жила девушка?

— Да, там был классный бардак. У нее водились денежки, так однажды, на вечеринке, она разложила кокаин по чашкам.

— Чему тут удивляться — ее родители, оба, работали в "Монде".

— Она потом застрелилась…

— Ага… но она с детства была с прибабахом, так что я не удивилась…

Мы бродили часа три, забыв о времени, Масео без устали обнюхивал каждый угол.

Впервые за долгое время я почувствовала: это был мой квартал, мой дом, а теперь мы все потеряли.

Теперь город принадлежит другим людям.

И он уступает и отдает чужакам свои дома. Похотливый и покорный. Продается тому, кто

больше платит.

Красота не умерла, она просто стала печальной. Так могла бы выглядеть моя любимая подруга, припечатанная к кухонному столу первым встречным. Ни соучастия, ни сопротивления. Холодная красота. Что-то кончилось.

Я посмотрела на Саида. Он выглядел таким печальным, поникшим, потерянным. А мне нечего было ему сказать, нечем утешить, я не могла даже соврать, чтобы подбодрить друга.

В конце концов мы вырулили на улицу Пьер-Блан, перед "Аркадой". Сказать было нечего. Развалины еще не начали разбирать, на боковой стене сохранились граффити на английском, сделанные рукой Саида: *"Take"* и *"More"*, только краски выцвели.

Масео рванул на пепелище, и Саид немедленно приказал ему вернуться, боясь, что пес поранится.

Так и закончилась наша ностальгическая прогулка.

У Матье еще горел свет, я предложила зайти, но ни мне, ни ему не хотелось.

Ночь стала прозрачно-серой, начинался новый день. Я спросила:

— Проводить тебя?

Саид хотел вернуться домой, пока Лора не ушла на работу. Он все повторял с виновато-раздосадованным видом, что огорчает ее, но дом такой тесный и он не может все время торчать в четырех стенах. Ночью он обо всем забыл, а теперь вот вспомнил и расстроился. Саид выглядел одновременно проштрафившимся и раздосадованным. У дверей его дома мы выкурили по сигарете и обнялись на прощанье, как члены одной семьи, горюющие по дорогому покойнику.

Масео залаял — ему все надоело, он хотел наконец домой.

Мы попрощались и разошлись.

Четверг, 21 декабря

6.00

Я вернулась на рассвете.

Разувшись, поняла, что стерла ноги до волдырей. Прогулка с Саидом… Наконец-то можно лечь.

Явился из своей комнаты Гийом, присел на край кровати рядом со мной. Вид у него был обескураженный.

— Почему ты вот так смылась? Никого не предупредила…

— Мне там было не по себе. Пошла проветриться.

— И гуляла до сих пор?

— Ну-у, встретила Саида, пошли по "большому кругу", на лестницах каблуки обломала.

— Матье не въехал, как это ты с ним не попрощалась! Никто не въехал. Даже я забеспокоился.

— Ты и завтра, в самолете, будешь дергаться?

— Ну да, конечно… Мы с тобой никогда не расставались больше, чем на две недели. Странно как-то… Поедешь с нами завтра в аэропорт? Жюльен повезет всех на своей тачке.

— Во сколько?

— Вылет — в тринадцать ноль-ноль, там надо

быть в одиннадцать ноль-ноль.

— Прости, не смогу.

Мирей в это самое время будет на работе, так что я даже для проформы не сказала, что постараюсь.

Гийом так растерялся, что не сразу ушел к себе. Он ждал, что я скажу еще хоть что-нибудь. Слушая, как медленно закрывается дверь его комнаты, я говорила себе: "Встань, догони брата, постарайся объяснить, что происходит в твоей жизни, извинись за вчерашнее, пожелай счастливого пути!"

Но я уснула. Мне на все было плевать сейчас.

На этом свете существовала одна-единственная важная для меня вещь.

Впервые за долгое время соседка не разбудила нас новым представлением.

Через несколько дней ее нашла мать. Она забеспокоилась, приехала, долго звонила, потом стучала, в конце концов дверь взломали, вошли и увидели, что она висит в петле ровнехонько над своим матрацем.

Странная смерть для девушки, обычно они решают проблему с помощью таблеток, ну, или бритвой по запястьям.

11.45

Каждый шаг вызывал жуткую боль в щиколотках, на пятках вздулись пузыри. Вчера идти было тяжело, сегодня — практически невозможно. До двери Мирей я ковыляла медленно и мучительно.

Виктор всегда держался чуть сбоку, пока жалюзи ползли вверх, так что, увидев ноги Мирей, я решила: она так перепила вчера, что вообще не пошла сегодня на работу.

Но вот открылось наконец ее лицо — и оно было в слезах.

Я вошла. Дверь в ванную распахнута. Пусто. Как же давно я не видела эту комнату при свете дня… Мирей как будто хотела крикнуть мне: "Смотри, его нет!"

По красным опухшим глазам было видно — плачет она давно. Виктор явно ничего не рассказал ей о нас, иначе она не рыдала бы сейчас у меня на груди.

Мысли путались, все чувства словно застыли, я думала об одном — как не выдать себя.

Вот что она рассказала:

— Я вернулась рано, но он не спал. Был в бо-

евой готовности. Я даже спросила: "Что, Луиза заходила, принесла тебе кокаинчику?.." Ты так неожиданно исчезла вчера… Приготовила чай, свернула косячок, мы поговорили. И вдруг он психанул, безо всякой причины…

Мирей сидела на диванчике, похожая на маленький, жалкий тюфячок, говорила, как автомат, тихо-тихо, едва шевеля губами, глядя вниз, себе на колени.

— Он собрал свои вещи, и я спросила: "Что ты делаешь?" Он был такой спокойный, но очень странный, такой холодный, отрешенный. Я его испугалась. А он меня ненавидел в тот момент. Ответил, что уходит, а я сказала — это безумие, тебя схватят. А он меня послал. Я загородила дверь, и он взбесился. Начал меня бить, спокойно так, методично… Стоило поднять голову, как он ударял сильнее. Пока я не свалилась на пол в углу. Тут он остановился и сказал: "Ладно, хватит, ты свое получила, могу я теперь уйти?" И добавил: "Лучше тебе забыть меня поскорее, потому что я не желаю тебя больше видеть". Потом кивнул в сторону улицы и прошипел: "Да пусть лучше меня прикончат, но я ни минуты больше не проведу в этом гребаном доме, с тобой, сука! Запомни этот урок, потому что в следующий раз я просто

перережу тебе глотку. Ну что, все ясно?" Он сошел с ума… Нельзя ему было уходить вот так, они его достанут…

Она замолчала и снова заплакала — то ли из-за того, что он сказал, то ли потому, что ушел, а может, просто понимая, что он в опасности.

Мирей все повторяла и повторяла, как заведенная:

— Он сбрендил, слетел с катушек, его убьют…

Я спросила:

— Во сколько это было?

— Да господи, и двух часов не прошло… Я пришла около пяти, и до десяти все было тип-топ, а потом он вдруг взвился под потолок, даже о тебе говорил…

Тут она всплеснула руками в знак бессилия, как будто мысли обо мне в подобные моменты — лучшее доказательство его буйного помешательства. Я сделала вид, что соглашаюсь. *Так, ладно, соображай пошустрее. Держи себя в руках, вопросы задавай спокойно и небрежно.*

— Что он говорил обо мне?

— Когда он хотел уйти, а я стала его удерживать, он сказал: "И передай от меня этой шлюхе — твоей подружке, чтобы шла на хрен. Ни одна сволочь не смеет принимать меня за недоумка,

так что она просчиталась!" Вид у него был такой разъяренный…

Вспышка. Взрыв. Удар кулаком в лицо. Моя равнодушная отстраненность дала трещину. Мирей отнесла мою реакцию на счет удивления, тем более что это подтверждало ее версию о "мгновенном помешательстве" Виктора. Она все повторяла и повторяла, качая головой:

— Совсем чокнулся.

Тебе удобно в это верить, тебе везет, что ты способна так себя обманывать, — теперь у тебя есть все звенья цепи, могла бы и догадаться, но тебе удобнее не знать, не видеть.

Загадочная алхимия чувств: зарождавшаяся в душе тоска из-за исчезновения Виктора мгновенно трансформировалась в гнев на Мирей.

Мне удалось сдержаться и не выйти из роли обалдевшей, пытающейся разобраться в ситуации подруги.

— Ты помнишь, что именно сказала ему прямо перед этим?

— Да ничего особенного… болтала о вечеринке, рассказывала новости, то, другое, ну правда, все как обычно…

— Новости о ком?

— Обо всех… О Кэти, о Роберте, о том, что всем на

них насрать, раз они вот так, с легонца, переметнулись к мадам Ченг, а еще о том, как беспокоится о тебе Гийом. Я со всеми поболтала вчера, ну и пересказывала ему разговоры… Говорила о Соне — мы с ней долго общались, она в красках расписывала, как вы оттягивались вместе, потом сказала, что Жюльен…

Маленькая, грязная, тупая засранка.

Голова гудит и кружится все сильнее. Хаос, в котором я ни черта не понимала, уступил место хаосу, который я начинала стремительно осознавать. Я позволила Мирей еще потрепаться, решая, что делать. Потом спросила, теряя терпение:

— А что тебе наболтала Соня?

— Что вы были в Бротто, принимали вместе ванну и она призналась, что вы сто лет знакомы и она всегда тебя любила.

Мирей улыбнулась сквозь слезы — впервые с того момента, как я пришла, произнесла извиняющимся тоном:

— Знаешь, по-моему, Виктора не это взбесило…

— Думаю, нет…

Бедная глупая сучка, мало тебе было раздвигать ноги — разинула-таки пасть! Ну что, довольна теперь?

Она снова принялась плакать, я гладила ее по

плечу, думая совершенно о другом и чувствуя невероятное возбуждение.

Он отправился в Бротто, нужно срочно с ним увидеться, я ему все объясню. Сейчас же. Немедленно. Мне было чертовски трудно объяснить Мирей, что у меня важное дело и я вернусь позже, я голову сломала, как сделать это поделикатнее. И тут — хвала небесам! — вспомнила:

— Прости, Мирей, но я обещала Гийому, что провожу его в аэропорт. Я должна поехать. Вечером вернусь. Ты никуда не уйдешь?

— Наверно, буду дома… Я думала, Гийом улетает в одиннадцать?

Чертова стерва, не так уж ты и расстроена, все соображаешь!

— Проехали, у меня нет времени на объяснения, но сейчас я уйду, а вечером — клянусь! — снова приду к тебе.

— Правда, обещаешь?

Ну конечно, я вернусь, надеюсь, только за тем, чтобы наговорить тебе сорок бочек арестантов и сообщить, что должна срочно уехать.

Она подняла на меня глаза несчастного ребенка.

— Ты его приведешь?

А то как же! А еще — пососи мою титьку, про-

верь, есть ли молоко...

— Вряд ли. Я тоже ничего не понимаю, мне жаль.

13.00

Мысли стучали по темечку, эмоции перехлестывали через край, я почти задыхалась.

До квартала Бротто я добралась на метро за считанные минуты. Мозоли лопнули, но ни кровь, ни боль меня не волновали.

Я и себе не смогла бы объяснить, почему хотела как можно быстрее добраться до Сони… Постучала, в ответ — тишина, я толкнула дверь, вошла. Она стояла у стены, целясь из пистолета прямо в щеку Виктору, сидевшему на кровати. Судя по всему, они разговаривали.

Пауза. Так, что я делаю теперь? Блестящий черный пистолет был главной деталью в пространстве комнаты. Все зависело от него, и я почувствовала облегчение от того, что его пустой глаз смотрит не на меня. Виктор ничего не сказал Соне.

Черт, как странно видеть его здесь, при ярком свете дня, а не там, где мы всегда встречались. Один мимолетный взгляд на Виктора — и я поняла, зачем пришла сюда.

Теперь все происходило помимо меня. Чувство такое же, как при дебюте, когда выходишь на сце-

ну танцевать, все делаешь правильно, но душу не вкладываешь.

Я повернулась к Соне — она ведь единственная, кого я знаю в этой комнате, разве нет? — и сказала, с паническими нотками в голосе (мне даже не пришлось притворяться):

— Что бы тут у тебя ни было, но все это некстати, потому что *она* требует тебя — немедленно.

Потом, кивнув на Виктора, спросила небрежно:

— Клиент?

— Познакомься, Луиза, это Виктор. Я знаю кое-кого, кто будет очень рад его видеть!

Она не спускала с него глаз, опьяненная своей ядовитой ненавистью. Не зная, что сказать, я пожала плечами:

— Придется его здесь оставить, не тащить же с собой. Думаю, дело срочное, возникли проблемы, она только что звонила, сказала, ты что-то должна взять. Вторая пушка у тебя есть? Этого типа я постерегу, а ты давай двигай, время поджимает… Свяжем ублюдка, она потом его заберет.

Как только я сказала, что она нужна Королеве-Матери, Соня забыла о Викторе, кивнула мне, подзывая ближе.

— У меня нет другого ствола, возьми этот. Ше-

вельнется — стреляй. Держи, сейчас решим…

Соня не спускала глаз с Виктора и оружие отдала мне только после того, как я встала рядом.

— …что с ним делать.

Больше она ничего сказать не успела — потому что я выстрелила, автоматическим жестом, развернувшись к ней всем корпусом — грудью, ногами, головой, подняла вытянутую руку и выстрелила в лицо. И увидела ее глаза, в которых плескалось недоумение — *"что это она делает?"*, и дыру вместо носа. Она упала не сразу — сумела сделать несколько шагов ко мне. Я стояла совершенно неподвижно и могла бы простоять так целую вечность, спрашивая себя: *"Я это сделала? Где это я?"* Я точно помню, что на какое-то мгновение выпала из реальности, отключилась, зависла в невесомости. Мне понадобилось запредельное усилие, чтобы сконцентрироваться и восстановить ход событий с той минуты, когда я постучала в дверь, до секунды, когда выстрелила.

Виктор бросился к Соне, подхватил ее, толкнул, чтобы она упала на кровать, — лишний шум был ни к чему. Я не двигалась. Он вынул у меня из пальцев пистолет, положил подушку Соне на лицо и выпустил в нее еще три пули. Поднял,

убедился, что от головы мало что осталось. Педантичный, четкий и ужасно деловой.

Выпрямившись, выругался:

— Черт, слишком много шума, как бы не явились…

Он с тревогой взглянул на дверь, отпихнул Сонин труп, чтобы вытащить из-под нее одеяла, прикрыл тело. Подушка сползла, и я не могла отвести глаз от ее лица, вернее сказать, от того, что от него осталось — кровавая масса с розовыми зубами. После четырех пуль в голову кровищи было — залейся.

Так, Соня — под одеялом, Виктор — у двери, прислушивается.

Он действовал очень хладнокровно, расчетливо.

— Ты знаешь, куда она ее положила?

— За решетку кондиционера, там, рядом с кроватью.

Я ответила ему бесцветным голосом, жалким, тихим и несчастным.

Успокоившись, Виктор вернулся к кровати, нашел глазами решетку, упал на колени, рванул изо всех сил и вытащил маленький, плоский квадратный пакетик.

Закрыл глаза, присвистнув от счастья.

Я находилась все в той же позиции, но еще не вернулась, по-настоящему — нет.

Наконец он посмотрел на меня:

— Ты виделась с Мирей?

— Пришла увидеться с тобой сегодня утром…

— Вот интересно — чем бы все закончилось, не заявись ты к ней… Поздравляю, ты была неподражаема… Хочешь долю от продажи?

Я посмотрела направо, налево, себе под ноги — не поворачивая головы. Не знаю, почему я так делала — но делала же, вращая глазами со страшной скоростью. Главным в тот момент было — не взглянуть на него.

Разве я не сделала все по высшему разряду, чтобы наша жизнь продолжалась как раньше?

Так почему же ВСЕ не так? Почему он не обнимет меня?

И я пустилась в объяснения, вращая глазами, как дебилка, вообразившая себя жирной мухой:

— Ты-не-должен-злиться-на-меня-за-то-что-я-вчера-сказала-что-не-знаю-Соню-и-могла…

— Это было хрен знает как важно для меня! И ты это знала. Ты не должна была ТАК со мной поступать. Не должна…

Я посмотрела на него, чтобы получить подтверждение услышанному: да, он все для себя решил.

Далекий, враждебный. Чужой.

— Не бросай меня, умоляю, не бросай…

Как только эти гребаные слова вырвались у меня из глотки, я уже не могла остановиться и все повторяла и повторяла их.

А он все молчал и молчал со скучающим видом.

Потом наконец подошел. Я бросилась к нему на грудь, но его не было — он отсутствовал. Я точно это знала, потому что помнила, как все было, когда он меня на самом деле хотел.

Он снова повторил — таким тоном, будто это причиняло ему боль, но он был бессилен и ничего не мог изменить:

— Ты не должна была так со мной поступать.

Потом обнял меня за талию, отвел в ванную, поставил перед умывальником, взглянул на мое отражение в зеркале. Ладони скользнули на бедра, поцелуй в шею, глаза в глаза в зеркале…

Я судорожно цеплялась за край раковины. Я хотела его. И он взял меня — даже не сняв джинсы, просто расстегнул зиппер, спустил мне трусики до щиколоток. Я не могла встать, как мне хотелось, и двигалась совершенно механически, а он это понял, почувствовал, и задвигался быстрее, грубее, искал меня, и находил, и делал ЭТО, и все

исчезало, и он держал меня за волосы, забираясь все глубже внутрь.

Я почувствовала, как Виктор взорвался — ногти впились в мою кожу, как крючья, как будто он пытался сломать меня.

Мы не разговаривали. Провели полдня в этой ванной, совокупляясь, как животные, то на полу, то стоя у стены, и все это время я знала, что Соня лежит рядом, на кровати, прикрытая одеялом. До меня постепенно доходило все, что случилось. Много часов подряд мы карабкались на стены, бились на холодном кафельном полу, свиваясь в клубок. И мне было хорошо, и я облизывала пальцы, и чувствовала его целиком. Я хотела только его, он один был для меня реален.

Он погладил меня по волосам и сказал:

— Ладно, пора действовать… Нальешь ванну? Отмокнем и — вперед. Договорились?

Виктор вышел, я долго спускала воду, чтобы стала погорячее. Думаю, что была не в себе в тот момент, — чувствовала одновременно блаженство во всех членах и пришибленность.

Я присела на край ванны.

Соня… Ее голова, размозженная пулями… Мертвое тело, похожее на тюфяк, прикрытый окровавленными простынями.

Но дело того стоило. Я должна была так поступить.

Потому что, пока ты со мной, все остальные так далеко и я не боюсь, потому что, пока ты со мной…

И тут я поняла, что Виктора нет рядом.

Я тихонько позвала:

— Виктор?..

Наверно, я бог знает что себе вообразила. Крикнула громче:

— Виктор?

Но я точно знала, что его нет в комнате, что он исчез, как только вышел из ванной, скатился вниз по черной лестнице, прямо на улицу, бросив меня.

22.55

Я так и осталась сидеть на краю ванны. Прямая, неподвижная, ладони судорожно сжимают бортик.

Я ждала, потому что надеялась, что он передумает и вернется за мной. Смутно, не признаваясь себе. Он передумает. Он вернется. Я ждала, потому что не хотела ни понимать, ни смиряться.

Когда в дверь номера постучали, я вздрогнула, вскочила, вздрючилась, поверив на мгновение, что это он.

Вот только *он* не стал бы стучать. Нужды не было.

В дверь снова постучали, и я окончательно опомнилась. События наваливались, мысли прояснялись, по нервам ударил страх.

Я встала. Сердце колотилось, как загнанный заяц, голос не слушался:

— Да-да, кто там?

Резкая боль в лодыжках едва не свалила меня на пол.

— Соня! Соня, это я, у нас назначено…

От облегчения меня чуть не вырвало. Клиент… К Соне… Пришли не за мной… Короткий взгляд

на кровать — на кремовом пикейном одеяле, там, где голова, расплывалось кровавое пятно. Я бросила поверх него подушку. Мерзость… Страшная сказка…

Я открыла наконец дверь, и на пороге возник коротышка-пузан в профессорских очках. Увидев меня, он страшно смутился, отступил назад, заблеял, извиняясь:

— Я, наверно, ошибся…

— Сони нет, а я спала. Передать что-нибудь?

— Ну-у…

Я захлопнула дверь у него перед носом. Не слишком вежливо… Ладно, с Сониными клиентами можно теперь не цацкаться.

Меня мотало по комнате, мысли разбегались в поисках выхода, повсюду натыкаясь на глухую стену, о которую можно было разбить голову.

Сходить к Мирей. Я обещала. Больше ничего придумать не могла. Сейчас я хотела видеть только ее, слушать, сидеть рядом, укрыться в ее доме. Вдруг он там?

Только в эту минуту я по-настоящему осознала — Гийом уехал! Потому что, по логике вещей, кинуться за помощью я должна была бы к нему.

23.05

На улице холод бритвой резанул пальцы. Каждый шаг отдавался жуткой болью в истерзанных щиколотках.

Я едва дохромала до входа в метро, освещенного теплым оранжевым светом вывески, медленно, цепляясь за ледяные перила, спустилась по ступенькам, корчась от острой боли. Я укрылась в физическом страдании, это позволяло мне вообще не думать.

От станции мне оставалось всего несколько минут ходьбы до дома Мирей. Дверь оказалась только прикрыта, и я тяжело ввалилась внутрь.

Знакомое место принесло мимолетное успокоение. Убежище. Ложное чувство: куда бы ни падал взгляд, нутро отзывалось взрывом желания, вспоминая, как его ублажали, но мне следовало сию секунду начать привыкать к пустоте, хотя сделать этого я точно никогда не сумею.

Я думала, шум разбудит Мирей и она выйдет, поможет мне подняться.

Что мне ей сказать?

Какое-то время я размышляла над этим, лежа на спинке на полу в гостиной.

Выпить. Единственно разумное решение на этом этапе.

Я даже не попыталась встать, так и поползла на четвереньках.

И увидела Мирей, разлегшуюся на полу. Все ясно: нажралась вусмерть.

— Представь, сама об этом подумала… — пробормотала я. — Отложим гребаные проблемы до завтра, а сейчас задрыхнем…

Я подтащила свое полумертвое тело поближе, твердо решив "догнать" Мирей: валяться в стельку пьяной на холодном кафеле, ничего не чувствуя, ни о чем не думая…

Я рявкнула:

— Просыпайся, колода! Мне тоже нужно выпить…

Я жаждала, чтобы она очнулась, чтобы говорила со мной, заставила меня собраться.

Мирей не шевелилась, валялась, повернувшись спиной, и я зашлась нервным истерическим смехом (со мной такое изредка случалось).

— Слушай, ты действительно тупая толпега, дверь нараспашку, входи кто хочешь… А ты тут валяешься, полуголая…

Я схватила Мирей за плечо, потянула, поворачивая к себе.

Тело обмякло, перевернувшись на бок, и ко мне, из лужи у стены, поползла тонкая струйка густой крови.

С Мирей содрали кожу, лица не было вовсе, плоти на костях — тоже. На руке уцелела часть татуировки-розочки.

Не поднимаясь на ноги, я отшвырнула свое тело назад, тупо глядя на растекавшуюся лужу крови.

Помогая себе руками, я попыталась встать на ноги, боясь, что темно-красный слизистый язык меня догонит.

Колотя по полу руками и ногами, я выехала на заднице на улицу, вскочила и, забыв о стертых в кровь ногах, понеслась в сторону площади Кольбер. Меня сотрясала неукротимая рвота едко-горькой желчью, тело шло вразнос, изо рта на свитер текла вязкая слюна. Рукав свитера пропитался кровью. Прислонившись к стене, я разинула рот, чтобы закричать, но ужас в животе заморозил голосовые связки.

Я начала биться головой об стену, сначала тихонько, потом все сильнее и сильнее, говоря себе: "Кончай этот бардак, что ты делаешь, кончай, завязывай..." Глаза закатились, больно было ужасно, но легче не становилось. Рядом затормозила машина. А я все пыталась размозжить

затылок о бетон, чтобы все наконец прекратилось. Чтобы сделать хоть что-нибудь.

— Луиза…

Тихий голосок настойчиво звал меня, а я не слышала. Голос терпеливо повторял:

— Луиза!

Невесть откуда взявшаяся Лора с тревогой смотрела на меня, опустив стекло машины.

— Я не видела Саида, мне жаль…

Она вылезла, подошла ко мне, взяла под руку:

— Давай пошли со мной, не сиди тут…

Властная и деловая. Озабоченная. Я поднялась, она открыла дверцу, помогла мне сесть. Я спросила:

— Отвезешь меня домой? Мне сейчас не до бесед, так что извини…

— Да что ты, конечно, я вижу…

Она включила зажигание.

Сзади нервно закопошился пес, и Луиза приказала:

— Лежать, Масео, лежать!

Она с тревогой следила за собакой, глядя в зеркало. Я машинально спросила:

— Саид не взял его с собой?

Не скажу, чтобы это меня так уж сильно интересовало, рассудок просто сделал наиболее

логичный вывод: "Она одна на улице в такое время, значит — ищет своего мужика. А он, как правило, берет Масео с собой".

Лора улыбнулась:

— Да нет, сегодня я что-то не могла заснуть и решила прогуляться с Масео по Ла-Мадин. Так, собачка?

Странно, но она просто излучала веселый напор.

— Хочешь с нами?

Что за гребаный вопрос? По моему пришибленному виду ясно, что больше всего мне хочется завалиться к себе, принять душ и попытаться привести мысли в порядок. Я отрицательно покачала головой.

Она улыбнулась с понимающим видом. Съехав с холма, повернула налево — в сторону, противоположную моему дому. Я пыталась сохранять спокойствие.

— Чудной ты выбрала маршрут до улицы Аннонсиад.

— Я тебя потом отвезу. У меня проблемы с Саидом, мне правда нужно с тобой поговорить.

Она произнесла это так мило, по-ребячески, нежным голоском, что я взвыла, колотя по приборной доске:

— Да срать я хотела на твои проблемы! Не видишь, как мне хреново? Заехали черт знает как далеко, а у меня мозоли полопались, пешком я не дойду. Так что давай, припадочная идиотка, рули в сторону моего дома!..

Я не каждый день разговаривала с Лорой в подобном тоне, но она, не обращая на меня внимания, взглянула с опаской на собаку и предупредила озабоченным тоном:

— Не беспокой Масео, он немножко нервничает. Не повышай голос.

Я обернулась к собаке — пес как пес, такой же, как всегда, — и заговорила с Лорой, как с безумной:

— Лора, я не шучу, отвези меня домой, у меня жутко болят ноги, я должна поспать, не сейчас…

Кажется, ее все это забавляло. Мы были уже на мосту Вильсона, и она перебила меня властным тоном:

— Вовсе нет, именно сейчас, сейчас или никогда.

Лора была похожа на подростка-хитрюгу, замыслившего какую-то каверзу. Мы ехали через парк Золотой Головы, руки у меня так и чесались врезать ей, но я не умела водить, иначе оторвала бы эту дуру от руля и выкинула на заднее

сиденье.

И вот так каждый раз: думаешь, что выбрался, а тиски сжимаются все крепче. Куда бы ты ни шел, что бы ни делал, надеешься на передышку, а тебя подстерегают в темноте.

Я так устала, что махнула на все рукой.

— Ладно, раз уж я сегодня домой не попаду и выспаться мне не светит, помолчу…

Лора, явно обрадовавшись, поспешила меня успокоить:

— Не волнуйся: я тебя потом обязательно отвезу. Ты не пожалеешь, что осталась.

Она вставила кассету в магнитофон, включила звук на полную катушку. Почти лежа грудью на руле, подпевала веселенькому заводному мотивчику.

На заднем сиденье заныл, заскулил Масео — он узнавал дорогу, понимал: сейчас выпустят погулять.

Я вытащила сигарету из пачки "Кэмела", валявшейся на приборной доске.

Я не курила много часов, и от нескольких затяжек стало легче.

Вот так и выживаешь на длинных дистанциях: здесь сигарета, там глоток виски, минутная передышка, два-три глотка воздуха. А потом тяжелая

рука хватает тебя за шиворот, вбивает голову в плечи: хорош загорать, давай к делу.

Мы почти приехали. Лора мурлыкала, отбивая рукой такт по рулю. Ладонь маленькой девочки, белая кожа, короткие, аккуратно подстриженные ногти, тонкие пальчики.

Я опустила стекло, щелчком отправила за окно окурок, следя, чтобы его ветром не прибило назад. Убрала звук, спросила, не пытаясь быть милой:

— Так что там у тебя с Саидом? И давай покороче, я не слишком расположена с тобой беседовать…

— Ты знала, что он спит с Мирей?

Короткое замыкание. И шутка:

— А то! Все знали, ведь они обожали трахаться на стойке "Аркады"!

— При всех?

Мы чуть не врезались в ограждение, потому что Лора резко развернулась ко мне всем телом, оскорбленная, серьезная. Я сказала, на полтона ниже:

— Конечно нет. Слушай, какого черта ты вбила себе в голову эту хрень?

— Потому что я их видела.

Я схватилась за голову, произнесла умоляющим тоном:

— Послушай, Лора, сейчас не время… Не засоряй мне мозги… Жаль, что у тебя все так вышло, но…

Я не испытывала никакого желания рассказывать Лоре о том, что нашла истекающую кровью Мирей, с которой заживо содрали кожу — *всю* кожу. Лора была тщедушной, маленькой, хрупкой, нервной женщиной, и я не хотела пугать ее. Мне было плевать на ее нервы, но я бы не вынесла ни истерики, ни обморока. Я жаждала двух вещей — сна и покоя. Я стала рвать на себе волосы и застонала, в надежде, что она бросит засирать мне мозги своими глупостями. Лора спросила:

— Ты от нее выходила, когда я тебя подобрала?

И — не дав мне времени ответить — прошипела сквозь зубы, очень довольная собой:

— Миленький у нее был вид, да?

— Так ты что, видела?..

— Конечно. Когда ты появилась в конце улицы, я как раз выходила.

— И ты никого не предупредила?

— Нет.

— А за каким хреном ты к ней приперлась в такую поздноту?

— Ты видела.

— Что — видела?

— Они спали, говорю тебе. Я ей показала, этой

шлюхе, маленькой грязной стерве, показала, что об этом думаю! Эта подстилка еще издевалась, и я ей показала. Не будет теперь изображать самую умную, не сможет тереться мохнаткой о каждого встречного-поперечного, как течная сука! Она просто не имела права, не имела…

Ее голос срывался на визг, скрипел и щелкал, в глазах плескался опасный огонек.

Машина остановилась в пустынном месте, я открыла дверь, поставила ногу на землю, морщась от боли. Мерзкая псина оцарапала мне когтями плечо, выпрыгивая на улицу, и Лора принялась бранить его.

Я сидела, глядя на черную колышущуюся в нескольких метрах от нас воду.

Лора задала риторический вопрос:

— Ну как? Хорошо здесь, правда?

Она подпрыгивала от возбуждения — маленькая девочка с большим тараканом в голове, потом уселась наконец на поваленное дерево напротив меня, сложив руки на сведенные вместе колени и держа спину совершенно прямо, как примерная школьница. Я терла лоб, опустив голову и нахмурив брови. Так, ладно, она явно ждет, что я стану задавать вопросы. Что ж…

— Ты действительно это сделала?

— Посмеялась над этой шлюхой? Ну да.

— Потому что думала, что она перепихивается с Саидом?

— Я не могу быть одна, Саид это знает. Схожу с ума, если дом пустой. Нельзя меня оставлять, Саид меня знает, но ему плевать. Он знает, что со мной бывает, и все-таки уходит. Насрать ему на то, что я часами мечусь по углам и умираю от страха, а ему одно нужно — глотнуть свежего воздуха…

Все, что говорила Лора, было для нее жизненно важно, она выкатывала глаза, склонив голову к плечу, напирала на каждое слово. Эта девка считала поведение Саида худшим преступлением на свете.

И плевать она хотела на мое мнение, ее не интересовало, что я почувствовала, найдя изуродованное тело убитой ею Мирей.

Лору волновала только сама Лора — иррациональный страх перед пустым домом, желание выговориться наконец. Она взяла меня в заложницы и одолевала рассказами о своих кошмарах, зацепила походя, как урну, выблевывалась мне в душу.

Она продолжила излагать свою навязчиво-страшненькую историю:

— Ну так вот, вчера он снова решил уйти. И, уж конечно, не захотел взять меня с собой. Думает, я идиотина и не знаю, почему он хочет быть один. Знает ведь, что со мной начинается, когда его нет, знает и плюет. Он ушел — якобы прогуляться с собакой. А я не спала и умирала от страха — меня нельзя оставлять одну. Ходила кругами по дому, но свет не зажигала, заметила, если он с улицы увидит свет в окнах, не вернется. Утверждает, что это неправда, но я-то знаю… Рано утром я услышала, как на улице скулит Масео, подошла к окну и увидела их — Саида с Мирей, они целовались. Спряталась, чтобы он не узнал, что я их видела, легла и стала его ждать. Со вчерашнего дня я ни о чем другом и думать не могла. Они занимались этим рядом с моей дверью, понимаешь? Проклятая сучка! У меня под окнами!

Лора дышала тяжело и часто, глаза горели от возмущения. Она повторила с гневом и болью:

— Представляешь?!

— Может, ты ошиблась?

Но она не слушала, захваченная своей историей, ей хотелось проговорить ее вслух.

— Потому-то сегодня ночью я снова пошла. Он меня вынудил. Он не хочет поступать правильно, не ведет себя со мной как надо. Мне пришлось

снова это сделать. Она открыла и совсем не испугалась. Когда я сказала, почему пришла, она начала ржать, как безумная: "Я до твоего дружка и пальцем не дотронулась, Лора, мне и в голову это ни разу не пришло!" У нее тоже вид был пришибленный, а она меня не боялась, мерзкая лживая подстилка! Видела бы ты эту бойню — она отбивалась сильнее других! Но мы ее сделали, достали.

— Ты была не одна?

— С Масео. Эй, собачка!.. Сюда, малыш, ко мне…

Пес, жевавший неподалеку травку, поднял голову на зов хозяйки. Подошел — неуклюжая добродушная зверюга. Лора обняла его за шею, приласкала, повторяя:

— Ты-то меня никогда не бросаешь, да? И ты поймал эту сволочь, не дал ей уйти, правда?

Говоря это, она гладила собаку по голове, потом подняла на меня глаза и спросила:

— У тебя никогда не было собаки?

— Нет.

— Заведи, увидишь, как они умеют любить.

Голова у меня кружилась. Неясные образы и картины наплывали друг на друга: мертвая Мирей, бегство Виктора, спазмы внизу живота.

Я хотела, чтобы Лора оставила меня наконец в покое, но она никак не могла заткнуться.

Я смутно побаивалась, что Лора привезла меня сюда из-за той истории с Саидом в кабинке, что она натравит на меня своего безмозглого мохнатого гиганта.

Лора подняла голову, бросила на меня злобно-подозрительный взгляд.

— Она же была твоей подругой, может, ты знала и покрывала их?

Я была в ярости, меня тошнило. Больше всего на свете я сейчас хотела подтащить Лору к воде и утопить, держать ее голову под водой и чувствовать, как она вырывается, пытаясь спастись. Но я только пролепетала:

— Конечно нет! Ничего я не знала и вообще не могу поверить…

Я их боялась — Лору и ее огромного пса. Желание спасти свою шкуру помогало хорошо сыграть роль — тон у меня был искренний, участливый. Я всегда была трусовата — это помогает выживать.

— Стеф и Лолу тоже ты?..

В моем голосе не было осуждения — только почтительное любопытство.

В ответ — сияющая ангельская улыбка, гордо поднятый подбородок, склоненная набок ма-

ленькая головка. Карикатурное, непристойное кокетство…

— Они ищут, ищут… Я наблюдаю издалека и потешаюсь, потому что ищут-то они не там! Меня они даже не замечают. А это я, все — я, но никто на меня не подумал, ни разу.

Она торжествовала, и в знак победы ударяла себя кулачком в грудь. Так иногда делал Саид, и Лора, как обезьянка, повторяла мужской жест.

Было очень тихо, только Масео обнюхивал все вокруг, шурша ветками.

Лора продолжила возмущенным тоном:

— Я не могла позволить, не могла это так оставить… Мы с Саидом всегда были счастливы вместе, до этой зимы. Все шло как надо, своим чередом. А потом он встретил этих девок и стал сам не свой. Все время к ним шлялся, как будто там ему было медом намазано. Я умоляла его не уходить, а он заедался: "Я должен прогуляться, Лора, я здесь задыхаюсь!" Это в собственном-то доме… Вроде как я его душила… А те две шлюхи наоборот! Я просто заболевала, была в жутком виде, когда он возвращался. Приходил, но ничего не хотел видеть и понимать. Однажды я его так долго ждала, что совсем разъярилась и поехала к ним искать его. Взяла Масео — не люблю остав-

лять его одного, он скучает. Мне открыла Стеф, я едва смогла протиснуться, она не хотела меня пускать, разговаривала, не разжимая губ: "Я тебя не знаю!" Но я все-таки вошла, а она продолжала издеваться: "Нет, твоего мужика здесь нет! Хочешь — пошарь в шкафах, давай! Он, наверное, вышел купить молока, а ты решила, что сбежал..." Тогда я взбеленилась и сказала, что лучше ей не вмешиваться в наши дела и что я не хочу, чтобы он к ним ходил... Она засмеялась. "Ты думаешь, он плюшевый мишка? Он уже большой мальчик, так что, если захочет — придет, и я тоже большая девочка, захочу — впущу его. Мы ничего плохого не делаем, а вот тебе точно необходим отдых!" Я кричала, нервничала, она хотела меня ударить, и Масео вцепился ей в горло.

Видела бы ты это — повалил на пол и стал рвать глотку. Он не разжимал хватку, она пыталась вырваться, а он ее разделывал на куски. Вторая была в комнате, услышала шум и вышла. Была под кайфом и ползла по стеночке. Поверить не могла своим глазам. Я пыталась отозвать Масео, но он не слушался, отгрызал куски мяса от Стеф, рычал ужасно... Я его таким никогда не видела. Лола начала вопить, стала его оттаскивать, и он на нее набросился. Оскалил пасть, прижал к

стене, поставил лапы ей на плечи, вцепился в лицо, она упала, и он ее прикончил.

Я испугалась, подумала, что Масео взбесился и его придется усыпить. Но он вдруг успокоился, подбежал, стал тереться о мои ноги… Я его приласкала, погладила, поговорила с ним. Я знала, что пора оттуда уходить, но надо было сделать так, чтобы никто не догадался про собаку. Я взяла на кухне большой нож и счистила те места, где были следы зубов. Я вот как рассуждала: у этих девок опасная профессия, они не местные, подумают, у них свои заморочки. Я все очень чисто сделала, расстелила газеты и сложила на них срезанное мясо.

Люди думают, я чокнутая, но я умею все делать правильно. Я вспомнила, что у меня в сумке есть фотоаппарат, и сделала несколько снимков — знала, что они могут мне потом пригодиться. Масео как будто понимал, что я делаю, и сторожил у двери. Мне повезло, что Саид не появился: Масео точно узнал бы хозяина и стал бы скулить.

Я думала: ну вот, кошмар позади, избавилась от этих двоих, теперь у нас с Саидом все наладится. Но он снова оставил меня одну уже на следующий день. А если сидел дома, говорил только о них: "Стеф и Лола то, Стеф и Лола сё…", даже плакал.

Я могла бы сдохнуть — ему было плевать, он все время рвался уйти. Как-то я пришла в "Аркаду" — ты помнишь, ты была там в тот вечер — и увидела его за столиком с этой шлюхой Робертой, она прямо-таки оторваться от него не могла. Утром я напечатала те фотографии и послала ей, потому что не хотела идти к ней домой. Не хотела делать ЭТО снова, правда. Мне надо было просто напугать эту сволочь. Чтобы она держалась от него подальше. Вот только я не подумала о Мирей... Знаешь, он часто говорит о тебе. Он тебя любит. Я знаю, между вами ничего нет, я могу тебе доверять. Ты меня уважаешь. Твое мнение важно для него. Ты должна с ним поговорить.

— Поговорить?

— Пусть он больше так со мной не обращается, кто-то должен ему сказать... Пусть не оставляет меня одну. Надо ему сказать.

— Обещаю, скажу, как только увижу.

— Ладно, к этой он точно больше не пойдет.

Лора встала, позвала собаку, сказала, что становится холодно, и вдруг забеспокоилась:

— Ну как, тебе не очень больно?

Я покачала головой. Мне казалось, что мне прижигали щиколотки каленым железом, но к чему было говорить это Лоре? Садясь в машину,

она пообещала:

— Мы остановимся у аптеки, купим все для перевязки, и я тебя подброшу домой. Идет?

Полное безумие… Я смотрела в окно на разбегающиеся серые тени. Гийом уехал, а он так мне нужен сейчас. Я снова видела перед собой заплаканное лицо Мирей. Потом ее окровавленное тело на полу. То, что я сделала с Соней, казалось сном, но я это сделала без малейших колебаний. Королева-Мать, обнимающая меня на прощанье. Соня… сон… реальность…

Виктор ушел, бросил меня. Мне отплатили моей же монетой…

Где-то, в параллельном пространстве, Лора все повторяла и повторяла:

— Он делал это с другой, ты понимаешь?

— А его ты тоже заставишь заплатить за обиду?

Она повернула ко мне голову, изумленная нелепостью вопроса, ответила с возмущением и укоризной в голосе:

— Масео никогда не тронул бы своего хозяина!

Я пригляделась к ней повнимательнее: опасный огонек в глазах разгорался пожаром. На длинном крутом повороте моя нога скользнула поверх ее ноги, вжала в пол педаль акселера-

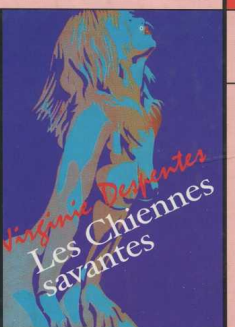
тора.

Лора крутила руль, пытаясь вырваться, собака заволновалась, но было уже поздно. Я крепко вжимала ногу в пол, мы ехали очень быстро, а поворот был и вправду крутым…

ИНОСТРАНКА

Les Chiennes savantes

VIRGINIE DESPENTES



Виржини Депант (род. 1974) – одна из самых модных современных французских писательниц, автор романов "Трахни меня" (Baise-moi, 1993), "Миленькие вещички" (Les Jolies choses, 1998, премия Флора) и "Дрессированные сучки" (Les Chiennes savantes, 1999). Первый же роман Виржини Депант "Трахни меня" был воспринят как взрыв бомбы. Фильм, снятый по этому роману, упрочил ее скандальную славу. "Дрессированные сучки", продолжающие тематику "Трахни меня", – одна из самых продаваемых книг во Франции.

ИЛ

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

Составитель серии И. Кормильцев

©

017 *Ник Кейв*
И узре ослица Ангела Божия

018 *Фредерик Бегбедер*
Любовь живет три года

020 *Амели Нотомб*
Преступление. Ртуть

021 *Мишель Уэльбек*
Ланзароте

Героиня романа "Дрессированные сучки" Луиза живет в Лионе и танцует в пип-шоу. Да, грязно, да, опасно, но ведь все так живут... И жизнь идет, как идет, пока на кафельном полу кухни не находят зверски убитыми двух стриптизерш-парижанок, которые черт его знает зачем приехали в Лион.

ISBN 5-94145-140-7

9 795941 451400

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.